

Б. А. ДРАНОВ

ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ

(МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ
РЕЖИМ)

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР
МОСКВА • 1948

Б. А. ДРАНОВ

ЧЕРНОМОРСКИЕ
ПРОЛИВЫ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

МОСКВА 1948

ВВЕДЕНИЕ

Редко какой вопрос международного права привлекал к себе столь длительное и пристальное внимание, как вопрос о режиме черноморских проливов — Босфора и Дарданелл. Проблеме черноморских проливов посвящена огромная разнообразная литература от злободневных газетных заметок до фундаментальных научных исследований. Вопросами режима черноморских проливов занимались дипломаты и военные, юристы и историки, географы и экономисты в течение ряда веков.

Такое исключительно острое внимание к проблеме международно-правового режима черноморских проливов, разумеется, не случайно¹. Босфор и Дарданеллы — это «ключи»

¹ Босфор — единственная отдушина Черного моря. Стоит закупорить узкую горловину этого пролива, достигающего в самой широкой части всего лишь 3,3 км, и огромное Черное море, омывающее берега нескольких государств, превратится в наглухо закрытое озеро, воды которого не будут иметь доступа к другим морям и океанам. Босфор, Дарданеллы и разлившееся между ними Мраморное море — единственный путь, соединяющий крупнейшие морские бассейны Европы — Средиземное и Черное моря, путь, по которому корабль из Одессы, Батуми, Варны или Констанцы может выйти на дорогу к любому порту мира. В то же время проливы — это своеобразный «мост» между европейским и азиатским материками. Здесь, если не считать условной границы по Уральскому хребту, ближе всего соприкасаются две части света, сыгравшие решающую роль в истории человечества. В наиболее узкой части Босфора только 700 метров отделяют Европу и Азию.

Босфор (по-турецки Истанбол богазы — Стамбульский пролив), соединяющий Черное и Мраморное моря, представляет собой извилистый пролив длиной в 28,5 километра и шириной от 0,7 до 3,3 километра. Глубина его (в среднем 50—70 метров, в самом глубоком месте 121 м.) позволяет проходить самым большим морским судам. У выхода Босфора в Мраморное море находится крупнейший город и бывшая столица Турции — Константинополь. Здесь пролив, врезаясь по боковому притоку древней реки, образует превосходную естественную гавань — бухту Золотой Рог.

Небольшая ширина Босфора делает его крайне выгодной оборонительной позицией и создает неблагоприятные условия для нападающей стороны. Любая точка пролива легко контролируется не только берего-

к Черному морю, «ключи», пользуясь которыми, агрессор может не только прервать экономические связи причерноморских стран с остальным миром, но и проникнуть в Черное море, непосредственно угрожая безопасности черноморских государств.

На выдающееся стратегическое значение черноморских проливов указывал Маркс еще в середине XIX в. В статье «Действительно спорный пункт в Турции» он писал: «Торговое значение Дарданелл и Босфора делает их также одновременно и военными позициями первого ранга, т. е. такими позициями, которые будут иметь решающее значение в каждой войне. Аналогичными пунктами являются Гибралтар и Гельсингэр на Зунде. Но Дарданеллы даже важнее этих пунктов вследствие своего географического положения. Орудия Гибралтара и Гельсингэра не могут господствовать над всей шириной тех проливов, у которых они лежат, и нуждаются еще в содействии флота для того, чтобы иметь возможность совершенно закупорить свои проливы»¹.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять огромное политическое, экономическое и военное значение международно-правового режима проливов, их исключительно большую роль в деле сохранения мира и безопасности для народов, живущих на побережье Черного моря, и насущно

вой артиллерией, но и современным стрелковым оружием. Следует также заметить, что при отсутствии в Черном море значительных островов Босфор является, по существу, последней базой в пути к черноморскому побережью.

Дарданеллы (древний Геллеспонт, по-турецки — Акдениз) — пролив, соединяющий Мраморное и Эгейское моря, расположенный между Галлиполийским полуостровом и северо-западным участком берега Малой Азии. Длина пролива 58 километров, ширина от 1,3 до 7,5 километра. Глубина в среднем около 46 метров, наибольшая 104,3 метра. Вдоль европейской стороны пролива тянется узкий, похожий на кошачий язык, полуостров Галлиполи.

Сравнительная узость пролива, холмистое строение Галлиполийского полуострова, сильное течение, особенности фарватера (многочисленные мели, отмели и косы, затрудняющие мореплавание) делают Дарданеллы, так же как и Босфор, первоклассной стратегической позицией.

Геологи предполагают, что некогда на месте проливов и Мраморного моря находился широкий перешеек, соединявший Европу и Азию. В конце третичного периода, в результате сложных и мощных смещений земной коры, образовались проливы и Мраморное море, причем Дарданеллы своим рукавом отрезали Галлиполийский полуостров, связанный по своей геологической структуре с Малой Азией. В пользу этой гипотезы говорит и характер побережья Босфора и Дарданелл.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 384—385.

заинтересованных в том, чтобы проливы служили целям развития мирных экономических отношений и международного сотрудничества, а не направленной против черноморских стран агрессии.

Особенно велика заинтересованность в международно-правовом статусе черноморских проливов крупнейшей черноморской державы — СССР, являющегося оплотом всеобщего мира и безопасности.

Помимо огромного значения Проливов для внешней торговли СССР, советский народ не может не учитывать того, что на протяжении только последних 90 лет южные рубежи нашей Родины четыре раза подвергались нападению агрессоров, вторгавшихся в Черное море через Босфор и Дарданеллы.

Исторический опыт доказывает, что многочисленные международные договоры о режиме проливов, не учитывавшие коренные интересы черноморских стран, их законное право самим, без вмешательства нечерноморских держав, установить статус черноморских проливов, не обеспечивали длительного спокойствия в бассейне Черного моря, а, наоборот, способствовали агрессии и нарушению всеобщего мира.

Опыт второй мировой войны, в которой Советский Союз спас цивилизацию Европы от гитлеровских погромщиков, стоящая ныне перед свободолюбивыми народами задача обеспечения прочного, длительного мира и всеобщей безопасности вновь со всей силой и актуальностью выдвигают проблему создания такого международно-правового режима черноморских проливов, который бы полностью удовлетворял жизненные интересы и требования черноморских государств.

Исходя из необходимости решения этого давно назревшего вопроса, Советское правительство в ноте Турецкому правительству от 8 августа 1946 г. выдвинуло ряд практических предложений о пересмотре явно устаревшей конвенции в Монтре и создании нового режима проливов, отвечающего законным интересам черноморских держав и интересам всеобщей безопасности.

* *
* *

«Уже с давних пор, — писал известный французский историк и публицист Ренэ Пинон, — Константинополь с его

«восточным вопросом» и «вопросом о проливах» по справедливости пользуется репутацией лучшей школы дипломатов. Действительно здесь легче, чем где-нибудь в другом месте, можно изучить на опыте все то непрочное и дряхлое, что имеется во всех самых торжественных трактатах международного права».

Нельзя не согласиться с меткостью этого замечания. Животрепещущий вопрос о международно-правовом режиме черноморских проливов, при всем изобилии посвященной ему литературы, до сих пор не может считаться полностью изученным и решенным. Буржуазная международно-правовая теория накопила в этом вопросе на редкость много устарелых, «дряхлых» и «непрочных» построений. Укажем хотя бы на явно не выдержавшую испытания времени буржуазную догму об открытом характере Черного моря, о смешении буржуазной наукой международного права понятий внутреннего, закрытого и открытого морей и т. д.

Литература, посвященная проблеме международно-правового режима проливов, велика и обильна. Помимо специальных исследований юридического и исторического характера, многочисленных журнальных и газетных статей, воспоминаний государственных деятелей, не найдется, пожалуй, ни одного учебника международного права, ни одного курса по всеобщей истории или истории международных отношений, где бы вопросу о режиме черноморских проливов не отводилось известного, нередко довольно значительного места.

Особенно большой вклад в разработку вопросов международно-правового режима проливов сделала русская юридическая и историческая наука. Такие работы, как исследования Жигарева, Бухарова, Ульяницкого, Шубинского, Горяинова, Гагарина и ряда других русских ученых представляют значительную ценность для каждого занимающегося проблемой международно-правового режима проливов. В особенности следует выделить работы В. Ульяницкого (1883) и С. Горяинова (1907), которые по богатству оригинального фактического материала, тщательности и научной добросовестности анализа документов являются, по нашему мнению, лучшим, что имеется в буржуазной литературе о режиме черноморских проливов.

Однако даже эти бесспорно лучшие работы далеко отстали от развития и современной постановки вопроса о международно-правовом режиме проливов. Не говоря уже

о том, что эти работы освещают только отдельные стадии истории международно-правового режима Босфора и Дарданелл (исследование Ульяницкого посвящено XVIII в., книга Горяинова охватывает в основном период между 1833 и 1878 гг.), они изобилуют устаревшими, нередко реакционными положениями, исторически ограниченными, и, разумеется, не отвечают требованиям передовой советской науки, базирующейся на марксистско-ленинском учении о законах общественного развития. К сложному, прошедшему самые разнообразные этапы, вопросу о режиме черноморских проливов буржуазные авторы подходят с метафизических позиций, ограничиваясь эмпирическим описанием событий, или рассматривая его, как некую постоянную внеисторическую категорию.

Так, С. Жигарев в известной своей работе «Русская политика в восточном вопросе» (М., 1896) видное, едва ли не центральное место в проблеме проливов отводит борьбе между мусульманством и православием, которая якобы проходит через всю историю восточного вопроса.

По С. Горяинову («Босфор и Дарданеллы», СПб, 1907) борьба за режим проливов — это прежде всего борьба между Россией и «Западом».

Б. Нольде («Внешняя политика», Пг., 1915), полемизируя с Горяиновым, утверждает, что все дело сводится, наоборот, к русско-турецкой борьбе за обладание проливами.

Нетрудно заметить, что в основе всех этих идеалистических концепций лежит глубоко антинаучный тезис об исконной противоположности между «Востоком» и «Западом», тезис старый, но и поныне еще используемый идеологическими оруженосцами империализма в борьбе против свободы и демократии.

И эти рецепты предлагаются для решения вопроса, имеющего длительную многовековую историю, испытавшего самые разнообразные юридические варианты в самые различные эпохи и общественно-экономические формации.

С таких позиций, разумеется, трудно объяснить, почему, например, Англия, упорно отстаивавшая в течение всего XIX в. и в начале XX в. точку зрения закрытия черноморских проливов для военных кораблей, столь же упорно, после первой мировой войны, настаивает в Севре, Лозанне и Монтре на открытии Проливов, или почему русский царизм, добившись в 1833 г. по Унклар-искелесскому договору

открытия черноморских проливов для русских военных кораблей, спустя лишь семь лет соглашается на закрытие проливов.

И уж совершенно невозможно с подобных позиций понять принципиальное, качественное отличие внешней политики Советского правительства, основанной на обеспечении длительного и устойчивого мира и безопасности, на уважении свободы, независимости и суверенных прав всех народов.

* * *

К проблеме международно-правового режима черноморских проливов, как и к каждому общественному явлению, советская наука подходит с позиций диалектического и исторического материализма.

Руководствуясь гениальным учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, позволяющим глубоко познать законы общественного развития, советская наука международного права вывела жгучий вопрос о режиме черноморских проливов из заколдованного круга привычных и шаблонных представлений. Она обогатила международно-правовую теорию новыми, прогрессивными идеями и открыла новые возможности решения проблемы Проливов, в соответствии с интересами укрепления всеобщего мира и безопасности.

Великая сила советской международно-правовой теории заключается в ее тесной, органической связи с неизменно принципиальной, миролюбивой, демократической внешней политикой Советского правительства и большевистской партии.

В теоретических работах корифеев научной мысли — Ленина и Сталина, в блестящих выступлениях представителей Советского государства на международных конференциях, в огромном опыте, накопленном нашей дипломатией, международно-правовая наука имеет неисчерпаемый источник для дальнейшего теоретического исследования и решения самых сложных вопросов современного международного права.

Такие исключительной научной ценности работы и документы, как интервью В. И. Ленина корреспонденту «Манчестер Гардиан» Фарбману, письмо товарища Сталина в редакцию журнала «Большевик» о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», советско-турецкий договор 1921 г., выступления советских дипломатов на конференциях

в Лозанне и Монтре, ноты Советского правительства от 8 августа и 24 сентября 1946 г. о необходимости пересмотра конвенции в Монтре не только по-новому освещают развитие проблемы международно-правового режима черноморских проливов в прошлом, но и глубоко теоретически обосновывают справедливое решение этого давно назревшего вопроса.

* *
*

Марксистско-ленинская теория учит «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Само собой разумеется, что настоящая работа не исчерпывает полностью большую и актуальную тему о международно-правовом режиме черноморских проливов.

Мы ставили своей целью — исследовать вопрос о международно-правовом режиме черноморских проливов в его историческом развитии. Это в значительной мере определило порядок и метод изложения и место, отведенное обзору исторической обстановки, в которой возникал тот или иной договор.

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 364.

ГЛАВА I

ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ ДО ЗАВОЕВАНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ

I

Исключительно выгодное географическое положение черноморских проливов сделало их важнейшей торговой артерией еще в древнейшие времена. Дарданеллы и, в особенности, Босфор — главный перекресток торговых путей античного мира. Проливы используются как для экспорта хлеба, строевого и корабельного леса и различных видов сырья с черноморского побережья в Грецию, так и в торговле Греции, а позднее Рима с государствами Азии. Здесь пересекается великий путь «из варяг в греки» с путями, ведущими из Средней Азии и Индии в Европу.

Известно указание Маркса, сделанное им в введении «К критике политической экономии», что в греческой мифологии природа и общественные формы получали бессознательную художественную обработку. В греческих мифах нашло яркое отражение и выдающееся значение проливов в политической и экономической жизни античного мира. Чудесная легенда о походе аргонавтов за золотым руном в наивной форме выражала представления древних греков об огромных богатствах черноморского побережья и указывала на проливы как на путь, по которому Язон и его спутники достигли благословенных берегов Колхиды. Сами названия проливов тесно связаны с греческой мифологией. Слово Босфор — древнегреческое, означает «коровий брод». Через Босфор, говорит легенда, переплыла Ио, превращенная приревновавшей ее к Зевсу богиней Герой в корову. Древнее название Дарданелл — «Гелеспонт» связано с мифом о царевне Гелле, которая утонула в проливе, спасаясь от преследований мачехи.

Выгодное расположение Босфора было рано замечено.

Уже в 658 г. до нашей эры выходцы из греческого города Мегары основали на европейском берегу Босфора, при входе его в Мраморное море, небольшую колонию, названную по имени владельца находившегося здесь замка Византийон. Этот год можно считать началом развивавшейся далее на протяжении ряда веков греческой экспансии в районы Черноморья. Расширяющиеся торговые связи греческих народов с черноморским побережьем приводят к образованию многочисленных греческих колоний, являющихся форпостами Аттики в новых, изобилующих богатствами, но мало разведанных краях.

Первые греческие колонии на Эвксинском Понте, как называли древние греки Черное море, возникают, естественно, поблизости к Босфору. Потребовалось немало времени, чтобы греческое колонизационное движение, направляясь вдоль западного и южного побережья Понта, постепенно поднимаясь на север, достигло берегов Крыма и Кавказа. В конце VIII в. и в VII в. до нашей эры основаны греческие колонии Гераклея (теперь Эрегли), Синопа и Трапезунт. В VI—V вв. появляются города-колонии: Пициунт, Диоскурия, Фасис. В устье р. Днестр или, как называли ее древние, Тирас, также основывается колония. В русских летописях это место называется Белобережьем (у впадения Днестра в Черное море берег состоит из меловых скал). Турки впоследствии назвали древний Тирас «белой крепостью» — Аккерман.

Найденные при раскопках материальные памятники рисуют густую сеть греческих колоний, раскинувшихся к V—IV вв. до нашей эры по всему Черноморскому бассейну, и оживленные сношения, существовавшие между колониями и метрополией. В нескольких десятках километров южнее теперешнего г. Николаева, на правом берегу Бугского лимана находилась большая колония — город Ольвия. В Крыму, недалеко от Севастополя, центром греческой колонизации был город Херсонес, развалины которого сохранились до нынешнего времени. На берегу Керченского пролива (Боспора Киммерийского) находился другой центр греческой колонизации — город Пантикапей. К нему примыкал ряд менее значительных колоний, расположенных на берегах Керченского пролива, Азовского и Черного морей: Мирмекий, Нимфей, Дия, Китея, Корокондама, Фанагория, Горгиппия (ныне Анапа), и наконец, находившийся у впадения Дона в Азовское море Танаис.

Экономической базой процветания греческих колоний была оживленная торговля с городами Греции и Малой Азии. Греческие колонии на черноморском побережье выступают в качестве посредников между Элладой и кочевыми племенами черноморских степей, а также народами Кавказа. Из колоний через Босфор в Грецию и Малую Азию экспортировались хлеб, пушнина, строевой и корабельный лес, мед, воск, рыба, скот. Немалое значение имела также работоторговля. Из метрополии в колонии отправлялось вино, оливковое масло, различные фабрикаты и предметы роскоши, ткани, металлическая утварь, художественные изделия из керамики и т. д. Особенно большое значение приобрела хлебная торговля. В этом отношении города Греции полностью зависели от черноморских колоний. По словам знаменитого афинского политического деятеля и оратора Демосфена, вывоз хлеба из одного только Боспорского царства достигал 670 тысяч медимнов, или 24 тысячи тонн в год.

Неудивительно, что маленькая рыбацкая деревушка Византийон, стоявшая на перекрестке столь важных торговых путей, быстро развилась в богатый город. Проливы рано стали ареной острых военно-политических столкновений. Через Босфор в 513 г. до нашей эры переправлялись полчища Дария во время знаменитого нашествия персов в Грецию. В Геллеспонте в 405 г. до нашей эры произошло решительное сражение между спартанцами под командованием Лисандра и флотом афинян.

Почти в то же время мы встречаемся с первыми попытками регламентации судоходства через проливы и даже правового оформления подобной регламентации. Почин в этой области, как указывает греческий историк Полибий, принадлежит афинянам, которые по совету выдающегося полководца и дипломата Алкивиада обложили пошлиной товары, ввозимые и вывозимые через проливы, а для взимания этих пошлин (в размере 10% цены товара) организовали таможню на месте нынешнего города Скутари. Вскоре, однако, жители Византии сообразили, что они сами могут отменно использовать выгоды своего положения. Полибий рассказывает, что без согласия жителей Византии ни один корабль не мог войти в Черное море, ни выйти из него. Греческие города вскоре ошутительно почувствовали свою зависимость от Византии.

«Понт, — жалуется Полибий, — обладает множеством

предметов, весьма нужных для человека, и все это находится в руках византийцев. Так, прилегающие к Понту страны доставляют нам (эллинам) из предметов необходимости скот и огромное множество рабов, бесспорно, превосходнейших; из предметов роскоши они же доставляют нам в изобилии мед, воск и соленую рыбу. От избытка наших стран те народы получают оливковое масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его нам, когда это нужно, то получая от нас. Эллыны принуждены были бы или вовсе потерять торговлю всеми этими товарами, или лишиться выгод от нее, если бы византийцы пожелали вредить им, соединившись с галлатами или еще больше с фракиянами, или, если бы они не жили в тех местах, тогда несомненно Понт был бы закрыт для нас по причине узкости прохода в него и по многочисленности варварских народов, живущих у его берегов»¹.

В V в. до нашей эры на проектировавшемся Периклом панэллинском конгрессе должен был стоять вопрос об обеспечении свободного морского плавания. Есть основания предполагать, что постановка этого вопроса включала и проблему режима проливов, так как делегаты Афин, пропагандировавшие созыв конгресса, были отправлены и на берега Геллеспонта. Проект Перикла не встретил сочувствия в Элладе, главным образом из-за афино-спартанского соперничества, и конгресс не состоялся.

Препятствия, чинимые Византией судоходству в проливах, привели в конце концов к вооруженному конфликту с Родосом. Флот Родоса блокировал проливы, а союзник Родоса — Вифиния предприняла нападение с суши. Война закончилась серьезными уступками со стороны Византии, выраженными в первом дошедшем до нас международном договоре о режиме проливов.

Соглашение, заключенное в 219 г. до нашей эры между Византией, с одной стороны, и Родосом и его союзниками, с другой, устанавливало свободу торгового мореплавания в Босфоре. Соглашение гласило: «Византийцы не должны взимать провозной пошлины ни с кого из плывущих в Понт, тогда родяне и союзники их обязуются жить в мире с византийцами»².

¹ Polybius, *Historiae*, IV, 38. Цитировано в монографии М. А. Циммермана «Босфор и Дарданеллы», СПб, 1912.

² Там же

Древней Византии в течение продолжительного времени удавалось сохранять добрые отношения с могущественным Римом, пользуясь фактической автономией вплоть до II в. нашей эры, когда император Септимий Север в наказание за восстание разрушил город до основания. Новый период в жизни Византии, на этот раз в качестве столицы Восточно-Римской империи, начинается только в 330 г. В течение этого периода проливы находятся в полном и неограниченном распоряжении Рима.

II

В 330 г. римский император Константин Великий в поисках места для новой столицы остановился на древней мегарской колонии, где он и построил «город Константина» — Константинополь. Выбор императора был аргументирован соображениями как политического, так и экономического и стратегического характера.

Перенос столицы диктовался колоссальным расширением границ империи и необходимостью для правительственных органов находиться ближе к периферии. Немалое значение имели также соображения об относительно большем спокойствии населения новой столицы по сравнению с раздираемым политическими страстями Римом.

С политическим фактором тесно переплетался стратегический. В этом отношении преимущества Константинополя перед Римом были неоспоримы. Следует учесть, что начиная со II в. Римская империя испытывает возрастающий натиск варваров. Константинополь, окруженный с трех сторон морем, было значительно легче оборонять, нежели открытый для нападения Рим. Не случайно, поэтому, с проектом переноса столицы на восток мы встречаемся еще у Юлия Цезаря, а затем у Нерона, Гальбы, вплоть до Диоклетиана. Бурная история Византийской империи подтвердила несомненные стратегические достоинства расположения Константинополя. «Природа сделала здесь все возможное, — говорит К. Хассерт, — чтобы облегчить задачи обороняющихся и затруднить задачу нападающих. С суши, как и с моря, город трудно доступен, потому что ни тут, ни здесь приблизиться к нему нелегко. Наоборот, если ему угрожали со стороны Европы, всегда оставался доступ через Босфор к ресурсам Малой Азии, а если нападение грозило со стороны Азии, то помощь шла из европейских владений

государства. Самой надежной защитой являются проливы, легко заграждающиеся и способные защитить от любого десанта, благодаря своим гористым, прорезанным ущельями берегам»¹.

С неменьшей силой говорили в пользу переноса столицы на берега Босфора экономические аргументы. Находящийся на стыке Европы и Азии, среди богатейших провинций империи; Константинополь являлся естественным экономическим центром империи. В Константинополь стекались грузы из далекой Индии и Китая, из Закавказья и Черноморья, из Африки и Испании, из Галлии и Италии. Здесь был конечный пункт великого пути из варяг в греки, здесь же происходила и перегрузка товаров из Европы в Азию и обратно.

С 395 г., после окончательного распада Римской империи, Константинополь — столица Восточно-Римской или Византийской империи. Но Константинополь не только политический центр огромной Восточно-Римской империи. Он быстро становится также богатейшим и культурнейшим городом христианского мира. Возвышение Константинополя особенно рельефно на фоне обнищания, разорения и гибели Западно-Римской империи.

Выгодное расположение Константинополя помогло ему устоять среди бурных политических потрясений эпохи великого переселения народов. Еще в III в. на греческие колонии в Черноморье обрушиваются полчища готы. Маркс в «Хронологических выписках» указывает, что они образовали могущественную монархию на берегах нижнего Дуная и на северных берегах Черного моря. Флот готы делает попытки проникнуть в проливы. «С помощью своего флота они держали греческие и азиатские провинции в постоянной тревоге»².

Непосредственная угроза часто нависает и над самим Константинополем, что заставляет правительство императора Анастасия предпринять в начале VI в. постройку так называемых длинных стен, длиной в 50 километров, от Мраморного до Черного морей.

Разрушенные в эпоху великого движения народов Азии в Европу экономические связи с причерноморскими районами затем постепенно восстанавливаются и к царствова-

¹ К. Hassert, «Das Türkische Reich», Tübingen, 1918.

² Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 9.

нию императора Юстиниана (527—565) достигают нового расцвета. Внешняя политика Византии в это время носит резко выраженный агрессивный характер. Несмотря на то, что основным направлением экспансии Юстиниана является Запад (походы Велизария в Италию и Африку), византийское правительство уделяет много сил и внимания восстановлению былого монопольного положения в черноморском бассейне, активно поддерживает греческие города-колонии в Крыму, включает в состав империи Боспорское царство, подчиняет укрывшиеся в Крымских горах остатки готов и Лазику (Колхиду), находившуюся ранее под суверенитетом Ирана. Лазика становится в течение продолжительного времени яблоком раздора между Ираном и Византией и вызывает ряд опустошительных ирано-византийских войн. Юстиниан прилагает все силы, чтобы не допустить снова захвата иранскими войсками Лазики и тем самым выхода Ирана в Черное море. Борьба продолжается с переменным успехом в течение почти всего царствования Юстиниана, пока, наконец, в 562 г. царь Ирана Хозров не согласился за крупный денежный выкуп очистить Лазику. Черное море осталось таким образом «византийским озером».

Неограниченное господство в проливах и Черноморском бассейне позволило Юстиниану по примеру афинян и древней Византии ввести пошлины на все корабли, проходившие через Босфор и Дарданеллы. Пошлины эти были настолько велики, что по сообщению византийского историка Прокопия судовладельцы нередко сжигали свои суда и прекращали морскую торговлю.

В своей крутой таможенной политике Юстиниан допустил одно существенное исключение, продиктованное политической и экономической обстановкой эпохи, — от уплаты пошлины были освобождены корабли, транспортировавшие для нужд населения Константинополя и войска зерновой хлеб.

После политических бурь VII—VIII вв. Византийская империя переживает новую полосу относительного расцвета, подъема экономического благосостояния и оживления промышленности и торговли. Византия твердой ногой стоит на Черном море. Ее флот господствует и в Эгейском и в Средиземном морях. В X в., указывает Маркс, Византия была «...самой крупной морской державой в Европе»¹.

¹ Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 44.

При этом нельзя конечно упускать из виду, что господствующее положение Византии в Черноморском бассейне в значительной мере было обеспечено умелой дипломатией византийского правительства, в совершенстве овладевшего искусством политической интриги и внесения разлада в лагерь внешних врагов империи. «Divide et impera» (разделяй и властвуй) — это золотое правило римской дипломатии было всецело усвоено политическими деятелями Византии.

Вплоть до крестовых походов Константинополь сохранял положение крупнейшего центра мировой торговли. С товаров, провозимых через проливы, взималась пошлина в размере десяти процентов со стоимости товара. Таможенные доходы являлись крупной статьей византийского бюджета. Для экономической политики правительства характерен своеобразный протекционизм, который находит свое выражение в запрете транзита ряда товаров через проливы. Многие товары, в том числе хлеб, некоторые сорта шелка, оливковое масло, вино и пр. иностранные купцы могли купить только в самом Константинополе, а не на месте производства. Это приводит к образованию в Константинополе значительных иностранных колоний, среди которых выделяются своим могуществом и постоянным соперничеством венецианские и генуэзские купцы. Наряду с итальянцами, источники упоминают наличие в Константинополе колоний русских, хазар, евреев, болгар, сирийцев, арабов. По несколько позднейшему (XII в.) описанию еврейского купца Вениамина Тудельского, столица Византии предстает богатейшим городом средневековья. «Купцы всякого рода приходят сюда из Вавилона, Шинара, Персии, Индии, Египта, Ханаана, Руси, Венгрии, из страны печенегов и хазар, из Ломбардии и Испании. Это — торговый город, и купцы приходят из всякой страны морем и сушей, и не существует другого подобного ему города на свете, за исключением Багдада — великого города Ислама. Несметные богатства, которые стекаются в этот город из каждого государства, каждого места и каждого города, превышают всякое воображение и превосходят богатства всего мира»¹.

Огромный торговый муравейник находился под бдительным надзором многочисленных чиновников. Специальные

¹ The itinerary of Benjamin of Tudela by M. N. Adler, London, 1907, p. 12—13.

агенты правительства осматривали товары, прибывавшие в Константинополь как по суше, так и морским путем, устанавливали условия продажи и срок пребывания купцов в столице, взимали пошлины (нередко натурой), а также контролировали вывоз.

Иностранные купеческие колонии ведут в свою очередь неустанную борьбу с суровой правительственной регламентацией международной торговли. Особенную активность проявляют итальянцы, которые в процессе этой борьбы добились значительных привилегий и выдвинули для сношений с администрацией специальных должностных лиц (например, венецианский байюлс).

Любопытные данные о правовом положении иностранцев в Византии сохранили русско-греческие договоры — источники огромной научной ценности, частично сохранившиеся и дошедшие до нас.

III

Мы уже упоминали о том, что Константинополь являлся конечным пунктом великого пути «из варяг в греки», по которому поддерживались оживленные торговые сношения славянских племен, а позднее Киевского государства с Византийской империей. Черное море и Проливы играли важнейшую роль в этой торговле. Влияние Руси в Черноморском бассейне было столь велико, что в ряде источников Черное море называется «Русским морем».

К тому времени, когда в районах Приднепровья и прилегающих областях сложилось Киевское государство — могущественная «держава Рюриковичей» (Маркс), Византийское государство неукоснительно проводило политику закрытия проливов для торгового мореплавания иностранных государств. Эта политика приносила властителям империи огромные выгоды, ибо вынуждала иностранных купцов совершать все свои торговые операции на Константинопольском рынке.

Можно полагать, что стремление отразить агрессию Византии, занять более выгодные позиции в черноморских проливах и политических и экономических отношениях с Византией, соответствующие выросшему международному значению Руси, добиться права свободного, беспошлинного прохода русских кораблей из Черного в Средиземное море, было одной из главных причин столкновений между Киевской Русью и Византийской империей.

В 907 г., как сообщают об этом русские летописи, поход против Византии предпринимает князь Олег. Поход был неудачен. Говоря словами поэта, Олег прибил свой щит на воротах Цареграда. Очевидно результатом этого похода явился известный договор 911 г., отразивший возросшее могущество Киевской Руси и заключавший по оценке Маркса «позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира»¹. Проблема проливов в этом, как и в последующих договорах с Византией, непосредственного решения не находит. Следует, однако, отметить статью 8 договора, устанавливающую для Руси, как для крупной черноморской державы, обязательства помощи греческим кораблям при крушениях.

В 945 г. между Киевским государством и Византийской империей был заключен новый договор.

По смыслу ст. 2 договора: «А великий князь Руский и боляре его да посылають в Греки к великим царем Гречским корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, якоже им установлено есть»² — русские корабли, как специального назначения (для посольств), так и торговые, имели право прохода через Босфор до Константинополя.

В 1043 г. флот Киевского князя Ярослава Мудрого, следуя по Днепру, а затем вдоль берега Черного моря, прорывается в Босфор, но терпит здесь поражение. Об этом походе Маркс делает в «Хронологических выписках» следующее замечание: «Ярослав потерпел неудачу в водах Босфора от наступивших осенних бурь, от греческого огня и от опытности византийцев в морском деле». Однако эта неудача не отразилась на международном престиже Киевской Руси. Более того, через несколько лет после указанного похода Ярослав, стремясь к полной независимости русского духовенства от Византии, назначает Киевским митрополитом русского епископа.

IV

К середине XI в. Византийская империя, вступившая к тому времени в полосу ущерба своего могущества, еще сохраняет монопольное положение в проливах и Черноморском бассейне. Первые бреши в этой монополии проделали итальянцы.

¹ Маркс, Secret diplomatic history of the XVIII century, London, 1890.

² Хрестоматия по истории русского права. Составил М. Владимировский-Буданов, СПб.—Киев, 1908, стр. 9.

янские купцы, в особенности венецианцы и генуэзцы. Так, в 992 г. дожу Венеции Орсеоло удалось добиться снижения таможенных пошлин на грузы венецианских торговых кораблей.

Во второй половине XI в. Византия, испытывая сильнейший натиск с востока, где появляются турки — сельджуки, и с запада, где ей грозят укрепившиеся в Южной Италии норманны, вынуждена прибегнуть к помощи венецианского флота. Помощь обошлась империи довольно дорого. Венецианцы получили свободный доступ почти во все порты империи и право прохода через проливы без уплаты таможенных пошлин. Аналогичные привилегии слабеющая империя вынуждена была вскоре предоставить также купцам Пизы и Генуи. Лучшие кварталы Константинополя заселяются иностранцами. В столице образовались многочисленные богатые колонии венецианцев, пизанцев, генуэзцев, русских, болгар, пользовавшихся экстерриториальностью и находившихся в значительно лучшем положении нежели коренные жители. В Константинополе оседают многие «крестоносные болваны» (M a p k c), предпочитающие привольную жизнь в богатом Константинополе изнурительным и опасным боям за «гроб господень».

Начавшиеся в конце XI в. — начале XII в. крестовые походы привели к значительному политическому и экономическому ослаблению Византийской империи. Торговые пути перемещаются на юг, проходят непосредственно через Средиземное море. Резко падает роль проливов в международной торговле. Разлаживаются экономические связи с Киевским государством, переживающим, вследствие феодальных усобиц и натиска половцев, глубокий кризис. В результате значительно уменьшается роль Константинополя, как экономического центра христианского средневековья, катастрофически падают таможенные и торговые сборы — крупнейшая статья византийского бюджета.

Проливы и Черноморский бассейн становятся объектами ожесточенного соперничества двух крупнейших итальянских морских республик — Генуи и Венеции. Гегемония Венеции в первой половине XII в. сменяется во второй половине века преобладанием Генуи, получившей по договору 1155 г. большие привилегии. В конце XII в. венецианцы вновь одерживают верх и получают свои старые привилегии.

Прогрессирующая слабость Византии привела в конце концов к разгрому Константинополя ордами крестоносцев в

1203—1204 гг. и гибели Византийской империи. Из обломков византийского колосса формируется ряд непрочных государственных образований. На берегах Босфора и Дарданелл крестоносцы основывают Латинскую империю с центром в Константинополе, включившую примерно четверть владений Византийской империи. В малоазиатских провинциях образовалась так называемая Никейская империя. На юго-восточном побережье Черного моря от Фасиса до Синопа Андроник Комнин с помощью своей тетки грузинской царицы Тамары основал «Трапезундскую империю» с центром в Трапезунде. Греческие колонии в Крыму испытывают тяжесть татарского нашествия, неоднократно подвергаются разгрому и попадают в вассальную зависимость от Золотой орды и ее крымских тудунов (наместников).

Больше всего пользы от крушения Византийской империи первоначально извлекли венецианцы, ставшие во времена Латинской империи (1204—1261) подлинными хозяевами проливов и черноморских торговых путей. Маркс указывает, что венецианские «торгаши» немилосердно надули «крестоносных болванов». По условиям договора 1204 г. венецианцы получали три четверти всей добычи. Новый император, которому принадлежала только четвертая часть владений Византии, избирался большинством голосов в коллегии, состоявшей из шести венецианцев и шести крестоносцев. Остальные три четверти Византийской империи должны были быть поделены между договаривающимися сторонами. «Так как половина избирательных голосов принадлежала венецианцам, то они предоставили крестоносным остолопам пустой императорский титул и время власти, которую невозможно было реализовать, и удержали для себя действительные выгоды предприятия»¹.

Венецианцы не только сохранили за собой огромные привилегии, которыми пользовались ранее, но и значительно расширили их. Занятая ими часть Константинополя пользовалась полной экстерриториальностью. Здесь действовала та же конституция, что и в Венеции. Роль дожа принадлежала присланному Венецией подесте. В качестве морского права действовали итало-испанские морские законы — знаменитый кодекс *Consolato del Mare*. Константинопольским патриархом был избран знатный венецианец

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 199.

Томазо Морозини. Венецианцы широко использовали благоприятную ситуацию, захватив в свои руки черноморскую и средиземноморскую торговлю и оттеснив на второй план своих главных соперников — генуэзцев.

Но такое положение не могло удовлетворить Геную. Военный союз Генуэзской республики и Никейской империи, где в это время занимает престол смелый и честолюбивый Михаил Палеолог, привел в 1261 году к падению Латинской империи и переходу власти в Константинополе в руки династии Палеологов. Поддержка генуэзцев была куплена дорогой ценой. «Генуэзцы получают Перу и Галату почти как независимое владение; они имели право держать там военную силу и организовать оборону¹. Генуэзцы вновь захватывают монопольное положение в проливах и черноморской торговле. Они заключают договор «вечного союза» с Михаилом Палеологом. По этому договору проливы были закрыты для кораблей всех стран, кроме Генуи и Пизы. Генуэзская торговля была освобождена от пошлин. По договору 1275 г. генуэзцы дополнительно получили еще право назначения консулов во все порты Византийской империи.

Предусмотренное договором «вечного союза» закрытие пролива имело в виду в первую очередь Венецию. Однако осуществить этот договор византийскому правительству, не располагавшему собственным флотом, было нелегко. Проливы и Черное море становятся ареной ожесточенной двухвековой военной борьбы Генуи и Венеции, борьбы, проходившей с явным перевесом Генуи и закончившейся полным поражением Венеции.

Генуэзские купцы покупают у золотоордынских ханов право основать колонию в Крыму. Эта колония Кафа, так же как генуэзские поселения на Босфоре — Пера и Галата становятся опорными пунктами политического и экономического влияния Генуи в Черном море. Попытка венецианцев, в свою очередь обосновавшихся в Сугдее (Судаке), оспорить монопольное положение генуэзцев ни к чему не привела. То обстоятельство, что проливы находились в руках Генуи, оказалось решающим. Контролируя проливы, Генуя могла, например, регулировать вывоз хлеба в Средиземное море и вызвать голод в Венеции. Вспыхнувшая в конце XIII в. война между Венецией и Генуей окончилась полной

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 207.

победой последней. По договору 1299 г. Венеция обязалась возместить убытки, причиненные генуэзским колониям, а главное отказаться от прохода своих кораблей в Черное море в течение 30 лет. Таким образом, Венеция как бы признала Черное море закрытым морем Генуи.

Принадлежащий Венеции порт на Азовском море — Тана утрачивает свое бывшее положение, ибо для прохода кораблей в Азовское море требовалось разрешение генуэзцев.

Новая война между Венецией и Генуей (1350—1355) не изменила положения. Венецианцы вынуждены были отказаться от плавания в Тану, получив разрешение вести торговлю в Кафе. Генуэзская Кафа, несмотря на войны с Венецией и нападения татар, все больше и больше процветала, становясь подлинным центром черноморской торговли, куда стекались товары со всего мира и где можно было увидеть купца любой европейской или азиатской страны. Генуя постепенно прибирает к рукам остальные греческие колонии в Крыму.

XIV в. и первая половина XV в. — эпоха преобладания Генуи в проливах и Черном море. По верному замечанию советского историка М. В. Левченко, генуэзская колония в Галате при императоре Андронике III (1328—1341) «сделалась как бы государством в государстве».

По свидетельству византийского историка Никифора Грегори, таможенные доходы этой колонии в XIV в. достигали 200 тысяч золотых в год, в то время, как византийские императоры с трудом получали от этих сборов в Константинополе 30 тысяч золотых¹. Попытка императора Иоанна Кантакузина построить собственный флот и выйти из постоянной зависимости от Генуи кончилась тем, что генуэзцы насильно уничтожили только что выстроенные греческие корабли. При императоре Андронике генуэзцы получают во владение ключ к Дарданеллам — остров Тенедос.

Однако уже в середине XIV в. над генуэзской монополией нависает грозная опасность в лице турок, которые к этому времени прочно обосновываются в Малой Азии. Турки появляются на берегах Дарданелл. В 1357 г. в руки турок попадает порт Галлиполи. Слабая, раздираемая внутренними раздорами Византийская империя не могла противостоять мощному турецкому натиску. Тяжелое пора-

¹ М. В. Левченко, История Византии, 1940, стр. 239.

жение, нанесенное туркам Тамерланом в 1402 г., отсрочило на несколько десятилетий гибель Византии. Однако ход событий был настолько ясен, что проникательные генуэзцы еще в 1387 г. поспешили заключить с турецким султаном Амуратом договор, в коем оговорили свое право свободной торговли и вывоза хлеба из Черного моря. В 1413 г. Венеция заключает договор с султаном Магометом о покровительстве ее колониям. Это соглашение было подтверждено также венециано-турецким договором 1416 г., заключенным после морской победы венецианцев над турецким флотом у Галлиполи. Договор 1416 г. предоставил венецианцам право обращаться со всяким турецким корсаром, нарушающим свободу плавания в Дарданеллах, как с неприятелем.

Осенью 1452 г. султан Мухаммед, предварительно построив в самом узком месте Босфора укрепленный замок, чтобы преградить доступ в пролив кораблей из Черного моря, блокировал Константинополь. В апреле 1453 г. началась комбинированная осада с суши и моря. Греки преградили вход в гавань Золотой Рог массивной железной цепью. Тогда Мухаммед приказал перетащить корабли в гавань по суше позади Галаты. 29 мая 1453 г. турки штурмом овладели Константинополем. В истории международно-правового режима проливов открылась новая глава — неограниченного господства Османской империи.

Подводя итоги византийскому периоду истории проливов, необходимо заметить, что в течение всей этой продолжавшейся больше тысячелетия эпохи международно-правовой режим проливов в современном смысле этих слов отсутствует. Налицо монопольное господство и односторонняя воля государства, фактически обладающего берегами проливов (Византия, Венеция, Генуя) и регламентирующего режим проливов и Черного моря по своему усмотрению. Отдельные односторонние или договорные привилегии, предоставляемые господствующим государством другим державам, не меняют общей картины. Положение, как мы увидим далее, не изменилось и при господстве турок, вплоть до XVIII в.

Проблема международно-правового режима проливов со всей силой и остротой возникла только тогда, когда на берегах Черного моря появилась новая могущественная держава — Русское государство.

ГЛАВА II

ЧЕРНОЕ МОРЕ — ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (1453—1774)

Завоевание турками Константинополя открывает новый период в истории международно-правового режима проливов. Берега Босфора и Дарданелл становятся центром могущественной Османской империи, огромная территория которой раскинулась на три материка. Падение Константинополя и последующая турецкая экспансия вызвали большую тревогу в политических кругах Европы. Возникают многочисленные проекты «крестовых походов», антитурецких блоков и коалиций. Папа Николай V выступает со специальным призывом ко всем христианским государям заключить между собой мир, объединить силы и начать войну против «неверных».

Однако далее проектов и торжественных обещаний дело не пошло. Конечно, весть о падении Константинополя ошеломила Европу, но степень тревоги и готовности поднять меч против турок оказалась далеко не одинаковой в различных государствах. Крупные феодально-абсолютистские государства Западной Европы, как Испания, Франция, Англия, были заняты решением иных, более важных для них национально-политических задач и, даже не без некоторой доли злорадства, взирали на затруднительное положение, в которое, благодаря падению Константинополя, попали итальянские торговые республики. Великие географические открытия XV—XVI вв. привели к перемещению мировых торговых путей от Средиземного моря к берегам Атлантического океана, и примат экономических факторов над отвлеченными моральными рассуждениями оказался неоспоримым.

Наиболее заинтересованные в освобождении Константинополя и средиземноморско-черноморских путей итальянские республики, ослабленные постоянным соперничеством

между Венецией и Генуей, были не в состоянии организовать отпор туркам. Европейская дипломатия и папский престол не прочь были возложить тяжелую задачу борьбы с Османской империей на Московское государство, но из этого плана, как мы увидим далее, ничего не вышло. Молодое Московское государство отнюдь не собиралось таскать каштаны из огня в интересах папства и итальянского торгового капитала.

Таким образом, на первых порах ничто не могло помешать турецкой экспансии на юго-востоке Европы и в бассейне Черного моря. Уже на другой год после захвата Константинополя турецкий флот появляется в Черном море и угрожает центру генуэзского влияния — Кафе. Один за другим следуют походы турецкого флота на азиатский берег Черноморья, вплоть до Армении.

В 1475 году Турция, воспользовавшись раздорами между крымскими феодалами, предпринимает новую морскую экспедицию против Кафы. После продолжительной борьбы турецкий десант занял Кафу и ряд других портов и крепостей на южном побережье Крыма. Под сюзеренитетом Турции создается Крымское ханство, во главе которого турки ставят династию Гиреев.

Летом 1480 года турецкий флот появился даже у берегов Италии, а 21 августа 1480 г. турецкий десант взял штурмом город Отранто. Грозная опасность угрожала непосредственно существованию итальянских республик. Только опустошив основательно Апулию, турки удалились с Апеннинского полуострова.

Новая обстановка, сложившаяся в бассейнах Черного и Средиземного морей, была отлично понята, в первую очередь Венецией, которая одновременно с попытками сколотить антитурецкий блок ищет пути нормализации отношений с Османской империей. Если генуэзцы, ошеломленные падением Константинополя, быстро утрачивают свои позиции и уже осенью 1453 года уступают свои черноморские колонии банку Сан-Джорджио, то венецианцы, напротив, заключают в начале 1454 года договор с Турцией о взаимной свободе и покровительстве морской торговли договаривающихся сторон. Венецианцы выговаривают для своих торговых кораблей право прохода через проливы¹.

¹ В. А. Ульяновский, Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке, М., 1881, стр. 8—9.

Это право подтверждается и в ряде последующих турецко-венецианских договоров. Так, мирный договор, подписанный 26 января 1479 г. в Константинополе между Венецией и султаном Мухамедом II, предоставил Венеции право иметь в Константинополе представителя (bailo), наделенного гражданской властью над своими соотечественниками, и предоставил за плату в 10 тысяч дукатов право беспошлинного ввоза и вывоза венецианских товаров во все порты Оттоманской империи.

Право торгового судоходства через проливы было также подтверждено в договоре Венеции с султаном Баязедом II в 1482 году, в договоре 1513 года с султаном Селимом, договоре 1521 года с Сулейманом I. Последний договор устанавливал, что венецианские корабли могут быть подвергнуты таможенному осмотру лишь при входе в Константинополь и Дарданеллы, но не в Галлиполи¹. Только в договоре 1540 года, заключенном после турецко-венецианской войны, мы не находим формального подтверждения права прохода венецианских торговых кораблей через проливы в Черное море. Но это обстоятельство явилось результатом не изменения принципиальной позиции турецкого правительства, а начала упадка политического и экономического влияния Венецианской республики.

Таким образом, можно считать бесспорно установленным, что в ряде договоров, начиная со времени завоевания Константинополя, правительство Оттоманской империи предоставляло иностранным торговым кораблям право прохода через Босфор и Дарданеллы и судоходства в Черном море. Это положение приобретает особенный интерес в свете выдвинутого впоследствии турками в переговорах с русским правительством тезиса об отсутствии прецедента иностранного судоходства в Черном море, о «девственности» Черного моря.

Исключительное монопольное правовое положение Венеции в проливах характерно только для второй половины XV и XVI вв. В дальнейшем это право неоднократно предоставлялось и другим европейским государствам.

В XVI в. открывается эра «капитуляций», т. е. системы односторонних льгот, предоставляемых Турцией иностран-

¹ В. А. Ульяницкий, Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке, М., 1881, стр. 10—11.

ным государствам, системы, во многом предопределившей развитие пресловутого «восточного вопроса» и продержавшейся вплоть до XX в. Односторонний характер капитуляций, отсутствие принципа взаимности юридически отличает их от договора, лежащего в основе современного международного права.

Блестящую политическую и юридическую характеристику капитуляций мы находим у Маркса.

«Капитуляции, — определяет Маркс, — это — императорские дипломы, грамоты и привилегии, выданные Портою различным европейским нациям, которыми подданным этих наций давалось право беспрепятственно въезжать в магометанские земли, спокойно заниматься там своими делами и отправлять богослужение. От договоров они отличаются тем важным признаком, что не основываются на взаимности, не обсуждаются совместно заинтересованными сторонами и не утверждаются ими на основе взаимных выгод и уступок. Наоборот, они являются односторонне дарованными льготами, которые, следовательно, соответствующее правительство может по своему усмотрению взять назад... Этот непрочный характер капитуляций превращал их в неиссякаемый источник споров, жалоб со стороны послов и вызывал бесконечный обмен противоречивыми нотами и фирманами, возобновлявшимися в начале каждого нового царствования»¹.

Первая капитуляция этого рода была заключена в 1535 году между Турцией и Францией. Политический мезальянс, каким был с точки зрения этических воззрений того времени союз между мусульманской Турцией и христианской Францией против их общего врага — священной Римской империи Габсбургов, вытекал из международной обстановки, подробный анализ которой выходит за рамки данной работы. Договором 1535 года турецкое правительство предоставило Франции ряд односторонних льгот, давших французам возможность полностью монополизировать турецко-европейскую торговлю. Все иностранное судоходство, за исключением венецианского, должно было вестись под французским флагом и под покровительством французских консулов.

Капитуляция 1535 года покончила с монопольным положением Венеции и положила начало преобладанию фран-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 8.

цузского влияния в Османской империи. Следует при этом отметить, что Франция обратила свое внимание не на Черноморский бассейн, а на Египет и страны Леванта. Левантийская торговля полностью превалирует над черноморской. Это, конечно, не случайное явление. Черноморский торговый путь под властью турок все более и более хиреет. Захваченные турками страны черноморского побережья с каждым годом утрачивают былое экономическое благосостояние. Турки не в состоянии к тому же обеспечить безопасность черноморской торговли, которая становится попросту убыточной.

Во второй половине XVI в. на сцену активно выступают англичане. В 1579 году английский дипломат Гарборн, несмотря на противодействие Франции и Венеции, добивается распространения на англичан всех привилегий, дарованных Франции и Венеции, в том числе права свободного торгового судоходства под английским флагом.

Возникает длительная англо-французская борьба за политическое и экономическое влияние в Турции, напоминающая по своей обостренности худшие времена венециано-генуэзского соперничества. В нашу задачу не входит обзор всех фаз этих бурных столкновений. Отметим лишь, что именно англичанам (уже завязавшим к началу XVII в. оживленные торговые отношения с Россией) первым, после венецианцев, удалось в 1604 году (по другим данным в 1607 году) добиться для английских торговых кораблей права прохода через проливы в Черное море. Статья 36 англо-турецкого договора 1607 г., полностью подтвержденного также в капитуляции 1675 года, откровенно выдвигает в качестве цели английского коммерческого судоходства торговлю с Московским государством.

Статья 36 англо-турецкой капитуляции указывала: «дозволяется как английским купцам, так и тем, которые пользуются английским флагом, вести сухопутную и морскую торговлю в Московии через реку Танаис или через Россию и вывозить оттуда товары в Османскую империю»¹.

Статья 38 запрещает принуждать английских судовладельцев продавать товары в турецких портах, куда их может вынудить зайти буря.

¹ Ульяницкий, Цит. соч.

Статьи 31, 37, 39, 40 той же капитуляции устанавливают, что размер пошлины, которой облагаются товары на английских кораблях, не должен превышать 3%, что она уплачивается не со всего количества товаров, взятых на борт, а только с проданных, и, наконец, что пошлина может взиматься только один раз при проходе через Константинополь.

В 1612 году право торгового судоходства в Черном море получают Нидерланды. Эта могущественная по тому времени держава добивается самостоятельной капитуляции, в силу которой голландцы приобретают все привилегии, которыми обладают англичане и французы. Как и англичан, голландцев прельщали перспективы торговли с Россией.

Статья 60 капитуляции 1612 г. устанавливает, что: «подданным Нидерланд дозволяется покупать товары в Трбизонде и Каффе и во всех местах и гаванях турецкой империи, расположенных при Черном море, а равно и в странах, лежащих на Дунае, в городе Озаге в Московии и во всех городах России, а равно им дозволяется подвозить оттуда товары во все места Турецкой империи для ведения торговли»¹.

Так же, как и в английской капитуляции, пошлина взимается только один раз в Константинополе и только с проданных товаров в размере 3%, запрещается принудительная выгрузка.

Статья 61 голландской капитуляции аналогична по содержанию статье 38 английской капитуляции: запрещает принуждать продавать товары в тех портах, куда корабли вынуждены войти вследствие бури.

Голландцы были, как видно, весьма довольны полученной от турецкого правительства капитуляцией. Характерно, что нидерландский посол Исаак Маасс, присланный в Москву, в связи с воцарением Михаила Федоровича Романова, привез с собой грамоту от 27 марта 1614 г., в которой подробно описывается турецко-голландская капитуляция 1612 года, привилегии, полученные голландцами, и ставится вопрос о предоставлении аналогичных привилегий голландцам московским правительством.

Так же, как и английская капитуляция, голландская капитуляция была в полном объеме возобновлена в 1677 году.

Таким образом, мы можем констатировать, что к мо-

¹ Ульяницкий, Цит. соч., стр. 19.

менту, когда русское правительство при Петре I, в лице миссии Украинцева, поставило перед турецким правительством вопрос о русском судоходстве в Черном море, имелись уже многочисленные прецеденты предоставления правительством Османской империи права судоходства в проливах и Черном море торговым кораблям иностранных государств. Это право было предоставлено Венеции в договорах 1454, 1479, 1482, 1513, 1521 годов, Англии в договорах-капитуляциях 1607 и 1675 годов, Нидерландам в договорах-капитуляциях 1612 и 1677 годов.

К этому следует добавить, что право прохода через Дарданеллы вплоть до Константинополя обуславливалось почти во всех договорах, которые турецкое правительство заключало с иностранными государствами в течение XV—XVII вв.

Стратегическое значение Дарданелл выявилося в полной мере во время турецко-венецианской войны в 40—50-х годах XVII в., когда венецианский флот блокировал Дарданеллы. Попытки турок в ряде морских сражений 1649, 1654, 1655, 1656, 1657 годов прорвать блокаду не увенчались успехом. Более опытный венецианский флот почти всегда одерживал победу¹.

Блокада привела к фактическому прекращению судоходства через Дарданеллы и вызвала протест англичан. Венецианский сенат, стремившийся к улучшению отношений с Англией, заключил через посредство тосканского посланника в Лондоне соглашение с английской Левантской компанией о пропуске через Дарданеллы одновременно двух-трех кораблей, принадлежащих компании².

II

Между маем 1453 года, когда турки на развалинах Византии основали Османскую империю, и сентябрем 1699 года, когда в Босфор на русском военном корабле «Крепость» прибыл посланник Петра I Емельян Украинцев, лежит длительный период, охватывающий почти два с половиной века русско-турецких отношений. Краткий об-

¹ С. Архангельский, Английская дипломатия и венецианско-турецкая война, «Исторический журнал», 1944, № 2—3, стр. 57.

² Левантская компания играла видную роль в английской внешней политике. Она оплачивала из своих средств английского посла и двух консулов в Турции, содержала форты и военные корабли.

зор этого периода нам кажется целесообразным, ибо в это время формируется могущественное Российское государство, политический и экономический рост которого властно поставил к XVII в. проблему свободы русского судоходства в Черном море и проливах.

Крах Византии и захват Черноморского бассейна и проливов турками не мог, конечно, не вызвать сильного резонанса в России. На протяжении многих веков сначала Киевская Русь, а затем Московское государство были тесно связаны в политическом, идеологическом и экономическом отношениях с Византией. Оживленные торговые сношения с Византией и Крымом не прекращались даже в самые тяжелые времена. Купцы, торговавшие с Византией и Крымом, составляли верхушку московского купечества. В Византии, по свидетельству митрополита Пимена, проживала обширная русская колония¹.

Основываясь на близких отношениях между Византией и Русью, в Западной Европе и особенно в Италии лелеяли планы отвести руками Москвы нависшую над Европой турецкую угрозу. В Риме возник проект брака великого князя Московского Ивана III с племянницей последнего византийского императора Софией Палеолог. Содействуя этому браку, папский престол преследовал далеко идущие цели: втянуть Ивана III в борьбу с Османской империей и добиться решающего политического и церковного влияния в обширной и могущественной русской стране.

Проект брака Ивана с Софией Палеолог встретил в Москве благожелательное отношение. Он давал Ивану III право считать себя наследником византийских императоров и усиливал политическое значение Московского государства в Европе.

Созванное Иваном совещание бояр при участии митрополита Филиппа пришло к выводу, что «сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву, как бы новою Византиею и даст монархам нашим права императоров греческих»².

В 1472 году София Палеолог прибыла в Москву и вступила в брак с Иваном III. Династическая связь московских

¹ «Русский временник», ч. I, М., 1820, стр. 293—303.

² Карамзин, История Государства Российского, 1892, т. V, стр. 38.

государей с византийским императорским домом была подчеркнута изменением герба¹ и принятием новых знаков достоинства: барм (оплечий) и царского венца — знаменитой «шапки Мономаха».

Одновременно с Софией Палеолог в Москву прибыл для переговоров папский легат Бонумбре. Однако вовлечь Ивана III в антитурецкую коалицию, равно как и добиться политического и религиозного влияния в Москве, папству не удалось. Умный и проницательный государственный деятель Иван III считал, что можно и должно использовать брак с наследницей византийского престола для усиления политического престижа Москвы, но отнюдь не следует отвлекаться от основных национально-политических задач, среди которых самой насущной и неотложной было воссоединение под властью московского государя захваченных Польско-Литовским государством русских земель.

Московская политика осталась независимой и самостоятельной. Война с Турцией не входила в планы Ивана III. Для успеха борьбы за воссоединение русских земель необходимы были мирные и даже дружественные отношения с Оттоманской империей и ее вассалом — крымским ханом.

Дальновидная политика Ивана принесла обильные плоды. Мощь Московского государства быстро росла. «Изумленная Европа, — пишет Маркс, — в начале княжества Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на восточных своих окраинах»².

Западноевропейская дипломатия не оставляла попыток втянуть Москву в борьбу против турок. Заманчивые предложения поступали одно за другим. В 1517 году посол германского императора барон Герберштейн развивает перед Василием III мысль о том, что распространение турецкого господства угрожает Московскому государству. В следующем году новые императорские послы Франциск-да-Колло и Антоний-де-Конти пытаются воздействовать на воображение упрямых москвичей картиной агрессивных замыслов

¹ К прежнему московскому гербу — изображению Георгия Победоносца, поражающего дракона, был присоединен двуглавый орел — герб Византии.

² Маркс, Secret diplomatic history of the XVIII century, London, 1890, p. 81.

султана Селима, «возжигающего перед собой светильники от сутка христианских сердец и давшего себя имя Владыки мира». В 1519 году посол папы Льва X Николай Шомберг, демагогически эксплуатируя теорию византийского наследства, призывает Василия «за свою отчину Константинопольскую стояти». В 1576 году император Максимилиан II предлагает Ивану Грозному за участие в антитурецкой коалиции престол и титул «восточного цесаря».

Но и преемники Ивана III не дали вовлечь себя в фарватер папско-германской политики. На предложение папы отстоять «Константинопольскую отчину» Москва отвечала, что «князь великий хочет вотчины своей земли русской». Этим ответом формулировалось генеральное направление московской политики — борьба за воссоединение в Московском государстве отторгнутых русских земель.

В конце XV в. завязались непосредственные дипломатические отношения между Москвой и Константинополем. В 1497 году в Константинополь прибыло первое русское посольство во главе с Михаилом Плещеевым. Автор интересного исследования о начале русско-турецких сношений А. Неклюдов приходит к выводу, что вплоть до Прутского похода Петра I русско-турецкие отношения отличались мирным и дружественным характером и что «обоим государствам чужды были априорно враждебные замыслы (какова была бы, например, мысль об овладении Константинополем со стороны царей московских)».

Анализ первых грамот, которыми обменялись Иван III и султан Баязед, в известной степени подтверждает этот вывод. Общеизвестно значение, которое придавалось в ту эпоху титулу. В ответной султанской грамоте, привезенной в Москву Плещеевым, Баязед следующим образом формулировал свой титул:

«Великоименитый Хумаюн, Боязит Султан Мухамедовичь ныне в своей земле божию милостью, Анатолийский и Румской земли, Белаго и Чернаго моря и Караменской и м е н ш а г о Р и м а (т. е. Царьграда) и иных многих земель Государь, Салтана Магаммеда Царя сын, султан Баязид».

В Москве не стали оспаривать претензию Султана на Константинополь. Грамота, отправленная Баязеду с послом Голохвостовым, начиналась словами: «Иоанн Божию милостью и т. д. Боязиту Салтану Махамет Салтанову сыну, Анатолийскому и Румской земли и Карамонскому и м е н ш а г о Р и м а».

шаго Рима и иных земель Салтан Баязид»¹ (разрядка наша. — Б. Д.).

Несомненно, что отношения России с Турцией в XV—XVII вв. были лучше, нежели с Польшей или Швецией. Однако они далеко не отличались таким идиллическим характером, как это предполагает А. Неклюдов. Политический горизонт русско-турецких отношений нередко омрачался и до Прутского похода.

Набеги крымских татар на русские области и походы казаков на черноморское побережье являлись предметом бесконечных жалоб с обеих сторон. Уже в царствование Василия III южные окраины Московского государства систематически страдают от опустошительных вторжений крымских татар. С другой стороны, большую тревогу в Турции вызвало присоединение к России Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств. Проницательная венецианская дипломатия заметила еще одну причину беспокойства турецкого правительства: влияние и авторитет России среди закабаленных Портой славянских народов. Венецианский посланник в Турции Сораццо доносил в 1576 году сенату, что «народы эти... всегда будут расположены взяться за оружие и восстать, чтобы сбросить турецкое иго и подчиниться власти московского князя»².

В ответ на набеги крымских татар Иван Грозный в 1559 году отправил в поход значительный отряд войск под командованием Даниила Адашева. Отряд Адашева по Днепру спустился в Черное море и высадил десант в Крыму. «В виду блестящих успехов русского оружия некоторые приближенные к царю люди советовали ему покончить с Крымом точно так же, как недавно покончил он с Казанью и Астраханью. Но царь, бывший в этом случае проницательнее своих советников, не принял их доводов»³. Более настоятельной задачей для Ивана Грозного в это время являлось разрешение балтийской проблемы.

Царь Федор Иванович при вступлении на престол в 1584 году заявил о своем намерении поддерживать тради-

¹ А. Неклюдов, Начало сношений России с Турцией. Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел, вып. 3—4, М., 1883.

² Мартенс, Современное международное право цивилизованных народов, т. II, 1888, стр. 121.

³ С. Жигарев, Русская политика в восточном вопросе, М., 1896, стр. 72.

ционные мирные отношения с Турцией. «Наши прадеды, — писал Федор султану, — деды и отцы назывались братьями и в любви ссылались друг с другом: да будет любовь и между нами. Россия открыта для купцов твоих, без всякого завета в товарах и без пошлины. Требуем взаимности и ничего более»¹. В ответном письме султан выразил свою благодарность за дружественные предложения Федора и подтвердил свободу русской торговли в Азове.

Несмотря на продолжавшиеся набеги крымских татар, Федор неуклонно придерживался провозглашенной им мирной политики. Очередная попытка римского папы втянуть Московское государство в борьбу с Турцией потерпела неудачу. Любопытно, что в наказе, данном посланному в Москву иезуиту Александру Комуловичу, предлагалось соблазнить московское правительство перспективой овладения Константинополем и Черноморским бассейном.

Серьезному испытанию подверглись русско-турецкие отношения в связи с захватом донскими казаками Азова в 1637 году. Азовская крепость, расположенная в 16 километрах от впадения Дона в Азовское море, имела исключительно важное значение в системе турецкой стратегии. Донское казачество — этот южный форпост России — постоянно жаловалось на обиды, чинимые им азовцами. В конце концов 21 апреля 1636 года «сбили круг» и приняли радикальное решение: «Итти посечь басурман, взять Азов и утвердить в нем веру православную»².

После двухмесячной осады казаки штурмом овладели Азовом. Взятие Азова выводило русские корабли в Азовское и Черное моря и укрепляло безопасность южных границ Русского государства. В 1637—1642 гг. крымские и ногайские татары не осмелились предпринять ни одного набега на Россию.

Но такое положение, когда ключевая позиция азовско-черноморского бассейна находилась в руках казаков, никак не устраивало Порту. Султан Ибрагим I решил во что бы то ни стало вернуть Турции господство на северном побережье Черного моря. Летом 1641 года огромный турецкий флот прибыл в Азовское море. С суши к Азову подступило не менее 50 тысяч крымских татар. Началось героическое «Азовское сидение».

¹ Карамзин, История Государства Российского, т. X, стр. 35.

² М. Попов, Донская оборона, «Исторический журнал», 1945, № 3.

Турки стянули для осады Азова огромную армию, их флот состоял из 80 каторг, 90 больших и мелких судов с войском и 20 кораблей с боевыми припасами и оборудованием. Этой армаде противостояли по данным С. М. Соловьева 5367 казаков и 800 женщин, засевших в крепости во главе с атаманом Осипом Петровым. Почти четыре месяца продолжалась эпическая борьба горстки русских воинов с турецкими полчищами. На предложение оставить крепость или перейти на службу к султану казаки ответили письмом, от каждой строки которого веет величием подлинного мужества. «Потерять вам под Азовом городом турецких своих голов многие тысячи, а не видать его вам из рук наших казачьих и до века, что ушей своих», писали казаки в этом письме.

Казаки сдержали свое слово. Один штурм отбивался за другим. Турки несли огромные потери. Вопрос о взятии Азова из чисто военного перерастал в вопрос о престиже Оттоманской империи. По выражению турецкого главнокомандующего Гуссейна-Дели паши, «подобного срама османское оружие не видало». За голову каждого казака была назначена денежная премия в 100 пиастров. Однако и это не помогло. Отчаявшись в военных средствах, турки предложили казакам за оставление города по тысяче талеров на каждого. Но казаки отвергли эту сделку. В конце концов, турки вынуждены были снять осаду и позорно отступить. «Азовское сидение» окончилось полной победой казаков¹.

Наступила передышка и вместе с ней встал вопрос о дальнейшей судьбе Азова. В октябре 1641 года депутаты казаков прибыли в Москву и предложили присоединить Азов к России. Русскому правительству предстояло решить сложную проблему. Сфера политических и экономических интересов России к этому времени значительно расширилась. Россия, отрезанная от морских рубежей, была крайне заинтересована в выходе к морю.

С этой точки зрения поддержка инициативы казаков, казалось, была оправдана. Но присоединение Азова неизбежно влекло за собой длительную и трудную борьбу с Турцией. Могло ли решиться на эту борьбу Русское государство, еще не оправившееся от разорения, вызванного польско-швед-

¹ М. Попов, Азовская оборона, «Исторический журнал», 1945, № 3.

ской интервенцией и крестьянской войной начала XVII в. На этот вопрос Земский собор, созванный в Москве в январе 1642 года, ответил отрицательно. Казакам предложили оставить Азов.

Принципиально новое положение в русско-турецких отношениях возникло не в результате Прутского похода Петра I, как это полагал А. Неклюдов, а вследствие воссоединения Украины с Россией во второй половине XVII в. После Андрусовского перемирия 1667 года к России отошла вся левобережная Украина, а также город Киев. Это значило, что границы Русского государства вплотную придвинулись к северным берегам Черного моря. Это значило также, что рано или поздно вопрос о выходе в Черное море и свободе русского судоходства в Черноморском бассейне должен был быть поставлен и разрешен. «Дунай и Волга, — писал Маркс, — эти две гигантских реки Европы, Днестр, Днепр и Дон — все они образуют естественные каналы для сплава внутренних продуктов в Черное море; мы говорим — Черное море, так как и к Каспийскому морю можно добраться только через Черное море»¹.

Вспыхнувшая из-за захвата турками правобережной Украины война 1676—1681 годов не изменила существенно положение. Бахчисарайский трактат 1681 года, оставивший левобережную Украину за Россией, а правобережную за Турцией, не удовлетворял ни одну сторону. Вскоре борьба разгорелась снова.

В 1686 году образовалась мощная антитурецкая коалиция — «Священный союз» европейских государств. Действия коалиции однако не дали должных результатов вследствие отсутствия единства и активности в рядах союзников. Крымские походы русских войск, предпринятые в 1687 и 1689 годах под командованием фаворита царевны Софии князя Василия Голицына, потерпели неудачу.

Но не отличавшийся полководческими талантами Голицын был умным и тонким дипломатом. Образование антитурецкой коалиции принесло России большой дипломатический успех. Испытывавшая наибольшее давление со стороны турок Польша вынуждена была встать на путь мирного урегулирования старого русско-польского спора и вернуть по договору 1686 года «навечно» Киев, Смоленск и

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 382.

Рославль. Таким образом, Днепр почти на всем протяжении вновь стал русской рекой.

Отныне проблема получения устьев Дона и Днепра и выхода в Черное море является одной из основных в русской политике. Новую попытку решения этой проблемы предпринял Петр I.

III

К концу XVII в., когда на троне России появилась гигантская фигура Петра, Русское государство занимало прочное и авторитетное место среди европейских держав. Однако дальнейшее национальное развитие и укрепление России упиралось в отсутствие выхода к морю, необходимого для упрочения политических, экономических и культурных связей с Западной Европой. Создалось парадоксальное положение, когда огромное государство, обладавшее многочисленным, даровитым и трудолюбивым населением, колоссальной территорией, неисчислимыми природными ресурсами не имело в своем распоряжении ни одного незамерзающего порта. «Ни одна великая нация, — указывает Маркс, — не находилась в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого. Никто не мог себе представить великой нации оторванной от морского побережья»¹. Получение доступа к морю диктовалось таким образом жизненными интересами Русского государства.

Выход к морю можно было искать в южном (Черное море) и северном (Балтика) направлениях. Оба эти направления имели свои традиции в русской политике. Но и на севере, и на юге выход к морю загораживали могущественные державы: Швеция и Турция. Первые годы царствования Петра I посвящены попытке решения этой сложной проблемы в южном, черноморском направлении.

Весной 1696 года только что построенный русский флот появился под Азовом и блокировал крепость с моря, а 18 июля 1696 г. Азов был взят. Русские появились на северном берегу Азовского моря. Следующей задачей Петр поставил овладение Керчью и Керченским проливом.

Между тем антитурецкая коалиция явно клонилась к распаду. Партнеры России по «Священному союзу» были озабочены назревавшей борьбой за испанское наследство и спешили закончить войну с Турцией. На Карловицком конгрессе, несмотря на протесты русского делегата Возницына,

¹ Marx, Secret diplomatic history of the XVIII century.

участники коалиции — Австрия, Венеция и Польша отказались вести согласованную политику и заключили сепаратные мирные договоры с Турцией на основе принципа «*uti possidetis*». Оставшаяся в одиночестве Россия ограничилась заключением перемирия на два года с условием заключить в течение этого времени мир или длительное перемирие.

Для ведения переговоров Петр I назначил летом 1699 года чрезвычайным посланником в Константинополь думного дьяка Емельяна Украинцева. Миссия Украинцева сопровождалась внушительной военной демонстрацией. Украинцев отплыл на 46-пушечном корабле «Крепость». До Керчи корабль посланника эскортировался мощной военной эскадрой. Прибыв в Босфор, «Крепость» бросила якорь против сераля султана и дала орудийный салют. Политический смысл этой демонстрации был ясен для всей Европы. Гром пушек «Крепости» знаменовал появление в Черноморском бассейне мощной политической силы, располагавшей необходимыми ресурсами для отстаивания своих государственных интересов.

Десять месяцев длились переговоры Украинцева с уполномоченным турецкого правительства. Предложения Украинцева встретили упорное сопротивление. Переговоры осложнялись закулисными интригами послов европейских держав в Константинополе. Особенно большую активность развили английские и голландские дипломаты. В своем донесении Петру Украинцев так характеризовал позицию английского и голландского посольств во время русско-турецких переговоров:

«Послы же аглинской и голланской, — писал Украинцев, — как мы слышали от верных и знатных людей, во всем держат Турскую сторону, и больше им хотят всякого добра, нежели тебе, великому Государю; живут здесь давно в чести и богатстве и торговля аглинская и голланская корабельная в Турском государстве изстари премногая и пребогатая, и что у тебя государя, завелось морское корабельное строение и плавание под Азовом... и тому они завидуют и того ненавидят чая себе от того в морской своей торговле великой помешки»¹ (разрядка наша. — Б. Д.).

¹ В. Ульяницкий, Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в., стр. 31.

В данной работе излагается лишь та часть переговоров Украинцева, которая относится к проблеме свободы русского судоходства по Черному морю и проливам. Именно этот вопрос и явился главным камнем преткновения в переговорах.

Украинцев предложил в мирный договор внести статью, гласящую: «На обе страны купцам со всякими товарами... морем (Черным) на кораблях и иных (морских) судах до государств обоих великих государей до порубежных и до царствующих градов и до Крыму вольно и безопасно ездить и ходить торговать и в пристанище для воды и хлеба и иных живностей приставать без осматривания товаров их и безовсякого убытку и отягчения и доброю верою мирную и неприпинательную торговлю иметь, а пошлину обоих государств торговым людям платить по древнему изычаю обоих государств там, где они товары свои продавать будут», — то есть предложил взаимную свободу торгового судоходства договаривающихся сторон.

Тезис Украинцева турецкие уполномоченные встретили «сердитуя». Турки предложили вести торговлю только по сухому пути, а «московские корабли и иные суды, — заявили они, — по Черному морю и наперед сего не хаживали и ныне того не будет». В процессе дальнейших переговоров турецкий делегат «салтанова величества тайных дел секретарь» Александр Маврокордато, согласившись на свободу русского судоходства в Азовском море, предложил для морской торговли с Константинополем и странами Леванта использовать трассу... Архангельск — Средиземное море. Против возражений Украинцева Маврокордато выдвинул аргумент, что поскольку «некоторых окрестных государств, т. е. французам, англичанам, галландцам и венецам торговым людям ходить непозволено», то и «Царского величества на кораблях своих хождения иметь по тому Черному морю немочнож». Маврокордато согласился лишь на то, чтобы русские купцы провозили свои товары по Черному морю на турецких кораблях.

С особенной отчетливостью турецкая концепция, рассматривавшая Черное море как «*mare clausum*», была выражена в следующем заявлении Маврокордато:

«Черным морем и кругом его всеми берегами владеет один салтан... и того ради и ныне и никогда плавания по Черному морю московским кораблям и никаким судам... поволено не будет, понеже от веков никто из них наро-

дов при владении Турском не имел на том море плавания... тем морем владетель один салтан, а иной при нем владетель никогда быть не может, и имеет государство Оттоманское те моря (Черное и Красное. — Б. Д.) яко чистую и непорочную девицу... по Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится»¹.

Рассмотрим аргументацию турецкого правительства. Как мы видели, она отталкивалась, во-первых, от тезиса, что Черное море есть закрытое море Оттоманской империи — «*mare clausum*» («Черным морем и кругом его всеми берегами владеет один салтан»), во-вторых, из отрицания прецедентов иностранного судоходства в Черном море («от веков никто из иных народов при владении Турском не имел на том море плавания») и, в-третьих, из утверждения, что допущение иностранных кораблей в Черное море приведет к гибели Турции.

Вопрос о закрытом (*mare clausum*) и открытом (*mare liberum*) море подвергался различному толкованию в зависимости от степени развития производительных сил, исторической эпохи, господствовавших правовых воззрений и позиции отдельных государств.

В античном мире и в средние века мы наблюдаем явную тенденцию произвольно рассматривать моря и даже океаны, как «*mare clausum*». Вплоть до XVII в. Венеция, например, претендовала на Адриатическое море, Генуя на Лигурийское, Португалия на Индийский океан, Испания на Тихий океан, Англия на Северное море, Швеция и Дания на Балтийское.

Рост капиталистических отношений вызвал к жизни новые международно-правовые идеи. В 1609 году голландец Гуго Гроций выступил в своем произведении «*Mare liberum*» в защиту свободы моря. Положения, выдвинутые Гроцием, не получили сразу всеобщего признания. Против Гроция выступил англичанин Джон Сельден, издавший в 1635 году работу под названием «*Mare clausum*». Полемика между Гроцием и Сельденом отражала острое соперничество Голландии и Англии — крупнейших морских держав того времени.

Отсутствие единства во взглядах на закрытое море нашло выражение и в позднейшей литературе. Так, напри-

¹ Цит. соч., стр. 24—27.

мер, автор известного курса международного права Франц Лист понимает под «*mare clausum*» такие моря, которые находятся в судоходном соединении с открытым морем и подлежат территориальному верховенству одного окружающего и прибрежного государства лишь в том случае, если это государство вполне господствует над соединением их с морем»¹.

Иная точка зрения высказана в другом весьма популярном у нас курсе международного права проф. Ф. Мартенса. Мартенс утверждает, что в настоящее время не только океаны, но и части их, соединенные с открытым морем, признаются свободными и общедоступными, хотя бы они были окружены владениями одного государства» (разрядка наша. — Б. Д.). Из этой посылки Мартенс умозаключает, что «не более основательны были притязания. Порты на Мраморное море и Черное, даже когда оно было окружено владениями турок»².

Подобное расширенное толкование открытого моря относительно к конкретным историческим условиям не представляется нам правильным. Мы полагаем, что позиция Турции, считавшей Черное море закрытым на том основании, что она одна владеет как всеми его берегами, так и выходами из него, не противоречила господствовавшим правовым воззрениям эпохи. Но в этой позиции имелась своя ахиллесова пята. Достаточно было России овладеть какой-либо частью черноморского побережья, чтобы вся юридическая конструкция турецкой монополии в Черном море оказалась разрушенной.

Если первый из выдвинутых Портой в переговорах с Украинцевым аргументов имел известное юридическое основание, то остальные не выдерживали критики. Отрицание прецедентов иностранного судоходства в Черном море является любопытным образчиком ретроспективной исторической фальсификации. Отказывая России в праве торгового судоходства по Черному морю, в праве, предоставленном ранее Венеции, Англии, Голландии, турки фактически ставили значительно более заинтересованную в черноморской торговле Россию в положение менее благоприятствуемой державы. Что касается турецкой гипотезы, что

¹ Ф. Лист, Международное право в систематическом изложении, Юрьев, 1909, стр. 102—103.

² Ф. Мартенс, Современное международное право цивилизованных народов, СПб, 1904, т. I, стр. 383—384.

допущение иностранных кораблей в Черное море равносильно гибели Турции, то это предположение достаточно убедительно опровергнуто историей.

Переговоры Украинцева закончились заключением Константинопольского мирного договора 3 июля 1700 г. России передавались Азов и Таганрог, турецкие приднепровские крепости должны были быть срыты, Россия получала право иметь посланника в Константинополе на равных правах с посланниками других европейских государств, обеспечивались интересы русских паломников и т. д.

По вопросу о русском судоходстве в Черном море и проливах соглашение не было достигнуто. Статья 10 Константинопольского договора гласила:

«Торговли дела от плодов мира суть и плодоносие и обилие царств раждают: однако понеже мы, Его Царского Величества посланники чрезвычайные, на то дело не имеем полной мочи: и по вольности дел торговых уговор и постановление, да оставится торжественному послу, которой обыкновенным правом для утверждения и укрепления мира от Его Величества к блистательной Порте назначен и отпущен будет»¹.

Ссылка на отсутствие полномочий служила предлогом для возобновления переговоров по спорному вопросу. Новому послу Петра князю Д. М. Голицыну поручалось по ратификации Константинопольского договора «постараться получить... конференцию у великого везира для достижения свободного судоходства из Азова в Черном море и с Константинополем торговым людям». Но и Голицыну не удалось добиться успеха, хотя он шел на крупные уступки, предлагал осмотр русских кораблей турецкими властями в Керчи, соглашался на присутствие на борту кораблей турецких контролеров и ставил вопрос о свободе русского торгового судоходства только до Константинополя, а не через проливы, как настаивал Украинцев.

Турецкое правительство, подзадориваемое послами Англии и Голландий, упорно стояло на своем. Раздраженные турецкие дипломаты заявили Голицыну, что «лучшеб салтану видети отворить путь в дом свой салтанской, нежели оказать путь и ход московским кораблям на Черном море», и недвусмысленно пригрозили, что «лутче салтанову

¹ Т. Ю в е ф о в и ч, Договоры России с Востоком, политические и торговые, СПб, 1869, стр. 9.

величеству иметь войну, нежели допустить ходить кораблям по Черному морю»¹.

Боязнь появления русского флота в Черном море и проливах доходила до того, что в Константинополе серьезно подумывали о том, чтобы засыпать Керченский пролив.

Петр I не добился разрешения черноморской проблемы. Его внимание было вскоре целиком сосредоточено на Северной войне. После Прутского похода 1711 года турки получили обратно Азов.

Тем не менее значение петровской эпохи в истории борьбы за свободу русского судоходства в Черном море и проливах огромно. Прорубив на севере «окно» в Европу, Петр указал в то же время и на значение черноморских ворот. «Этот действительно великий человек, — пишет Энгельс, — ...ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению Швеции, Турции, Персии,... так и по отношению к Германии»².

В результате политики Петра, сделавшего, как это отметил товарищ Сталин в беседе с Эмилем Людвигом, «очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев», Россия стала одной из сильнейших европейских держав.

В 1735 году, в царствование Анны Иоанновны, конфликт, вызванный набегами крымских татар, перерос в войну между Россией и Турцией. Русские войска одержали ряд блестящих побед, овладели Азовом и Перекопом и готовились к перенесению операций за Дунай. Однако международная обстановка отнюдь не была столь благоприятной. Успехи русской армии встревожили западноевропейские государства, имевшие крупные интересы в Леванте и опасавшиеся политической и коммерческой конкуренции России на Востоке. С самого начала русско-турецкого конфликта Франция и морские державы настойчиво добивались непосредственного участия в качестве медиаторов в переговорах между Россией и Турцией. Особенно энергично действовала французская дипломатия, имевшая прямую инструкцию своего правительства не допускать появления русских кораблей в Черном море и проливах.

Летом 1737 года уполномоченные воюющих сторон —

¹ В. Ульяницкий, Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 12.

Турции, России и Австрии¹ собрались на конгресс в местечке Немирове. Хотя русское правительство категорически отклонило предложение о «медиации» западноевропейских держав, на конгресс, по приглашению Порты, прибыли посланники Англии, Голландии и драгоман французского посольства. Таким образом, на конгрессе открывалось широкое поле для дипломатических интриг «медиаторов».

Русская делегация на конгрессе (Шафиров, Волинский и Неплюев) первоначально потребовала присоединения к России Крыма и Кубани, независимости Молдавии и Валахии, признания за русскими государями императорского титула, свободы сухопутной и морской торговли («купечество сухим путем и морем да будет между обоими империями свободно») ². В процессе дальнейших переговоров русская делегация сняла требование присоединения Крыма.

Есть основания предполагать, — пишет Ульяницкий, — что «в это время Порта в сущности ничего не имела против разрешения русским купцам судоходства в Черном море» и только подстрекательство европейских дипломатов заставило ее отклонить это требование. В инструкциях, данных французским посланником в Константинополе Вильневом своему агенту в Немирове, недвусмысленно предписывалось сообщить великому визирю, что «французское правительство полагает, что Порте следует попытать счастье оружия, лучше чем подчиняться предлагаемым ей тяжким условиям» ³. Дипломатическая агентура Франции и морских держав в конце концов добилась своего, и конгресс закрылся, не достигнув соглашения.

Следующий этап войны (1737—1739) отмечен новыми блестящими победами русских войск, разгромивших турецкую армию под Ставучанами, занявших Хотин и вступивших в конце 1739 года в Яссы. Дипломаты Анны Иоанновны не смогли, однако, добиться соответствующих успехов. Австрия, потерпевшая ряд серьезных поражений, добивалась скорейшего заключения мира, и под ее давлением русское правительство приняло ранее отклонявшееся предложение Франции о медиации. О выгодности для России

¹ Австрия после неудачи предложенных ею «bons offices» вступила в войну на стороне России, с которой была связана союзным договором 1726 г.

² Некоторые иностранные историки (Гаммер, Цинкайсен) утверждают, что Россия потребовала также свободы торгового судоходства через проливы.

³ У л ь я н и ц к и й, цит. соч., стр. 55.

условий договора при таком посредничестве не могло быть и речи. Незначительное территориальное приращение было единственной компенсацией за огромные жертвы, понесенные Россией в этой войне.

По Белградскому трактату 1739 г., занятые русскими войсками Кинбурн и Очаков возвращались Турции, крепость Азов должна была быть скрыта и остаться в нейтральной полосе. Статья 3 трактата устанавливала, «чтоб Российская держава ни на Азовском море, ни на Черном море, никакой корабельный флот ниже иных кораблей иметь и построить не могла»¹, т. е. запрещала России содержать флот в этих морях. Статья 9 трактата устанавливала, что русская торговля в Черном море должна производиться исключительно на турецких кораблях, — «что же касается до Российской коммерции по Черному морю, и сия отправлена быть имеет на судах Турецким подданным надлежащих»¹. Следует при этом отметить, что в рассматриваемый период Порты отказывает в проходе через Босфор в Черное море и кораблям других государств. Даже Вильневу — французскому посланнику в Константинополе не удалось добиться подобной привилегии для французских кораблей.

Тяжелая и кровопролитная война 1735—1739 гг. не внесла изменений в режим Черного моря и проливов. Но такое положение не могло долго продолжаться. Петровские реформы дали мощный толчок народнохозяйственному развитию России. Ощутительные результаты этих реформ скоро сказались как в сельском хозяйстве, так и в промышленности и торговле. Дворянские землевладельцы пытаются на свой лад интенсифицировать сельское хозяйство, поднять доходность поместий за счет усиления эксплуатации крепостного крестьянства. Продукция помещичьих хозяйств начинает все в большем количестве поступать на внутренний и внешний рынок. Растет и промышленность. К началу 60-х годов XVIII в. только на предприятиях, подведомственных мануфактур-коллегии, насчитывалось 38 тысяч рабочих. Общий оборот внешней торговли за 35 лет после смерти Петра I вырос в три раза, достигнув к 1758—1760 гг. средней суммы в 19,3 миллиона рублей. Вся эта с каждым годом увеличивающаяся масса товаров имела выход только в северном направлении через порты Балтики и Белого моря. Продукция богатейших южных областей

¹ Т. Ю з е ф о в и ч, Договоры России с Востоком, стр. 17, 21.

России в результате отсутствия выхода к морю не могла быть включена во внешнеторговый оборот, хотя потребности Европы в импорте русского зерна все больше и больше возрастали. Закрытие Черного моря и проливов для русского флота было равносильно экономическому удушью юга России.

«Вся внутренняя область материка Европы, — указывает Маркс, — начиная Шварцвальдом и кончая песчаными высотами Великого Новгорода, орошается реками, вливающимися в Черное или Каспийское море... плодороднейшие части России... естественным образом связаны с Черным морем в своем экспорте и обмене своими продуктами...»¹

Неудивительно, что, несмотря на запретительные постановления Белградского трактата 1739 года, животрепещущий вопрос о свободе русского судоходства в Черном море и проливах вскоре снова появился на политической арене. Уже в 1745 году по инициативе президента коммерц-коллегии князя Б. Г. Юсупова было предложено русскому посланнику в Константинополе Вешнякову детально выяснить условия «для скорейшего произведения коммерции через Черное море как с Портою Оттоманскою, так и с областями Медитеранского (Средиземного) моря».

В меморандуме Юсупова рекомендовалось выяснить, не согласится ли Порта «прямо через канал Константинопольский иностранные товары провозить к российскому порту и обратно из Российских портов в Италию, если же не согласится, то в таком случае приходящие европейские товары в Константинополе могут перегружены быть на турецкие суда, которые как к нашим Портам товары приводить и от нас бравши, отвозить, отчего в такой коммерции никакого препятствия не воспоследует»².

Диллетантский проект Юсупова не встретил сочувствия у Вешнякова и его приемника Неплюева. Отвечая на запрос Петербурга, посланники справедливо указывали на бесперспективность юсуповских планов, так как сложная организация перегрузки товаров с иностранных кораблей на плохо оснащенные турецкие суда вряд ли будет способствовать развитию черноморской торговли.

Дипломатический зондаж продолжался и в следующем десятилетии. В 1757 году канцлер А. П. Бестужев-Рю-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 382.

² Сборник Московского Главного Архива Министерства иностранных дел, вып. 3—4, М., 1883, Приложение 13, стр. XXI.

мин в секретном рескрипте на имя русского посланника в Константинополе Обрескова предложил ему возобновить переговоры с правительством Порты по поводу «взаимной между обоими государствами коммерции на позволение мореплавания нашим подданным торговыми судами в Черном море»¹. Предвидя возражение Порты, Бестужев-Рюмин и его соавтор по рескрипту М. Воронцов подчеркивали то обстоятельство, что военные корабли других государств безвозбранно проходят до Дарданелл, а вооруженные торговые суда даже до Константинополя, однако ж «Порта не видит по ныне никакого вреда и опасности». Но в таком случае, указывалось в рескрипте, Порте еще меньше следует опасаться русских кораблей, которые могут выйти в Черное море только через контролируемый турками Керченский пролив.

Дальше дипломатического прощупывания почвы дело, однако, не пошло. Внимание русского правительства вскоре было целиком поглощено бурями Семилетней войны. Любопытно, что когда один из султанских фаворитов предложил за вознаграждение в 30 тысяч рублей выхлопотать у султана разрешение на русское судоходство в Черном море, то в Петербурге признали невозможным израсходовать столь крупную сумму.

Развязка длившейся почти три четверти века борьбы за свободу русского судоходства в Черном море наступила только во второй половине XVIII в., в результате так называемой первой Турецкой войны 1768—1774 гг.

Первая Турецкая война возникла в благоприятной для царской России международной обстановке. «Никогда мировое положение не было более благоприятно для завоевательных планов царизма... Семилетняя война расколола всю Европу на два лагеря. Англия сломила мощь французов на море, в Америке, в Индии, а затем покинула на произвол судьбы своего континентального союзника, прусского короля Фридриха II. Этот последний стоял на краю гибели в 1762 г...»².

Отсюда не следует, что русская политика во время первой Турецкой войны не встречала никаких препятствий.

¹ Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел, вып. 3—4, М., 1883, Приложение 16.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 14.

Трудности были и весьма немалые. Враждебная позиция Австрии в течение почти всей войны угрожала ударом во фланг русских армий. Но в общем баланс международного положения был в пользу России и успешная дипломатия правительства Екатерины блестяще увенчала великолепные победы румянцевских и суворовских богатырей.

Ход событий первой Турецкой войны, происходившей как на сухопутном, так и на морском театрах, вкратце таков: на суше русские войска в 1769 году вступили в Бессарабию, осенью этого же года заняли Яссы и в феврале 1770 года — Бухарест. Кампания 1770 года была ознаменована крупными победами русских войск под командованием Румянцева при Ларге и Кагуле. Вскоре были заняты Бендеры, Аккерман, Измаил, Азов и Таганрог. В 1771 году русская армия начала наступление в Крыму. В течение лета этого года были заняты Перекоп, Арабат, Кафа, Керчь и Еникале. В результате крымские татары решили заключить договор с Россией о признании независимости Крыма от Турции. После неудачи мирных переговоров в Фокшанах и Бухаресте¹ переведенный из Польши Суворов наносит тяжелые поражения турецким войскам при Туртукае (1773) и Козлудже (1774). В том же 1774 году русские войска одерживают решительную победу при Силистрии.

Операции на море развивались с неменьшим успехом. Предпринятая по инициативе братьев Орловых грандиозная экспедиция русского военного флота в Эгейское море привела в изумление Европу и вошла в историю военно-морского флота, как одна из самых ярких ее страниц. Выйдя 26 июля 1769 г. из Кронштадта, первая русская эскадра под командованием адмирала Спиридова в феврале 1770 года появилась в Архипелаге, где овладела рядом островов и в июне 1770 года в знаменитом Чесменском сражении истребила почти весь турецкий флот. Вслед за Спиридовым из Кронштадта отплыла вторая эскадра под командованием Эльфинстона, перед которой была поставлена задача: «итти как наискорее к Дарданеллам и занять там в канале выгодную позицию для пресечения всего водяного в Царьград из Египта и других мест подвоза» (из рескрипта Екатерины II адмиралу Григорию Спиридову)². Блокада

¹ Подробности переговоров см. у Ульяницкого.

² Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел, 1883, вып. 3—4, Приложение 27.

Дарданелл была успешно осуществлена. Стратегическая обстановка после Чесменского сражения была настолько благоприятна для русского флота, что Эльфинстон советовал Орлову, осуществлявшему общее командование над всей экспедицией, итти, не мешкая, прямо на Константинополь.

Блестящие победы русской армии и флота создали необходимые предпосылки для заключения выгодного мира, решившего проблему свободы русского торгового судоходства в Черном море и проливах. 10/22 июля 1774 г. в палатке генерала Румянцева в русском военном лагере при деревне Кучук-Кайнарджи был подписан мирный договор, открывший новую главу в истории международно-правового режима Босфора и Дарданелл.

Кучук-Кайнарджийский мирный договор содержит 28 статей, охватывающих сложный комплекс вопросов политического, экономического и правового характера. Не имея возможности в рамках настоящей работы остановиться на изложении и анализе всего договора, мы остановимся только на тех его статьях, которые имеют непосредственное отношение к интересующей нас проблеме¹.

Статья 3 устанавливала обязательства, вытекающие из обоюдного признания договаривающимися сторонами независимости Крыма. Россия получала в вечное владение часть побережья Азовского и Черного морей, а именно, крепость Кинбурн с округом у устьев Днестра и степную полосу, лежащую между Бугом и Днестром (ст. 18); Керчь и Еникале «с их пристанями... с уездами, начиная от Черного моря и следуя древней Керчинской границе до урочища Бугак и от Бугака по прямой линии кверху даже до Азовского моря» (ст. 19); г. Азов с его округом, в пределах, установленных трактатом 1700 г. (ст. 20).

Статья 11 договора определяла режим судоходства в Черном море и проливах. Ввиду особого значения этой статьи приводим ее текст полностью:

«Арт. 11. Для выгодностей и пользы обеих Империй, имеет быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам во всех морях, их земли омывающих; и блистательная Порта позволяет таковым точно купеческим Российским

¹ Полный текст договора см. у Юзефовича «Договоры России о Востоке».

кораблям, каковы другие государства в торгах в ея гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное; так как и приставать ко всем гаваням и пристаням на берегах морей и в проездах или каналах оныя моря соединяющих, находящимся. Позволяет также блистательная Порта в областях своих подданным Российской Империи иметь коммерцию как на сухом пути, так и на водах кораблеплаванием и в реке Дунае, сходственно вышеизображенному в сем артикуле с такими же преимуществами и выгодами, каковыми во владениях ее пользуются прочие народы в наибольшей дружбе с нею пребывающие, и коим преимущественно в коммерции блистательная Порта благоприятствует, как то Французы и Англичане; и капитуляции сих двух наций и прочих, якобы слово до слова здесь внесены были, должны служить во всем и для всего правилом, равно как для коммерции, так и для купцов Российских, кои, платя с ними равныя пошлины, могут приводить и отвозить всякие товары и приставать ко всем пристаням и гаваням как на Черном, так и на других морях лежащим, включительно и Константинопольския...»¹

Трудно переоценить политические и юридические последствия Кучук-Кайнарджийского договора. Он фиксировал новое положение в бассейне Черного моря, где рядом с Турцией появилось мощное Русское государство. Черное море, берегами которого отныне владели два государства, утратило характер «внутреннего озера» Османской империи.

Цитированная выше статья предоставляла свободу русскому торговому судоходству как в Черном море, так и в проливах и ставила Россию в равное наиболее благоприятным державам положение. Но договор обходил молчанием вопрос о праве России содержать военный флот на Черном море (Белградский трактат 1739 года прямо запрещал это России) и проводить военные корабли через проливы.

Означало ли это молчание — автоматическое распространение прав, предоставленных торговым кораблям, также и на военные? Подписавший Кучук-Кайнарджийский договор Румянцев был склонен именно в этом смысле толковать 11 статью. В своей реляции он писал: «умолчание в трактате о сооружении флота на сем море дает право неограниченное к построению нам оногo»². Нельзя не согласиться с

¹ Юзефович, Договоры России с Востоком, стр. 29—30.

² В. Уляницкий, цит. соч., стр. 468.

этим толкованием. Несомненно, что свобода сооружения военных кораблей, а значит и судоходства военных кораблей в Черном море вытекала из суверенитета России над частью черноморского побережья и в силу этого не требовала специального подтверждения в договоре.

Значительно сложнее стоял вопрос о проходе русских военных кораблей через проливы. Попытка России применить здесь одиннадцатую статью трактата встретила, как мы увидим далее, решительное сопротивление. Вокруг проблемы военного судоходства в проливах развернулась полная драматических коллизий борьба, сложные перипетии которой мы рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА III

ОТКРЫТИЕ ПРОЛИВОВ ДЛЯ ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ РОССИИ (ОТ КУЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКОГО ДОГОВОРА 1774 ГОДА ДО УНКИАР-ИСКЕЛЕССКОГО ДОГОВОРА 1833 ГОДА)

I

В исторической эволюции международно-правового режима проливов период между Кучук-Кайнарджийским договором 1774 г. и Парижским трактатом 1856 г. занимает исключительно важное место. Проблема проливов проходит через самые разнообразные, бурные и противоречивые фазы развития. На суд истории предстают различные, исключаящие друг друга варианты. От Кучук-Кайнарджийского договора, зафиксировавшего свободу русского торгового судоходства, через Ункиар-Искелесси — эту вершину успехов царской дипломатии, к лондонским ограничительным конвенциям и, наконец, к запретительным статьям Парижского трактата, — таковы причудливые зигзаги пути, на котором трансформируется правовое положение проливов. Вопрос о режиме Босфора и Дарданелл вырастает из рамок русско-турецких отношений, приобретая международный характер. Вокруг проливов сплетается клубок сложных, зачастую антагонистических интересов, их режим видоизменяется в зависимости от соотношения сил соперничающих великих держав.

«Ни один из существующих международных договоров, — пишет известный французский международник Ренэ Пинон, — не регулирует вопроса об открытии и закрытии проливов: это решают сильные соответственно своим интересам; интересы же эти сложны, часто противоречат друг другу и, в зависимости от времени и обстоятельств, постоянно меняются... Трактаты привели к созданию норм

международного права, но заинтересованные великие державы только тогда настаивали на их применении, когда были уверены, что сами они достаточно сильны, чтобы безнаказанно нарушать ими же установленные правила»¹.

После разгрома Наполеона столкновение интересов военно-феодальной России и промышленно-капиталистической Англии становится одним из важнейших узлов международных противоречий в первой половине XIX в. При этом следует иметь в виду, что если царская Россия выполняет нефиглядную роль жандарма Европы, злейшего врага революционных и национально-освободительных движений, то и Англия, прикрываясь либеральной фразеологией, выступает как важнейший оплот политической реакции. Борьба царизма и английской буржуазии в первой половине XIX в. — это борьба двух фракций европейской контрреволюции.

Стремление английской буржуазии к утверждению своей промышленной, торговой и колониальной монополии определяет ее упорное противодействие внешнеполитическим планам России, в частности и в вопросе о режиме проливов. В то время как Россия настаивает на открытии проливов для русских военных кораблей, добивается создания режима, обеспечивающего безопасность черноморского побережья, Англия стремится запереть русский флот в Черном море, превратить проливы в ворота агрессии против юга России.

Если для первого этапа рассматриваемого периода характерны успехи русской концепции режима проливов, наиболее ярко воплощенной в русско-турецких договорах 1798, 1805 и 1833 годов, то следующий этап отмечен торжеством англичан, которым по Парижскому трактату 1856 года удалось свести на нет все предшествующие достижения русской внешней политики в вопросе о проливах.

II

Кучук-Кайнарджийский договор открыл Черное море и проливы для русских торговых кораблей и *de facto* предоставил России право держать на Черном море военный флот. Это событие, свидетельствовавшее об усилении могущества Российской империи, было воспринято европейской дипломатией с плохо скрываемым чувством зависти и недоброже-

¹ Rene Pinon, L'Europe et l'empire ottoman, 1909.

лательством. Даже дипломаты союзной Австрии выражали явную тревогу и предавались печальным размышлениям по поводу возможных последствий русского успеха. Расстроенное воображение рисовало неутешительную картину якобы неминуемого в самом ближайшем будущем падения Оттоманской империи и захвата Россией проливов.

«При попутном ветре, — доносил своему правительству австрийский посол в Константинополе Тугут, — эскадра с 20-тысячным десантом, через двое суток по выходе из Керчи, беспрепятственно явится перед стенами Константинополя. В особенности же заслуживает внимания то обстоятельство, что поддержание Оттоманской империи уже не будет зависеть от европейских держав, а единственно от доброй воли России... по окончании работ, производимых русскими в сооружаемых ими верфях и доках, — что, конечно, не затянется на долгое время, — можно с часу на час ожидать взятия ими Константинополя; при том падение этой столицы последует так внезапно, что совершится ранее, чем весть о движении русских войск донесется до пределов ближайших к границам России христианских держав»¹.

Фантастический прогноз Тугута характерен для подозрительной настороженности, с которой был встречен в Европе выход России в Черное море. Турецкое правительство долго еще не могло примириться с постановлениями Кучук-Кайнарджийского договора. Турецкие агенты в Крыму усиленно интриговали против России. Дело чуть не дошло до разрыва дипломатических отношений между Россией и Турцией. В результате новых переговоров 2 марта 1779 г. была подписана так называемая пояснительная конвенция.

Статья 6 указанной конвенции подтвердила предоставленное России право судоходства в Черном море. Вооружение и вместимость русских кораблей должны были быть согласованы с правилами, установленными на этот предмет в договорах с Францией и Англией. Вербовка турецких матросов разрешалась России только в крайних случаях и не иначе, как с согласия турецкого правительства².

Конвенция 1779 года не разрядила напряженную международную обстановку. Она только отсрочила назревавший

¹ Д. Бухаров, Россия и Турция от возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 1871 г., СПб, 1878, стр. 23—24.

² Жигарев, Русская политика в восточном вопросе, стр. 205—206.

конфликт. Порты и стоявшие за ее спиной великие державы не примирились с возросшим могуществом и авторитетом России. Европейская дипломатия всячески интриговала в Константинополе, провоцируя Порту на выступление против России. С другой стороны, Россия, став черноморской державой, с особенной остротой ощутила уязвимость своих южных границ. Русский военный флот, для которого проливы попрежнему оставались закрытыми, был, по существу, заточен в Черном море. «Национальное честолюбие Екатерины II и ее преемников, — замечает Ренэ Пинон, — не могло не возмущаться этим. В самом деле, какое это свободное море, не имеющее выхода? И какая такая свобода в тюрьме?»

В этой сложной обстановке наметилось сближение между Россией и Австрией. Известный австрийский дипломат Кауниц еще во время переговоров о разделе Польши выдвинул проект раздела Оттоманской империи¹. В 1780 году австрийский император Иосиф II при свидании с Екатериной II в Могилеве предложил заключить союзный договор. Предложение было принято и в 1781 году заключен трактат русско-австрийского оборонительного союза.

Крайне любопытна с международно-правовой точки зрения форма этого трактата, принятого в виде обмена личными письмами между Иосифом II и Екатериной II.

В письме от 18 мая 1781 г. Иосиф II обязывался за себя и за своих преемников «гарантировать не только все владения Вашего Величества, но также и все трактаты, конвенции и договоры всякого рода, заключенные Портою с Вами, а именно: конвенцию от 9 октября 1704 г., определяющую границы Азова и Кубани, трактат о вечном мире, заключенный в Кайнарджи 10 июля 1774 г., конвенцию 4 апреля 1775 г. касательно Кинбурнской области и ее округа и, наконец, пояснительную конвенцию, заключенную и подписанную в Константинополе 10 марта 1779 г.»² (разрядка наша. — Б. Д.).

¹ Впоследствии этот план был развит Потемкиным и Безбородко в фантастический «греческий проект», предусматривавший восстановление на берегах Босфора Греческой империи во главе с внуком Екатерины II Константином и образование из Молдавии и Валахии буферного государства «Дакии».

² Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, т. II, стр. 114—115.

«Causus foederis» наступал при категорическом отказе Порты от исполнения в целом или частично указанных договоров или открытом нарушении мира и действительном нападении Турции на одну из договаривающихся сторон. «Causus foederis» наступал также при нападении какой-либо другой державы на одного из союзников во время войны с Турцией.

Горизонт русско-турецких отношений все более омрачался. Одним из главных источников постоянных недоразумений и конфликтов было неясное положение Крыма, где ожесточенно боролись русская и турецкая партии. Необходимо было раз навсегда покончить с создавшейся неопределенностью. Единственным исторически и географически оправданным выходом являлось присоединение Крыма к России. На этом настаивал энергичный Потемкин, доказывавший необходимость «свести сию бородавку с носу».

Манифест от 8 апреля 1783 г. оповестил мир, что отныне «Крымский полуостров, остров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под Российскую державу»¹. Поглощенные другими делами, западные державы не решились выступить против присоединения Крыма к России, хотя французский министр иностранных дел Вержен отправил всем европейским дворам ноту, в которой доказывал что, мол, «Крым — лишь первая станция русских на пути к Босфору, и поэтому должно отстоять его, а в крайнем случае хотя не допускать русского военного флота в Черном море».

В том же 1783 году был подписан русско-турецкий торговый договор, ряд статей которого регулировал вопросы судоходства по Черному морю и проливам².

Первая статья договора фиксировала полную свободу русского коммерческого судоходства и торговли во всех областях Турецкой империи.

«Блистательная Porta позволяет совершенно свободно всем Российским подданным навигацию и торги свои отправлять во всех областях ея, как на сухом пути, так и в морях, водах и рекою Дунаем и везде, где навигация и купечество удобными для Российских подданных найдутся».

Статья XX обязывала Порту «присвоить Российским подданным в торговле их, производимой ими в областях ея, те же самые выгоды, коими в областях ея пользуются Фран-

¹ Жигарев, цит. соч., стр. 217.

² См. Юзefович, Договоры России с Востоком, стр. 122 и далее.

цзузы и Англичане, яко дружественные и наиболее фаворизируемые ею нации, и вследствие того не требовать с них других пошлин, кроме тех, кои платят сии две нации... а именно по три процента, с тем однакож, что Российские купеческие корабли, заплатя пошлину единожды, не будут уже обязаны платить оную в другом месте владений Порты».

Статьей XXX русскому торговому флоту предоставлялся свободный проход «Константинопольским каналом из Черного моря в Белое¹ и взаимно из Белого в Черное», причем «Порта Оттоманская сим обязуется не только не чинить никакого препятствия таковым идущим кораблям под Российским флагом; но сии корабли, будучи нагружены товарами не для продажи в областях Порты, не должны быть подвержены уже и малейшей остановке или осмотру, каким бы товаром ни были они нагружены, потому что они, не останавливаясь в областях Порты, пройдут единственно чрез помянутый канал из Черного моря в Белое и далее в Средиземное море в земли Порте неподвластные» (разрядка наша — Б. Д.).

Статья XXXI обязывала Порту не взимать никаких пошлин с грузов русских коммерческих кораблей, проходящих по Босфору, и не заставлять купцов сгружать их товары в Константинополе или другом каком-либо месте. Эта статья не противоречила статье XX, где трехпроцентная пошлина устанавливалась для экспортной и импортной торговли русских купцов в Турции.

Договор 1783 года ставил Россию в положение «наиболее благоприятствуемой державы». Отметим, что в это время ни одна иностранная держава не имела права прохода через Босфор. По мнению Жигарева, торговый договор 1783 года «составляет эпоху в наших торговых отношениях с Оттоманской Портой»².

Не примирившаяся с утратой Крыма Турция, подстрекаемая агентами западноевропейских держав, в особенности Англии и Пруссии, лихорадочно готовилась к новой войне. После знаменитого путешествия Екатерины II в Крым раздражение турок достигло предела. 15/27 июля 1787 г. турецкое правительство вручило русскому посланнику в Константинополе Булгакову резкую ноту ультимативного харак-

¹ Имеется в виду Мраморное море.

² Жигарев, цит. соч., стр. 221.

тера, в которой между прочим потребовало осмотра всех русских судов, выходящих из Черного моря, ввиду того, что они, якобы, провозят контрабанду. Таким образом, турецкое правительство фактически потребовало аннулировать статью 30 торгового договора 1783 г. После отказа Екатерины принять требования Порты последняя 12/24 августа 1787 г. объявила России войну.

Вторая турецкая война продолжалась четыре года и закончилась Ясским мирным договором, подписанным 29 декабря 1791 г.¹ Ясский трактат подтвердил присоединение Крыма и Тамани к России, придвинул русскую границу вплотную к Днестру и еще раз подтвердил постановления Кучук-Кайнарджийского договора.

Вторая турецкая война и Ясский трактат подвели итоги многолетней борьбы России за Черное море. Северный берег Черного моря от Днестра до Кубани был окончательно закреплен за Россией, получившей право иметь на Черном море флот и проводить торговые корабли через Босфор и Дарданеллы. Черное море из «турецкого озера» стало закрытым морем двух черноморских держав — России и Турции. Оставались, однако, нерешенными вопросы полити-

¹ Вторая турецкая война проходила в крайне напряженной международной обстановке. Швеция объявила России войну, а Англия, Пруссия, Голландия, Испания, королевство обеих Сицилий заняли резко антирусскую позицию. В особенности усердствовала Англия, грозившая отправить свой флот в Балтийское море. Однако твердая политика русского правительства и блестящие победы русских войск, сражавшихся под командованием Суворова, внесли замешательство в ряды противников России. Прибывшему в Петербург с ультиматумом английского уполномоченному лорду Витерфорду Екатерина саркастически ответила: «После того как король, ваш повелитель, решил вытеснить меня из Петербурга, я надеюсь, что по крайней мере он позволит мне искать убежища в Константинополе». События французской революции окончательно расстроили планы англичан.

Враждебная позиция Англии и Швеции все же сказалась на ходе военных действий. Так не увенчалась успехом экспедиция Заборского и Грейга в Архипелаг, предпринятая по примеру экспедиции Орлова в прошлой войне, хотя план похода и овладения Дарданеллами был детально разработан адм. Грейгом еще в 1783 г. (Два донесения адмирала Грейга. Архив князя Воронцова, книга 26, стр. 261—274). Надо полагать, что неудача экспедиции Грейга явилась основанием для разработки впоследствии Суворовым нового плана захвата проливов путем комбинированных операций сухопутных войск и черноморской эскадры (см. «План, поданный графом Суворовым на утверждение ее величеству русской императрице в 1795 году» — «Русский архив», 1914, вып. 6—7, стр. 159—170).

ческого и стратегического свойства, связанные с новым положением Черного моря и запретительным, по отношению к русским военным кораблям, характером режима проливов.

III

Французская революция нарушила европейское равновесие и открыла новый период в истории международных отношений. Французский народ в процессе грандиозного революционного творчества пересоздал «... всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав, вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны»¹. Последнее десятилетие XVIII в. и первое десятилетие XIX в. проходят под знаком военного преобладания Франции над остальными государствами Европы.

Наполеоновские войны смешали все карты в дипломатической игре европейских политиков, по-новому поставили почти все узловые вопросы международных отношений. Мощный толчок был, в частности, дан и проблеме режима проливов.

Прежде, чем перейти к рассмотрению конкретных юридических актов и политической обстановки, которая их порождала, остановимся вкратце на характеристике русской концепции взаимоотношений с Османской империей, как она формулировалась государственными деятелями России в начале XIX в.

Вопреки установившемуся в иностранной и отчасти в русской литературе представлению, необходимо отметить, что во взглядах русских государственных деятелей не было единого, всеми признанного и незыблемого мнения о проблеме русско-турецких отношений и судьбе проливов. Наряду с требованиями радикально решить проблему проливов, путем их захвата, мы встречаем почти столь же часто и энергичные заявления совершенно иного свойства.

Два документа, относящиеся к началу XIX в., достаточно отчетливо выражают эти противоположные тенденции. Мы имеем в виду адресованную императору Павлу записку Ф. В. Растопчина и записку В. П. Кочубея к Александру I.

Граф Ф. В. Растопчин — один из руководителей ино-

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 334.

странного ведомства при Павле — в своей записке (1800) резко критиковал внешнюю политику России, считая ее антинациональной и доказывая, что «истинные выгоды России всегда почти предавались забвению».

Обеспечение русских интересов необходимыми «способами при нынешних запутанных европейских обстоятельствах» Ростопчин видел в разделе Турции между Россией, Австрией, Францией и Пруссией. Следует иметь в виду, что аналогичные планы возникают в эту эпоху по разным поводам в различных европейских государствах. Напомним, что один из первых проектов раздела Турции разрабатывался австрийским канцлером Кауницем еще в 70-х годах XVIII в.

Противоположная точка зрения выражена в докладной записке В. П. Кочубея, поданной Александру I в 1802 году. Автор записки — крупный дипломат, занимавший в течение пяти лет пост посланника в Константинополе, а затем бывший одним из руководителей министерства иностранных дел и лицом, приближенным к императору. Основной тезис записки Кочубея заключался в том, что «Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении, нет соседей покойнее турок, и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно впредь быть коренным правилом нашей политики»¹.

Эта точка зрения разделялась и Александром I, по крайней мере в начале его царствования, когда он в инструкциях, данных послу в Вене Разумовскому, утверждал: «Одно из основных начал моей политической системы всегда будет состоять в том, чтобы всеми средствами содействовать сохранению этого государства (Турции)»².

Эта задача становилась все более актуальной по мере того, как на фоне наполеоновской агрессии ясно вырисовывалось бессилие и маразм некогда могущественной Османской империи.

Еще в царствование Павла I Франция по Кампоформийскому договору 1797 года заняла Ионические острова и ряд пунктов на западном берегу Балканского полуострова. Вскоре за этим последовал знаменитый египетский поход Наполеона. Шпага завоевателя вонзилась в сердцевину Османской империи. Куда бросится Наполеон из Египта?

¹ Жигарев, цит. соч., стр. 256.

² Мартенс, Собрание трактатов, т. II, стр. 375.

На этот счет существовали самые различные предположения. Предпримет ли он по примеру Александра Македонского поход в Индию и там нанесет решительный удар своей неутомимой сопернице — Англии? Или, распахнув слабо охраняемые ворота проливов, ринется в богатые поля России? И то и другое казалось одинаково возможным.

Наполеоновский поход в Египет убедительно продемонстрировал прямую зависимость безопасности Черного моря и юга России от характера режима проливов. В условиях наполеоновской экспансии оказалось совершенно естественным, что две черноморские державы — Россия и Турция, забыв недавние распри, поспешили подать друг другу руки. По просьбе Порты в Босфор для защиты от Наполеона была направлена русская эскадра под командованием вице-адмирала Ушакова. 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) подписан русско-турецкий союзный договор.

Договор был заключен сроком на 8 лет в целях: «сохранения целостности обоюдных владений и политического равновесия между державами, а также в противодействии французскому правительству, которое, упорствуя в своих умыслах на ниспровержение Закона Божия, престолов государских всякого порядка и предуспев завоеваниями и заразою развратных правил поработить многие области, устремилось в земли Порте принадлежащие».

Секретные статьи договора устанавливали обязательство России предоставить в помощь Порте эскадру из 12 линейных кораблей (ст. 1) и в случае надобности сухопутную армию в 75—80 тысяч человек (ст. 6). Турция обязывалась предоставить для указанных русских военных кораблей свободный проход через проливы в обоих направлениях (ст. 4). Этой же статьей оговаривалось, что «для всех же других наций без исключения вход в Черное море будет закрыт»¹.

Принципиальное и юридическое значение договора 1798 г. исключительно велико. Во-первых, в договоре проводилась резкая грань между черноморскими и нечерноморскими державами. Хотя в борьбе с Наполеоном, против которого непосредственно направлен договор 1798 года, участвовали почти все европейские государства, договор, коренным образом менявший режим проливов, был заключен в результате переговоров и соглашения двух черноморских

¹ Секретные статьи договора см. Д. М и л ю т и н, История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I, СПб, 1857, т. I.

держав. Во-вторых, установленный договором режим проливов подчеркивал особую роль крупнейшей черноморской державы России в режиме проливов. В-третьих, договор признавал, что для охраны безопасности входа в Черное море недостаточно сил одной обладательницы берегов проливов, а необходимо сочетание сил обоих черноморских государств.

Политические и стратегические преимущества договора 1798 г. дали себя быстро знать. Соединенная русско-турецкая эскадра под командованием адм. Ушакова обеспечила безопасность проливов и, пройдя через Дарданеллы, вышла в Средиземное море, где очистила Ионические острова от оккупантов и совершила ряд успешных операций. По окончании военных действий эскадра Ушакова 31 августа 1800 г. вновь прошла через Дарданеллы, 10 сентября вступила в Босфор, где имела месячную стоянку у Буюкдерэ, а затем 12 октября 1800 г. снялась с якоря и взяла курс на Севастополь.

Эффективность договора 1798 г. была настолько очевидна, что уже в 1804 г. турки предложили возобновить союзный договор, хотя срок его истекал только через два года. В результате переговоров, которые со стороны России велись ее посланником в Константинополе выдающимся дипломатом А. Я. Италинским, 11/23 сентября 1805 г. между Россией и Турцией был заключен новый союзный договор, заменивший договор 1798 года.

Выработанный русским министерством иностранных дел проект договора состоял из 17 явных и 8 тайных статей¹. Следует отметить, что министерская редакция договора в ряде случаев не удовлетворила А. Я. Италинского, который по-своему перередактировал договор, в частности статьи о режиме проливов. Договор был подписан в редакции Италинского.

Рассмотрим сначала явные статьи договора.

Статья 2 определяла размеры взаимной помощи в 6 линейных кораблей и 4 фрегата, 10 тысяч пехотинцев и 2 тысячи кавалеристов. Статья 13 устанавливала способы оказания помощи и взаимно гарантировала владения договаривающихся сторон. Статья 14 устанавливала срок действия договора в 9 лет, т. е. до 1814 года.

¹ С. Горьянов, Босфор и Дарданеллы, СПб, 1907. По другим данным договор состоял из 15 явных и 10 тайных статей.

Центр тяжести, однако, лежал в секретных статьях договора, из которых:

Статья 1 гласила: «В случае заключения союза против Франции Россией с какой-либо державой — к нему присоединяется султан. Во всяком случае последний обязуется предоставить военную и морскую помощь, упомянутую в статье 2 явного договора, и облегчить проход русских судов во время войны через Константинопольские проливы».

Статья 4 устанавливала, что: «Гарантия (по договору 21 марта 1800 г.) за целостность Ионических островов делает необходимым оккупацию их русскими военными силами. Султан за это обязуется способствовать всеми мерами проходу русских военных судов через проливы»¹.

Наибольшее значение имела статья 7, дошедшая до нас в двух редакциях и соответственно получившая в русской литературе двух истолкователей.

Автор одной из лучших работ о проливах С. Горяинов, опираясь на дипломатическую переписку, хранящуюся в русских государственных архивах, и в частности на депешу Италинского, излагает седьмую секретную статью договора 1805 года следующим образом:

«Обе высокие договаривающиеся стороны соглашаются считать Черное море как бы закрытым и не допускать появления никакого военного или вооруженного судна какой бы то ни было державы. В случае же, если бы какая-либо из них попыталась явиться туда вооруженною, то обе высокие договаривающиеся стороны обязуются считать такую попытку поводом к союзу (*casus foederis*) и ей препятствовать всеми своими морскими силами, признавая в том единственное средство для обеспечения своей взаимной безопасности. При этом разумеется, что свободный переход через Константинопольский канал не перестанет быть открытым для военных судов Е. В. Императора Всероссийского, которым блистательная Порты, насколько от нея будет зависеть, во всяком случае окажет всякую помощь и предоставит всякое облегчение»².

С. Гагарин, в статье, опубликованной в журнале «Русская Мысль» в апреле 1915 года, указывает, что текст, приведен-

¹ С. Гагарин, Константинопольские проливы, «Русская мысль», 1915, кн. 4.

² С. Горяинов, цит. соч., стр. 4—5.

ный Горяиновым на основании депеши Италинского, не точен и что аутентичным является текст, приведенный у Nora dounghian¹, где статья эта гласит:

«Обе высокие договаривающиеся стороны, установив закрытие Черного моря, объявляют, что всякая попытка какой-либо державы насиловать это закрытие будет рассматриваться как враждебный против них акт. Поэтому они обязуются всеми своими морскими силами противодействовать проходу в это море всякого иностранного военного судна или судна, снабженного военными припасами».

Мы не считаем нужным в рамках настоящей работы подробно анализировать вопрос, который же из двух приведенных текстов следует считать аутентичным, ибо противоречие между обоими текстами при внимательном рассмотрении оказывается отнюдь не таким большим и не таким серьезным. И тот и другой тексты признают Черное море закрытым морем двух черноморских держав и объявляют, что попытка какой-либо нечерноморской державы нарушить закрытый характер Черного моря явится «casus belli». И в том и в другом текстах договаривающиеся стороны обязуются всеми своими морскими силами препятствовать проходу в Черное море иностранных военных кораблей. Иными словами: ответственность за оборону проливов от военных кораблей иностранных государств возлагается на обе черноморские державы.

В чем же различие в текстах, приведенных Горяиновым и Гагариным? Текст Горяинова более обширен и детален по сравнению с текстом Гагарина. Основное различие заключается в том, что в редакции Горяинова имеется еще одно указание о свободном проходе русских военных кораблей через проливы, а у Гагарина в статье 7 об этом ничего не говорится. Но по существу это ничего не меняет, ибо о проходе русских военных кораблей через проливы и содействии турецкого правительства сказано в статьях первой и четвертой. Мы не говорим уже о том, что «противодействие проходу» иностранных кораблей через проливы логически подразумевает право пользования проходом через проливы кораблей державы, на которую это «противодействие» возлагается.

Договору 1805 года не суждена была долгая жизнь. На-

¹ Hora dounghian (gabriel Effendi). Recueil d'actes internationaux de l'Empire ottoman.

пуганная новыми победами Наполеона, Порта меняет ориентацию и по наущению французов, вопреки договору, закрывает проливы для русского флота.

Уже в апреле 1806 года Порта под влиянием французского посланника Рюффена начинает уклоняться от основного пункта договора 1805 года — пропуска русских военных кораблей через проливы¹. При этом турецкое правительство выдвигает довод, что четвертая статья договора якобы предполагает только оборонительную войну, а Россия пользуется проливами для наступательных операций против Франции в Средиземном море. Италинскому не трудно было доказать, что ссылака на четвертую статью неуместна, ибо в этой статье о характере военных операций, оборонительном или наступательном, ничего не говорится.

14/26 апреля 1806 г. рейс-эффенди Вассиф передал Италинскому пожелание султана, чтобы русские военные корабли не проходили через проливы. Как видим, Порта облекает свое предложение об изменении режима проливов в форму пожелания, а не требования, понимая, что для последнего не нашлось бы юридической базы. Русский посланник отклонил ноту Порты, как противоречащую договору 1805 года.

Положение обострилось после прибытия в Константинополь нового французского посланника генерала Себастиани, потребовавшего от Порты закрыть проливы для русских кораблей. Лето и осень 1806 года проходит в бесконечных пререканиях между Портой и русским посланником. Каждый новый факт прохода через проливы русского корабля вызывает придирки и протесты турецкого правительства, занимающего под влиянием Себастиани все более вызывающую позицию.

Систематические нарушения Портой договора 1805 г. вызвали резкий протест русского правительства, предложившего Италинскому предъявить ультиматум, в котором, между прочим, требовалось: «Чтобы Порта окончательно отказалась от намерения закрыть для русских судов Дарданеллы и Босфор и ни под каким предлогом не препятствовала их свободному плаванию в тех водах»².

Но еще до получения русской ноты турецкое правительство решило перейти Рубикон и 11/23 декабря 1806 г. пред-

¹ Л. И. Гальберштадт, Восточный вопрос. В книге «Отечественная война и русское общество», т. II, стр. 99.

² Д. Бухаров, Россия и Турция, стр. 49.

ложило русскому посольству выехать из Константинополя. Спустя несколько дней Турция объявила войну России, продолжавшуюся с перерывами почти шесть лет и закончившуюся Бухарестским миром 1812 года.

В продолжение этой войны несколько раз возникали переговоры о мире. В качестве важнейшего условия мира со стороны России выдвигалось требование возобновления прежних договоров, в частности права прохода русских военных кораблей через проливы. Так, в 1807 году состоявший на русской дипломатической службе Поццо-ди-Борго получил поручение отправиться на эскадру адм. Сенявина, оперировавшую в Архипелаге, и завязать оттуда переговоры с турецким правительством о мире, основанном на принципе восстановления и выполнения всех ранее заключенных договоров и соглашений «с строжайшей точностью и совершенной искренностью и добросовестностью». В 1808 году во время русско-турецких переговоров в Яссах главнокомандующий русской Дунайской армией генерал-фельдмаршал Прозоровский по настояниям Италинского включил в проект мирного договора специальную статью, в которой говорилось:

«Высокая оттоманская Порта предоставляет всякого рода военным судам русской империи, каких бы то ни было размера и величины, свободный проход через Константинопольский пролив и Дарданеллы в Средиземное море, и для обратного его следования с единственным ограничением, чтобы за раз не проходило через Константинопольский канал и через Дарданеллы более трех военных судов. Им, однако, будет разрешено там останавливаться в случае нужды, с целью чиниться или запасаться, в чем им никогда не будет оказано препятствий кем бы то ни было из высокой Порты»¹.

Аналогичную статью мы также находим в проекте мирных условий, предъявленных русским главнокомандующим генералом Каменским в 1810 году.

Отступление от договора 1805 года, как видим, было весьма существенным. В отличие от договора 1805 года, новый проект ограничивал число русских кораблей, проходящих одновременно через проливы, не предусматривал закрытия проливов для судов нечерноморских держав, не обеспечивал совместную оборону проливов. Отступление это определялось осложнением международной обстановки. На

¹ С. Горяинов, Босфор и Дарданеллы, стр. 14.

горизонте уже виднелись первые тучи, вызвавшие грозу 1812 года.

Вернемся, однако, к положению, созданному вероломным нарушением Портой договора 1805 года.

Вслед за объявлением Портой войны России внимательно наблюдавший за событиями английский посланник Чарльз Арбутнот ультимативно потребовал от турецкого правительства немедленной высылки Себастиани и разрешения английским военным кораблям беспрепятственно проходить проливы. Получив отказ, английский посланник покинул столицу. Вскоре Европа оказалась свидетельницей беспрецедентной акции. Для подкрепления ультиматума Арбутнота крейсировавшая в Эгейском море английская эскадра под командованием адмирала Дэкворта, преодолев слабое сопротивление фортов, форсировала Дарданеллы и 20 февраля 1807 года бросила якорь на Константинопольском рейде.

Победа англичан, однако, чуть не оказалась пирровой. Под руководством Себастиани и французских специалистов турки быстро организовали оборону столицы и сильно укрепили Дарданеллы. Дэкворт очутился в ловушке. Ему пришлось прорываться через Дарданеллы под убийственным огнем береговых батарей. Только 3 марта, потеряв два корабля и 600 человек экипажа, Дэкворту удалось добраться до о. Тенедос. Потери Дэкворта были бы еще большими, если бы преследовавший его турецкий флот не наткнулся у острова Лемнос на русскую эскадру адмирала Сенявина. В сражении с русской эскадрой турки потерпели жестокое поражение и, потеряв 4 корабля, вынуждены были вернуться.

Требования и действия англичан бесспорно противоречили международному праву. Если Россия, настаивая на открытии проливов, опиралась на свое положение черноморской державы и право, обусловленное договорами 1798 и 1805 гг., то действия Англии, не являвшейся черноморским государством и не имевшей никаких юридических оснований претендовать на проход через проливы, являлись грубым нарушением турецкого суверенитета.

Пока на Востоке происходили вышеуказанные события, европейские дела приняли совершенно иной оборот. Кроваво-пролитная кампания 1806—1807 гг. неожиданно завершилась историческим свиданием Наполеона и Александра на плоту посреди Немана и русско-французским сближением. 27 июня (7 июля) 1807 г. был заключен Тильзитский мир-

ный договор. В Тильзите подверглись обсуждению все важнейшие вопросы международной политики и в том числе восточный вопрос.

То было время, когда идея раздела Оттоманской империи носилась в воздухе. «Не было кабинета, — пишет автор трехтомного исследования о русско-французских отношениях в 1807—1812 гг. французский историк А. Вандаль, — не было государственного человека, который не набросал бы проекта раздела и не держал его про запас, чтобы в случае надобности противопоставить его требованиям соперников»¹.

В Тильзите первым заговорил об этом прусский министр Гарденберг, видевший в разделе Турции средство облегчить участь разгромленной Пруссии. В переданной Александру I памятной записке Гарденберг предлагал отдать России часть дунайских княжеств, Болгарию, Румынию и проливы; Франции — Эллинский полуостров и острова Архипелага; Австрии — Боснию и Сербию. Пруссия должна была не только получить обратно все потерянные в результате войны владения, но и округлить их за счет саксонских земель. «Пруссия не отеклась от своих традиций, не отказывалась от своих способов действий; побежденная и умирающая, она в чужом разгроме искала восстановления собственного счастья» (В а н д а л ь).

Записка Гарденберга не имела успеха. Александр ограничился тем, что принял ее «к сведению». В Тильзите Наполеон и Александр разыгрывали сложную, скрытую от посторонних взоров дипломатическую игру. Здесь о многом говорилось, многое обещалось, но очень немногое записывалось и официально оформлялось. Впоследствии Наполеон скажет знаменательные слова: «Мне указывают, что я не придерживаюсь более Тильзитской песни: я признаю только песню, положенную на ноты, т. е. букву договора».

В официальном тексте Тильзитского договора по восточному вопросу говорилось лишь об эвакуации русских войск из Молдавии и Валахии (ст. 22) и французском посредничестве в русско-турецких мирных переговорах (ст. ст. 23 и 24)². Но одновременно в Тильзите был подписан секрет-

¹ A. Vandal, Napoleon et Alexandre I, L'alliance russe sous le premier empire.

Имеется русский перевод В. Шиловой, СПб, 1910. Цит. по переводу, т. I, стр. 6.

² Цит. соч., Приложение I, стр. 508.

ный договор о союзе, где мы находим многозначительную статью, которая гласит:

«Статья 8. Равным образом, если бы вследствие только что происшедших в Константинополе перемен¹, Порта не приняла посредничества Франции или, если бы в случае принятия такового, переговоры в продолжение трех месяцев после их открытия не достигли удовлетворительного результата, Франция будет заодно с Россией против Оттоманской Порты и обе высокие договаривающиеся стороны придут к соглашению по поводу того, чтобы изъять все провинции Оттоманской империи в Европе, исключая города Константинополя и Румелийской провинции, из-под ига и жестокого управления турок»².

Любопытный образчик наполеоновской дипломатии! Недавний сторонник и «охранитель» целостности Оттоманской империи, Наполеон предлагает теперь раздел Турции в качестве приманки, для Александра. Поистине прав Талейран, утверждавший, что Наполеон всегда имел «две стрелы в своем колчане».

2 февраля 1808 г. Наполеон в письме к Александру выдвигает план грандиозного нападения русско-французских войск на Константинополь. «Через месяц после того, как мы условимся, они могут быть на берегах Босфора, — пишет Наполеон. — Но следует привести в соответствие и уравновесить взаимные интересы обоих государств. Это может совершиться только при свидании с Вашим Величеством, или после искренних бесед между Румянцевым и Коленкурром»³.

В Петербурге начинаются доверительные переговоры между министром иностранных дел Румянцевым и французским посланником Коленкурром. В конце концов выясняется затаенная мысль французов. Проливы имеют два затвора: Босфор и Дарданеллы. Нельзя ли в том случае, если придется отдать Босфор России, оставить Дарданеллы за Францией? Нельзя ли, если Черное море станет русским озером, превратить во французское озеро — Средиземное море? Пусть Босфор принадлежит русским. Все равно, владея Дарданеллами, Франция будет хозяйкой положения и сумеет в любой момент запереть Черное море.

¹ Имеется в виду прибывшее в Тильзит известие о свержении султана Селима.

² V a n d a l, цит. соч., стр. 512.

³ Там же, стр. 244—245.

— Ключ от Черного и ключ от Мраморного моря! Это слишком много для одного выхода, граф; иметь и один из них было бы уже очень хорошо. Мне кажется, можно было бы предложить, чтобы у каждого был свой ключ, — восклицает Коленкур.

— Кому же вы дадите Дарданеллы? — спрашивает Румянцев.

— Я возьму их для Франции, — отвечает Коленкур.

— Но до каких мест и каким путем пойдете вы, если признать Дарданеллы вашими? — продолжает зондировать Румянцев.

— Ну, по крайней мере до Родосто; можно будет принять за границу цепь гор от Пристина до Адрианополя, — следует ответ Коленкура¹.

«Искренние беседы» ни к чему не привели. Швыряясь огромными территориями, собеседники вели бесплодный, но ожесточенный словесный турнир вокруг судьбы «кошачьего языка», как окрестил Румянцев район Дарданелл и Галлиполийского полуострова.

Спор был перенесен в Эрфурт на свидание императоров, но и там не нашел разрешения.

После Эрфурта русско-французские отношения быстро ухудшаются. Назревает грозное столкновение. 24 июня 1812 г. Наполеон двигает свои полчища на Россию, где им суждено было погибнуть в борьбе с поднявшимся на защиту Родины русским народом.

Начиная войну против России, Наполеон рассчитывал иметь на своем левом фланге — Швецию, а на правом — Турцию. Но наполеоновская дипломатия на этот раз дала осечку. Швеция сохранила нейтралитет, а с Турцией Кутузов, проявивший блестящее дипломатическое искусство, подписал в Бухаресте в мае 1812 года мирный договор.

Но прежде чем перейти к рассмотрению Бухарестского трактата, остановимся на весьма важном в истории международно-правового режима проливов англо-турецком договоре 1809 года.

В конце 1808 года у входа в Дарданеллы появилась английская эскадра под командованием адмирала Коллингвуда. Почти одновременно в Константинополь прибыл чрезвычайный английский посланник сэр Роберт Эдер. Угрожая форсированием проливов эскадрой Коллингвуда, англий-

¹ Цит. соч., стр. 291—296.

ский посланник подписал 5 января 1809 г. англо-турецкий договор, резко изменявший юридическую природу режима проливов.

XI статья договора 1809 года была сформулирована в казуистичной и имевшей серьезные международно-правовые последствия редакции. В ней говорилось:

«В виду того, что во всякие времена было запрещено военным судам входить в Константинопольский канал, а именно в пролив Дарданеллы и Черного моря, и так как это древнее правило Оттоманской империи должно быть точно также и впредь соблюдается в мирное время в отношении войск державы какой бы то ни было, то британский двор обещает подчиниться равным образом этому правилу»¹.

Эта хитроумная формулировка на первый взгляд говорит только об обязательстве Англии подчиниться «древнему правилу» о закрытии проливов для иностранных военных кораблей. Получалось, что эскадра Коллингвуда была подведена к проливам только для того, чтобы английский посланник имел возможность подписать договор... запрещающий проход этой эскадре. Но, разумеется, подобное наивное толкование никогда никому в голову не приходило.

Рассмотрев внимательно XI статью англо-турецкого договора 1809 года, мы можем установить, что:

1) договор, включающий статью о режиме Черного моря и проливов, заключен между нечерноморской державой и одной из черноморских держав, без санкции другой черноморской державы;

2) XI статья договора 1809 года противоречит духу и букве статей 1, 4 и 7 русско-турецкого договора 1805 года, хотя срок действия последнего еще не истек;

3) XI статья договора 1809 года вводит понятие «древнего правила» закрытия проливов, никогда до этих пор не фигурировавшее ни в одном международно-правовом акте. В XV—XVII вв., когда Оттоманская империя владела всеми берегами Черного моря, султан по своему усмотрению открывал или закрывал проливы для кораблей иностранных держав. Это право султана вытекало из характера Черного моря, как внутреннего моря Оттоманской империи. Однако и в те времена, как мы выяснили в предыдущей главе, никакого «древнего правила» не существовало. Со времени появ-

¹ С. Горьянов, цит. соч., стр. 16; Гагарин, Константинопольские проливы, «Русская мысль», 1915, № 4, стр. 108.

ления новой черноморской державы — России Черное море стало закрытым морем обоих черноморских государств и его режим, так же, как и режим проливов, регулировался договорными отношениями России и Турции. Уже в 1774 г. по договору в Кучук-Кайнарджи Порта признала за Россией, как за черноморским государством, право прохода ее торговых кораблей через проливы. Договоры 1798 и 1805 гг. не только распространили право прохода через проливы на военные корабли России, но и установили принцип совместной обороны проливов силами обоих черноморских государств. Таким образом «древнее правило» Османской империи, о котором идет речь в англо-турецком договоре 1809 года, не более древнего происхождения, чем самый этот договор;

4) под видом соблюдения «древнего правила» договор не только наносил существенный ущерб безопасности черноморских государств, но и посягал на суверенные права Османской империи, устанавливая ее обязательство закрывать проливы для «какой бы то ни было» державы. Более того. Поскольку подчинение Англии «древнему правилу» ставилось в зависимость от того, будет ли закрытие проливов «впредь соблюдено в мирное время в отношении войск державы какой бы то ни было», Англия тем самым присваивала себе функции контроля над режимом проливов и авансом претендовала на положение наиболее благоприятствующей державы в отношении режима проливов. Совершенно прав Ренэ Пинон, утверждающий, что «то, что раньше было делом его (султана) свободной воли, становится результатом обязательств, контролером которых стала Англия»;

5) наконец, договор 1809 г. явился первой попыткой предоставить регулирование режима проливов нечерноморским государствам в ущерб интересам черноморских держав. Договор 1809 года был зерном, из которого выросли угрожающие безопасности черноморского бассейна и в особенности крупнейшей черноморской державы — России постановления лондонских конференций 1840, 1841, 1871 гг. и Парижского трактата 1856 года.

Заключенный М. И. Кутузовым Бухарестский мирный договор 1812 года не изменил положение, созданное XI статьей англо-турецкого договора 1809 года. Озабоченная надвигавшейся войной с Наполеоном, русская дипломатия обошла молчанием вопрос о проливах. Правда, статья III Бухарестского договора указывала, что:

«Все трактаты, конвенции, акты и постановления, учиненные и заключенные в разные времена между Российским Императорским двором и Блистательною Портою Оттоманскою, во всем совершенно подтверждаются как сим трактатом, так и предыдущими, выключая токмо те статьи, кои по временам были подвержены переменам; и обе Высокие договаривающиеся стороны обязываются соблюдать их свято и ненарушимо»¹.

Однако по мнению С. Гагарина Бухарестский договор 1812 года не мог уже, несмотря на цитированную статью III, предполагать возобновление условий договора 1805 года, ибо к этому времени Турция была связана договором с Англией о закрытии проливов.

IV

«Как только на время утихает революционный ураган, можно с уверенностью сказать, что снова всплывет на поверхность вечный «восточный вопрос», — заметил Маркс в одной из своих корреспонденций в «New-York Daily Tribune»². Нельзя, разумеется, считать простым хронологическим совпадением то, что революционные потрясения 1830—1831 гг. и 1848—1849 гг. образуют как бы оси, вокруг которых располагаются бурные события 20—50-х годов прошлого столетия.

«Через несколько лет, — пишет в той же статье Маркс, — когда отзвучали июльская революция и сопровождавшие ее восстания в Польше, Италии и Бельгии, — и Европа, в той форме, какую она получила в 1831 г., казалось, избавилась навсегда от внутренних потрясений, — восточный вопрос в 1840 г. снова чуть было не вовлек во всеобщую войну великие державы. И ныне³, когда правящие пигмеи близоруко хвастают тем, что счастливо избавили Европу от опасностей «анархии и революции», на сцену вновь выплывает все тот же неразрешимый вопрос, все тот же никогда не иссякающий источник затруднений: как быть с Турцией?»⁴.

Марксистско-ленинская теория учит, что внешнюю по-

¹ Т. Юзефович, Договоры России с Востоком политические и торговые, СПб, 1869, стр. 51.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 371.

³ Написано в 1853 году.

⁴ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 372.

литику государства нельзя отрывать от его внутренней политики, что она находится в прямой зависимости от социально-политического строя данного государства, от конкретных исторических и историко-политических условий. «Разве войну можно объяснять, — писал Ленин, — не ставя ее в связь с предшествовавшей политикой данного государства, данной системы государств, данных классов?»¹.

Нельзя понять внешнюю политику русского царизма в 1825—1856 гг., как в целом, так и в частном вопросе о режиме проливов, если не иметь в виду постоянного панического страха Николая I и крепостнической верхушки России перед революцией, если не помнить, что царствование Николая I началось с кровавого подавления выступления декабристов, что царизм, представлявший классовые интересы крупных землевладельцев, систематически подтачивал и ослаблял силы русского народа, тормозил политическое и экономическое развитие страны и нередко, во имя борьбы с явными и мнимыми революционными и национально-освободительными движениями в Европе, наносил ущерб внешнеполитическим национальным интересам России.

Нельзя понять внешнюю политику другого оплота европейской реакции — промышленно-капиталистической Англии, если не учитывать периодические промышленные кризисы и напряженную классовую борьбу, потрясавшие ее социально-политический строй, продиктованное логикой капиталистического развития стремление крупной английской буржуазии к неограниченному политическому господству внутри страны и утверждению монопольного положения английской промышленности и торговли во всем мире. Реакционная сущность внутренней и внешней политики английской буржуазии нисколько, конечно, не менялась от того, что она наряжалась в пышные одежды либеральных фраз.

Нельзя, наконец, понять внешнюю политику Турции и ее позицию в вопросе режима проливов, если не учесть прогрессирующую внутривнутриполитическую слабость Османской империи в XIX в., растущее национально-освободительное движение закабаленных турками славянских народностей, деспотизм и решительную неспособность ее правящих кругов стать на путь прогрессивных реформ.

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 336.

Искусственный конгломерат различных враждующих между собой национальностей и народностей, каким была Турция к началу двадцатых годов XIX в., держался только благодаря реакционной «охранительной» политике пресловутого Священного Союза.

Блестящий анализ положения Турции и бесплодных попыток великих держав законсервировать, вопреки ходу исторического развития, систему «европейского равновесия» дан Марксом в статье «Национальности в Турции».

«Турция является большим местом легитимистской Европы. Бессилие легитимистской, монархической системы находит — со времени первой французской революции — свое выражение в одном положении: сохранять status quo. Это всеобщее соглашение — упорно сохранять вещи в таком виде, в каком они очутились вследствие случайных обстоятельств, — является свидетельством о бедности, признанием руководящих держав в своей полной неспособности подвинуть вперед дело прогресса или цивилизации... «Рабы посредственности», как их называл Беранже, без исторических знаний и интуиции, без идей и инициативы, они обоготворили status quo, состряпанный ими же самими, несмотря на то, что отлично понимали все уродство своего детища.

...Сохранить в Турции status quo! С таким же правом можно было бы попытаться удержать лошадиную падалу на одной и той же ступени гниения, не давая наступить полному разложению. Турция разлагается и будет все больше разлагаться, пока будет существовать теперешняя система «европейского равновесия» и status quo. И потому она, несмотря на все конгрессы, протоколы и ультиматумы, будет регулярно вносить свою ежегодную долю в сокровищницу дипломатических затруднений и международных неурядиц, подобно тому как и всякое другое разлагающееся тело обильно снабжает окрестности углеводородистым газом и другими благоухающими продуктами разложения»¹.

А «дипломатические затруднения и международные неурядицы» начались уже в 20-х годах в связи с греческим восстанием против турецкого господства. Первое время восстание греков, хотя и вызвало повсюду сочувствие общественного мнения, не встретило официальной поддержки ни у одной великой державы. В России, однако, восстание греков встретило большое сочувствие не только прогрессивных

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 372—373.

слоев общества, но и лиц, бывших близкими ко двору, как, например, Каподистрия и др.

С точки зрения Священного Союза греки были «бунтовщиками», «революционерами», посягавшими на власть своего «законного» государя. Ни организованные турками греческие погромы, ни даже такое потрясающее событие, как публичная казнь Константинопольского патриарха, не вывели великие державы из позиции наблюдателей. Но вскоре начались первые конфликты.

Греко-турецкая война вызвала затруднения в подвозе продовольствия для Константинополя. В связи с этим турецкое правительство, в нарушение статей 30, 31 русско-турецкого торгового договора 1783 года, распорядилось хлеб, привозимый из Черного моря, выгружать в Константинополе и продавать турецкой казне по установленной ею таксе. Вслед за этим турецкий министр иностранных дел потребовал немедленного удаления из Босфора русского пакетбота, прибывшего на случай отъезда русского посланника Строганова.

Поведение турецкой дипломатии становилось все более вызывающим. На представления по поводу кровавой резни хиосских греков турецкое правительство ответило: «Мы знаем лучше, как нам обращаться с нашими подданными»¹. Участились случаи произвольной остановки и обысков русских торговых кораблей, проходивших через проливы. Созданное положение так характеризовалось в донесении русского посланника: «Права русских подданных и торговли явно нарушены. Наш флаг подвергается оскорблениям в проливах, а наши матросы — ранам и убийствам... Принимаются меры произвольные и нарушающие наши привилегии, не испрашивая даже нашего согласия. Вход в Дарданеллы воспрещается всем судам, нагруженным хлебом. Сделано распоряжение об общем осмотре судов, вопреки смыслу трактатов, и несмотря на законные ограничения, потребованные в моих нотах. Исключительному осмотру подвергаются русские суда в Дарданеллах и во всем Архипелаге, дабы проверить, нет ли на них военных снарядов (на что я согласился), а также убедиться, не участвуют ли они в действиях разбойников и т. п.»².

¹ История дипломатии, т. I, стр. 397.

² Строганов-Нессельроде, 28 мая (9 июня) 1821 г. См. Жигарев, Русская политика в восточном вопросе, стр. 308—309.

Напрасно протестовал Строганов. Его ноты оставались без внимания. Тогда 6/18 июля 1821 г. Строганов вручил турецкому правительству ультимативное требование прекратить преследования хотя бы тех греков, которые «либо не выходили из повиновения, либо принесут повинную в известный срок»¹. В противном случае, указывалось в ноте, турецкое правительство «узаконяет защиту греков». Но на русскую ноту поступил холодный ответ, что султан считает свою систему «вполне естественной и необходимой».

29 июля (10 августа) 1821 г. последовал дипломатический разрыв. Русское посольство в полном составе выехало из Константинополя в Одессу.

Новый оборот греческие дела приняли в конце 1822 года. Ставший во главе английского правительства Каннинг не склонен был рассматривать восточный вопрос с позиции Священного Союза. Для поддерживавшей Каннинга английской крупной буржуазии Греция была прежде всего выгодным рынком сбыта английских товаров и удобным стратегическим плацдармом в восточной части Средиземного моря. Весной 1823 г. Каннинг объявил, что Англия считает Турцию и Грецию воюющими сторонами. Юридическим следствием этого акта являлось признание действительной блокады проливов греческими кораблями.

Сближение русской и английской точек зрения на греческую проблему нашло выражение в Петербургском протоколе, подписанном 23 марта (4 апреля) 1826 г. посланцем Каннинга герцогом Веллингтоном, русским министром иностранных дел Нессельроде и русским послом в Лондоне Ливеном. Протокол, говоря языком официальной истории русского министерства иностранных дел, «установил условия умиротворения на началах внутренней автономии и даннической зависимости греков от Турции»².

Петербургский протокол, естественно, не касался вопросов, относившихся непосредственно к отношениям между Россией и Турцией и вытекавших из нарушения Турцией русско-турецких договоров и соглашений. Урегулирование этих вопросов последовало в результате непосредственных переговоров между русскими и турецкими уполномоченными, подписавшими в Аккермане 25 сентября 1826 г. специальную конвенцию.

¹ Строганов — Порте 6 (18) июля 1821 г., там же, стр. 311.

² Очерк истории министерства иностранных дел 1802—1902 гг., стр. 101.

В преамбуле Аккерманской конвенции говорится, что ее целью является: «отвратить всякий повод к дальнейшим несогласиям и обеспечить во всей их силе исполнение договоров Бухарестского, и всех прочих трактатов и актов, кои оным возобновлены или подтверждены и коих соблюдение одно лишь может служить ручательством в продолжении и прочности, благополучно существующего между Императорским Всероссийским Двором и Блистательною Оттоманскою Портою мира».

Статья VII Аккерманской конвенции обязывала турецкое правительство:

во-первых, принять все необходимые меры для обеспечения безопасности русской торговли и мореплавания от корсаров Варварийских правительств;

во-вторых, не учинять «никаких преград свободному плаванию купеческих судов под Российским флагом во всех морях и иных водах империи Оттоманской, без всякого исключения»;

в-третьих, «в точности соображаться с первою статьею торгового трактата¹, коею всем российским подданным вообще предоставлена свобода плавания, а равно и торговля во всех областях Блистательной Порты, как сухим путем, так и морем, повсюду, где только плавание и торговля окажутся удобными для Российских подданных, и с условиями, постановленными в статьях XXXI и XXXV сего трактата, коими признано право свободного по каналу Константинопольскому плавания всех Российских купеческих судов, нагруженных жизненными припасами или другими товарами и привезениями Российскими или иных Государств, не подвластных империи Оттоманской, и также право свободно сбывать сии жизненные припасы, товары и произведения, и что следственно отныне со стороны Блистательной Порты не будет никаких препятствий и затруднений тому, чтобы суда Российские, нагруженные хлебом или другими жизненными припасами, по прибытии их в канал Константинопольский, могли в случае надобности, передавать свой груз другим судам Российским или принадлежащим иной чужестранной Державе, для вывоза того груза за пределы владений Блистательной Порты;

в-четвертых, принять представления русского правительства «о дозволении по прежним примерам входа в Чер-

¹ Имеется в виду русско-турецкий торговый договор 1783 года.

ное море судам дружественных с Оттоманским правительством держав, которые не имеют еще сего права; и на таком основании, чтобы привоз товаров в Россию посредством сих судов, и вывоз Российских произведений на оных, не встречали никаких препятствий»¹.

Новым моментом по сравнению с прежними договорами являлось зафиксированное четвертым пунктом VII статьи открытие проливов торговым кораблям иностранных держав, «дружественных с Оттоманским правительством», для «привоза товаров в Россию» и «вывоза Российских произведений». Инициатива открытия проливов для торговых кораблей нечерноморских государств принадлежала России, а дата подписания Аккерманской конвенции стала серьезнейшей вехой в истории международно-правового режима проливов.

Между тем, греко-турецкая война не прекращалась. Турецкое правительство решительно отказывалось идти на уступки в греческом вопросе. Упорство турок в значительной степени объяснялось поддержкой Австрии, чьей политикой руководил знаменитый Меттерних. Лидер европейских реакционеров, во-первых, усматривал в греческом восстании нарушение принципов Священного Союза, а, во-вторых, не желал усиления русского влияния на Востоке.

Тем не менее, несмотря на противодействие Меттерниха, 24 июня (6 июля) 1827 г. в Лондоне между Россией, Англией и Францией был заключен договор, в котором три великие державы, подтверждая постановление Петербургского протокола, обязывались принять принудительные меры против Турции, если последняя не прекратит военные действия против Греции. После отказа турецкого правительства удовлетворить требования, изложенные в коллективной ноте трех великих держав от 16 августа 1827 г., объединенные эскадры России, Англии и Франции уничтожили в Наваринском бою 20 октября 1827 г. турецко-египетский флот.

В конце 1827 года, подстрекаемое Меттернихом, правительство султана односторонним актом объявило недействительными заключенные ранее договоры и соглашения, закрыло Босфор для русских кораблей и обнародовало направленный против России «байан-неме» (султанский указ) о священной войне с «неверными».

¹ Договоры России с Востоком, стр. 58—64.

Война стала неизбежна. Декларация русского правительства от 14 апреля 1828 г. указывала на систематические нарушения Турцией договоров и соглашений, а именно: препятствование русскому торговому судоходству через проливы, незаконные остановки и задержания русских кораблей, захват грузов, привозимых на этих кораблях, требования продажи русских товаров по ценам, установленным турецкой администрацией, высылку русских купцов из пределов Османской империи, что нарушало условия Кучук-Кайнарджийского договора 1774 года, русско-турецкого договора 1783 года и Аккерманской конвенции 1826 года.

С точки зрения международного права позиция России была неоспорима. Справедливость русских требований впоследствии публично признал английский министр иностранных дел Пальмерстон, заявивший в одном из своих выступлений в палате общин: «Я не хочу утомлять палату перечислением всех провокационных выпадов, которые позволила себе Турция по отношению к России; но нельзя отрицать, что она изгнала со своей территории русских подданных, задержала русские суда, не исполнила всех постановлений Аккерманской конвенции и после сделанных ей представлений отказалась дать удовлетворение за это»¹.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. проходила вначале вяло и малоуспешно для русских войск. Но затем был достигнут перелом, русская армия под командованием И. И. Дибича одержала блестящие победы, сломала турецкое сопротивление, перевалила через Балканы и 8 августа 1829 г. заняла Адрианополь, где 14 сентября 1829 г. был подписан мирный договор.

Условия Адрианопольского мирного договора при всей их несомненной почетности и выгоды для России оказались более умеренными, чем того ждала Европа. Судьба Турции в тот момент находилась в русских руках. Победоносная русская армия стояла в одном переходе от Константинополя и могла продиктовать самые жесткие условия мира. Международная обстановка и общественное мнение Европы в общем складывалось не в пользу Турции, скомпрометированной греческими погромами и систематическими нарушениями договоров.

Сравнительно мягкие условия мира объяснялись и за-

¹ Выступление лорда Пальмерстона в нижней палате 7 августа 1832 г., цит. по Марксу и Энгельсу, Соч., т. IX, стр. 499.

труднительным положением армии Дибича после победоносной, но изнурительной кампании 1828—1829 гг., и разногласиями в правящих сферах царской России.

По Адрианопольскому договору Турция уступала России черноморское побережье от устья Кубани до бухты Св. Николая и острова в дельте Дуная. Режим проливов определялся в статье VII договора, провозглашавшей свободу торгового судоходства России, а также всех государств, состоящих в мире с Турцией. Нарушение этой статьи считалось неприязненным действием по отношению к России и давало последней право на возмездие.

Полный текст VII статьи Адрианопольского трактата гласил:

«Российские подданные будут пользоваться во всей Оттоманской империи, на суше и на морях, полной и совершенной свободой торговли, предоставленной им в трактатах, донныне между обеими Высокими договаривающимися Державами заключенных. Сия свобода торговли отнюдь не будет нарушаема или стесняема ни в каком случае и ни под каким предлогом, ни посредством каких-либо запрещений или ограничений, ниже по поводу каких-либо учреждений и мер, вводимых по части внутреннего управления или законодательства. Российские подданные, их суда и товары будут ограждены от всякого насилия и притязания: первые исключительно будут состоять под судебным и полицейским заведыванием Министра и Консулов Российских; а суда Российские не будут подлежать никакому внутреннему дозору со стороны Оттоманских властей, ни в открытом море, ни в гаванях, пристанях или на рейдах Турецкой империи; товары же всякого рода или припасы, Российским подданным принадлежащие, по очищении установленной тарифами таможенной пошлиной, беспрепятственно могут быть проданы, сложены на берегу в магазины хозяев или их поверенных, или перегружены на другое судно, какой бы то Державы ни было, так, что о сем Российские подданные не обязаны извещать местные Начальства, а еще менее испрашивать на то их дозволения. При том постановляется, что сии преимущества простираются и на торговлю хлебом, вывозимым из России, и к свободному провозу оного никогда и ни под каким предлогом не будет делаво затруднений или помешательств.

Сверх того, Блистательная Порта обязуется наблюдать тщательно, чтобы торговля, и особенно плавание по Черному

морю не подвергались каким-либо препятствиям. На сей конец она признает и объявляет, что ход чрез Константинопольский канал и Дарданельский пролив совершенно свободен и открыт для Российских судов под купеческим флагом, с грузом или с балластом, имеющих проходить из Черного моря в Средиземное, или из Средиземного в Черное. Сии суда, если токмо будут купеческие, не взирая на величину их, ни на количество их груза, не будут подвергаться ни остановке, ни притеснению, согласно с тем, как выше постановлено. Оба Императорские Двора войдут между собой в соглашение об удобнейших средствах отвратить всякую медленность в снабжении судов надлежащими видами при их отправлении.

На сем же основании и при соблюдении тех же условий, какие поставлены для судов под Российским флагом, ход чрез Константинопольский канал и Дарданельский пролив объявляется свободным и открытым для купеческих судов и всех Держав, состоящих в дружбе с Высокой Портой, будут ли оные суда плыть в Российские гавани, на Черном море лежащие, или возвращаться оттуда с грузом или балластом.

Наконец Блистательная Порта, предоставляя Императорскому Российскому Двору право пользоваться таковой совершенной свободой торговли и плавания по Черному морю, торжественно объявляет, что со своей стороны никогда и ни под каким предлогом не будет тому противопоставлять ни малейшей препоны. Порта особенно обещает впредь никогда не задерживать или останавливать суда с грузом или балластом принадлежащие как России, так и другим Державам, с коими Оттоманская Империя не состоит в объявленной войне, когда оные проходить будут чрез Константинопольский канал, или Дарданельский пролив, из Черного моря в Средиземное, или же из Средиземного в Российские Черноморские гавани. И если (от чего Боже сохрани) которое либо из содержащихся в сей статье постановлений будет нарушено, и на представление о сем Российского Министра не последует совершенного и скорого удовлетворения, то Блистательная Порта предварительно признает, что Императорский Российский Двор имеет право принять таковое нарушение за неприязненное действие и немедленно поступить в отношении к Империи

Оттоманской по праву возмездий»¹. (Разрядка везде наша. — Б. Д.).

Как видим, в договоре не упоминается о свободе прохода военных кораблей России через проливы и совместной обороне проливов силами обоих черноморских государств, как это обуславливалось договорами 1798 и 1805 гг. и диктовалось необходимостью обеспечения безопасности южных границ России.

Нельзя, конечно, согласиться с мнением французского исследователя Лозе², полагающего, что по Адрианопольскому договору Россия получила фактическую возможность проводить через проливы и свои военные корабли, прикрывая их торговым флагом, так как седьмая статья договора не позволяла туркам проверять характер проходящих кораблей. Предположение Лозе основано не на праве, вытекающем из текста статьи VII договора, а на возможностях злоупотребления, отнюдь не заложенных в характере договора и против которых Турция могла бороться на основании самого же договора. Если принять положение Лозе, то логически приходишь к абсурдному выводу, что любой договор дает основания для его нарушения.

Умеренность победителя становится понятной при обзоре дискуссии, имевшей место во время заключения Адрианопольского договора в созданном по решению Николая I секретном комитете по восточным делам. В комитете этом, состоявшем из весьма ограниченного числа высших сановников России, в ряде заседаний обсуждалось положение находившейся в то время на грани распада Турции, и позиция, которую должна занять Россия.

На заседаниях комитета выявились две точки зрения: одна, выраженная в письме Каподистрия, исходила из неизбежного по мнению автора развала Оттоманской империи. Каподистрия предлагал в этом случае превратить Константинополь с небольшим хинтерландом вдоль Черного и Мраморного морей и о. Тенедос в вольный город, а всю зону проливов демилитаризовать.

Другая точка зрения отчетливо представлена в записке члена комитета Дашкова. В записке Дашкова утверждалось, что разрушение Турции неизбежно приведет к общеевропейской войне и не отвечает действительным интересам Рос-

¹ Договоры России с Востоком политические и торговые, стр. 75—77.

² L o z e, La question des detroits, Paris, 1908, p. 34.

сии. «Напрасно возразили бы нам, — писал Дашков, — исчислением тех выгод и приобретений, кои достались бы тогда на часть России: ей нужны не новые приобретения, не распространение пределов, но безопасность оных и распространение ее влияния между соседственными народами, — а сего она удобнее достигнуть может, продлив существование Оттоманской империи на известных условиях»¹.

Решительно возражал Дашков против проекта нейтрализации Константинополя, справедливо утверждая, что «вольный город» не сможет охранить безопасность Черного моря, и что для защиты своего черноморского побережья Россия должна была бы получить базы на обоих берегах Босфора.

Комитет стал на точку зрения Дашкова, единогласно решив, что: «выгоды от сохранения Оттоманской империи в Европе превышают его невыгоды; что поэтому благоразумие требует предупредить ее падение, посредством пользования всеми обстоятельствами, которые могут представиться для заключения почетного мира». Но если наступит последний час турецкого владычества в Европе, русское правительство обязано принять самые энергичные меры, чтобы вход в Черное море не был захвачен какой-либо великой державой².

Что подобная альтернатива не являлась плодом досужей политической фантазии, а была вполне реальна, показали нагрянувшие вскоре события.

В 1832 году могущественный вассал турецкого султана египетский паша Мехмед-Али поднял восстание. Египетские войска, предводимые талантливым военачальником Ибрагимом, сыном Мехмед-Али, в ряде сражений на-голову разбили турецкие войска, заняли всю Сирию и после совершенного разгрома турецкой армии 21 декабря 1832 г. в битве при Конии двинулись на Константинополь.

Ни для кого в Европе не было секретом, что за спиной Мехмеда-Али стоит Франция. Речь шла таким образом не только о смене династии, но и о важнейших внешнеполитических изменениях. Торжество Мехмеда-Али означало бы утверждение Франции на берегах проливов, у самого входа в Черное море, т. е. прямую угрозу России. К этому необходимо добавить, что в глазах правящих кругов царской Рос-

¹ Мартенс Ф., Собрание трактатов и конвенций, т. IV, ч. I, стр. 439.

² Там же, стр. 440.

сии Мехмед-Али был нарушителем принципа легитимизма, его покровительница, буржуазная Франция — олицетворением революции, а Луи-Филипп, этот король-буржуа, смелый впоследствии революционным шквалом 1848 года, — «королем баррикад».

События разворачивались в стремительном темпе. 21 декабря 1832 г., в день битвы при Конии, в Константинополь на фрегате «Штандарт» прибыл посланец из Петербурга генерал Муравьев. «Муравьев должен был требовать от Мехмеда-Али прекращения войны, а султану объяснить, что его поручение не состояло в предложении ни посредничества, ни помощи, а заключалось в торжественном объявлении намерений императора: государь порицал возмущение и оставался другом султана, будет ли его непокорный вассал торжествовать или выразит свое подчинение»¹. Одновременно русский посланник в Константинополе А. П. Бутенев сообщил о готовности Черноморского флота выступить на помощь турецкому правительству.

Из Константинополя Муравьев выехал в Александрию, где передал русские требования Мехмеду-Али. Однако несмотря на устное согласие Мехмеда-Али прекратить военные действия, армия Ибрагима продолжала безостановочно двигаться к Константинополю.

Положение султана становилось критическим. Франция, интригуя в Константинополе против русской помощи, в то же время явно содействовала Мехмеду-Али. Австрийский канцлер Меттерних носился с нереальным планом созыва европейской конференции. Позиция Англии оставалась выжидательной. Не доверяя французскому фавориту Мехмеду-Али, с которым у англичан были свои счеты, английская дипломатия не оказывала поддержки и султану. В сущности англичан вполне устроила такая ситуация, когда бы в результате столкновения египетского паши и султана пришел бы конец Оттоманской империи. «Я выступаю против политики, которая объявляет целостность Турецкой империи безусловно необходимой для интересов христианской цивилизованной Европы», — заявил Пальмерстон за три года до описываемых событий².

3 февраля 1833 г. султан официально обратился к русскому посланнику с просьбой о помощи, ходатайствуя о при-

¹ С. Горяинов, Босфор и Дарданеллы, стр. 24.

² Маркс и Энгельс, Лорд Пальмерстон, Соч., т. IX, стр. 496.

сылке черноморской эскадры и выступлении 30-тысячного русского корпуса для защиты Константинополя. Помощь не заставила себя ждать. 20 февраля русская военная эскадра в составе 9 кораблей под флагом контр-адмирала Лазарева бросила якорь в Босфоре.

Появление русского военного флота в Босфоре произвело впечатление разорвавшейся неожиданно бомбы. Французский и английский посланники в Константинополе требовали немедленного удаления русской эскадры, обещая за это свою помощь против Мехмеда-Али. Но на самом деле «ни одна из этих держав не желала посылать свои войска против Мехмеда-Али; поэтому они объединились только для того, чтобы произвести весьма энергичное давление на султана Махмуда и заставить его сделать Мехмеду большие уступки, способные удовлетворить последнего», — свидетельствует известный французский историк А. Дебидур¹.

Более того, ободренные позицией западных держав агенты Мехмеда-Али подняли восстание против султана в Смирне. Султану ничего не оставалось делать, — как вновь обратиться за помощью к России. В начале апреля в Босфоре появилась новая русская эскадра, высадившая 14-тысячный десант, расположившийся лагерем в Ункиар-Искелесской долине. В свою очередь Англия и Франция послали свои эскадры в Эгейское море.

Бурные события 1833 года поставили со всей остротой вопрос о режиме проливов. Россия вновь стала перед проблемой организации безопасности Черного моря. Турция еще раз убедилась, что собственными силами она не в состоянии обеспечить оборону проливов. Прецедент, созданный просьбой султана о русской помощи, нуждался в юридическом оформлении.

В начале мая 1833 года в Константинополь прибыл облеченный чрезвычайными полномочиями талантливый и настойчивый дипломат Алексей Федорович Орлов. Двухмесячный дипломатический турнир между Орловым и посланниками Франции и Англии адмиралом Руссеном и лордом Понсонби окончился полной победой энергичного Орлова. Попытка французской эскадры силой прорваться через Дарданеллы провалилась. Армия Ибрагима вынуждена была исполнить требование Орлова и ретироваться из Малой

¹ А. Дебидур, Восточный вопрос. История XIX века под ред. Лависса и Рамбо, М., 1938, т. IV, стр. 343.

Азии. А 26 июня (8 июля) 1833 г. в Ункиар-Искелессии Орлов и Бутенев и полномочные представители султана подписали русско-турецкий оборонительный договор, столь нашумевший в истории международных отношений.

Ункиар-Искелесский договор возбудил огромное волнение в политических кругах Европы и вызвал к жизни обширную полемическую литературу. На все лады перепевался тезис, что договор, якобы, нарушает суверенитет Турции. В английском парламенте депутат Шейль договорился до заявления, что «Ункиар-Искелесский договор сводится к тому, как если бы Порта уступила России владение Дарданеллами»¹.

Особенную активность проявляла французская дипломатия. Гоголевский Поприщин был недалек от истины, говоря, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает. Известный французский политический деятель и историк Гизо утверждал, например, что «Петербургский кабинет сделал из Турции официально своего подчиненного и из Черного моря — русское озеро, вход в которое охранялся этим подчиненным против возможных врагов России, без того, чтобы что-либо мешало ей самой из него выйти и перебросить в Средиземное море свои суда и войска». Депеша французского министра иностранных дел выразила «мнение», что «петербургский кабинет хотел перед лицом всей Европы открыто провозгласить, возвести в принцип международного права свое исключительное, выходящее из ряда преобладание в делах Оттоманской империи»². Наконец, в ноте, врученной турецкому правительству французским посланником в Константинополе, заявлялось, что «Ункиар-Искелесский трактат внес существенную перемену в отношения России к Оттоманской Порте, которые получают теперь совершенно иной характер, что европейские державы имеют право не давать своего согласия на подобные перемены, что поэтому Франция считает этот договор недействительным». Аналогичную ноту вручил английский посланник.

Но дипломатические угрозы повисли в воздухе. Двинутая к острову Тенедос англо-французская эскадра должна была по требованию Турции удалиться, а на повторенные в Петербурге протесты Англии и Франции Нессельроде бесстрастно отвечал, что «государь император решил испол-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 523.

² С. Жигарев, Русская политика в восточном вопросе, стр. 392.

нить в точности, если к тому представится случай, обязательства, возложенные на него трактатом 26 июня, поступая так, как если бы не существовало нот английского и французского поверенных в делах»¹.

Бесспорно, что в Ункиар-Искелессе Россия одержала блестящую дипломатическую победу. Но также бесспорно и то, что в юридическом отношении эта победа была безукоризненна. «С точки зрения права, — говорит Татищев, — трудно было что-либо признать в нем (договоре) незаконным. Порта в качестве независимой державы властна была заключать союзы с кем хотела, никому не отдавая отчета в их условиях. К тому же договор не создавал нового положения, а лишь узаконял факт союзной помощи, действительно поданной Россией султану»². На эту точку зрения в конце концов вынужден был стать и британский министр иностранных дел, признавший в 1837 г., что «Ункиар-Искелесский договор является договором между двумя независимыми державами»³.

Дело было, разумеется, не в мнимой юридической спорности Ункиар-Искелесского договора, а в том, что он затруднял возможность агрессии против России со стороны Черного моря. Много лет спустя французский историк Дебидур так оценивал русско-турецкий оборонительный договор 1833 года: «Такое соглашение делало Россию почти неуязвимой, так как ей с давних пор не грозило какой-либо опасности, кроме как со стороны Франции и Англии. Россия была для них недоступна ни с суши, где ее достигнуть можно было только пройдя через Германию, ни со стороны Балтийского моря, пригодного для действий военного флота лишь незначительную часть года, а теперь не рисковала подвергнуться нападению и со стороны Черного моря»⁴.

Но обратимся к тексту Ункиар-Искелесского договора⁵.

¹ Нессельроде — Благо и Лагрене 24 октября 1833 г. См. у Жигарева, цит. соч., стр. 394.

² Татищев, Внешняя политика императора Николая I, СПб, 1887, стр. 381.

³ Пальмерстон в Нижней палате, 14 декабря 1837 г. См. Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 524.

⁴ А. Дебидур, Восточный вопрос, История XIX в., т. IV, стр. 344.

⁵ Договоры России с Востоком политические и торговые, стр. 89—92. Разрядка везде наша. — Б. Д.

Договор состоит из шести явных и одной секретной статей. В преамбуле указывается, что высокие договаривающиеся стороны «положили усилить и упрочить совершенную дружбу и полную доверенность, которая существует между Ими, заключением союзного оборонительного договора».

Статья I гласит, что «поелику сей союз имеет единственно целью взаимную защиту их государств против всякого покушения, то Их Величества обещают согласоваться откровенно касательно всех предметов, которые относятся до их обоюдного спокойствия и безопасности и на сей конец подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрепление».

Статья II подтверждает Адрианопольский мирный договор, «равно как и все прочие трактаты в оном упомянутые».

Статья III устанавливает, что «Сообразно правилам охранения и взаимной помощи, которые служат основанием настоящему союзному договору», Россия в случае, если вновь потребуется ее помощь, «обещает снабдить сухим путем и морем таким количеством войск и сил, какое обе Высокие Договаривающиеся стороны признают нужным».

Статья IV касается расходов, связанных с оказанием взаимной помощи.

Статья V устанавливает 8-летний срок действия договора с тем, что «обе стороны до истечения означенного срока войдут во взаимные переговоры относительно возобновления сего Трактата сообразно положению дел того времени».

Статья VI говорит об условиях ратификации договора.

Однако «соль» договора заключалась в его единственной «отдельной и секретной статье», которая разделила участь секрета полишинеля и почти немедленно стала известна всему миру. Вот что гласила эта статья:

«По силе одного из условных пунктов статьи I явного союзного оборонительного договора, заключенного между Российским Императорским Двором и Блистательной Портой, обе Высокие договаривающиеся стороны обязаны подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрепление для безопасности обоюдных их Держав».

Однако поелику Его Величество Император Всероссийский, желая освободить Блистательную Порту Оттоманскую от тягости и неудобств, которые произошли бы для нее от доставления существенной помощи, не будет требовать таковой помощи в случае, если бы обстоятельства поставили Блистательную Порту в обязанность подавать оную, то Блистательная Порта Оттоманская, в з а м е н помощи, которую она в случае нужды обязана подавать, по силе правил взаимности явного договора, должна будет ограничить действия свои в пользу Императорского Российского Двора закрытием Дарданельского пролива, то есть не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом».

Таким образом, по форме Ункиар-Искелесский договор представляет собой договор о дружбе и взаимной помощи, особенность которого заключается в том, что обязательства договаривающихся сторон не идентичны. В данном случае обязательства одной стороны (России) носят активный характер (оказание существенной военной и военно-морской помощи), обязательства другой стороны (Турции) пассивного характера (соблюдение обусловленного договором режима проливов).

Но каков же должен быть режим проливов при наступлении *casus foederis*? Следует отметить, что текст договора, как его явных статей, так и секретной статьи страдает известной недоговоренностью. В договоре буквально говорится о закрытии Дарданелл для иностранных военных кораблей. Что касается права прохода через проливы русских военных кораблей, то оно подразумевается, вытекая из смысла договора, но непосредственно буквой договора не устанавливается.

Это последнее обстоятельство открыло широкое поле для казуистических кривотолкований режима проливов, вопреки смыслу и духу Ункиар-Искелесского договора. Тот же Пальмерстон, делая хорошую мину при плохой игре, пытался в свое время доказать, что так как Ункиар-Искелесский договор покоится на принципе взаимности, то... в случае войны проливы де должны быть закрыты и для Англии и для России. Этот поразительный вывод высмеял еще Маркс, указавший, что «это утверждение уже и само по себе неверно»¹.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 523.

Не вдаваясь в рассмотрение всех деталей полемики, связанной с Ункиар-Искелесским договором, остановимся вкратце лишь на выступлениях двух видных представителей русской науки международного права в начале нашего века: С. Горяинова и Б. Нольде. Первый из них, опираясь на исследование дипломатической переписки по вопросу о проливах, приходит в своей работе «Босфор и Дарданеллы» к выводу, что право прохода русского военного флота через проливы вытекает из смысла Ункиар-Искелесского соглашения и косвенно подтвержденных этим соглашением русско-турецких договоров 1798 и 1805 гг.¹ Второй — Б. Нольде в книге «Внешняя политика», полемизируя с Горяиновым, считает договор 1805 года «мертворожденным плодом случайной комбинации времен коалиции против Великого Наполеона» и утверждает, что «думать, что в Ункиар-Искелессии право прохода России через проливы было узаконено, значит насиловать тексты и навязывать прошлому то, о чем не думали ни участники переписки и переговоров 1833 г., ни ближайшие их преемники»².

Мы полагаем, что Б. Э. Нольде подходит к толкованию Ункиар-Искелесского договора схоластически.

В самом деле, Ункиар-Искелесское соглашение есть договор двух черноморских держав о взаимной помощи против агрессии нечерноморского государства или государств, договор, заключенный в результате уже оказанной Россией помощи Турции.

Каковы пути этой взаимопомощи? Закрытие проливов для военных кораблей нечерноморских держав — во-первых; оказание существенной военной помощи Россией Турции — во-вторых. Но как же может быть оказана эта существенная помощь, если предположить, что закрытие Дарданелл, квалифицируемое секретной статьей договора, как действие «в пользу российского двора», распространяется и на Россию, если русские военные корабли, охраняющие безопасность проливов, не смогут пройти через проливы и вернуться обратно? Не ясно ли, что в этом случае договор превращается в пустышку, бессмыслицу, нонсенс? А между тем ни один современник, ни один государствен-

¹ С. Горяинов, цит. соч., стр. 35.

² Б. Э. Нольде, Внешняя политика, Пг., 1915, стр. 78.

ный деятель 30-х годов XIX в. не склонен был недооценивать значение Унклар-Искелесского договора.

И когда в том же 1833 году корабли русской Балтийской эскадры прошли через проливы из Эгейского моря в Черное, этот факт, собственно говоря, никого не удивил, ибо было ясно, что он вытекает из нового правового положения проливов, созданного Унклар-Искелесским договором.

ГЛАВА IV

ЗАКРЫТИЕ ПРОЛИВОВ ДЛЯ ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ

I

Лондонские конвенции 1840—1841 гг.

Радикальное изменение международно-правовой природы проливов, последовавшее спустя лишь несколько лет после Ункиар-Искелесского договора, представляется на первый взгляд странным феноменом. Самодержавное правительство Российской империи, которое, казалось, находилось в зените своего могущества, претендовало на роль супер-арбитра европейской политики, и только что одержало столь блистательную победу в Ункиар-Искелесси, само, по собственному почину, отказывается от драгоценных плодов этой победы, и выдвигает проект режима проливов, в корне противоречащий политическим и экономическим интересам России, но зато вполне отвечающий экспансионистским планам английской буржуазии.

Объяснение этого феномена следует, нам кажется, искать не в самоуверенности Николая I и внезапной утрате им дипломатической ориентации, хотя личные качества Николая несомненно играли немалую роль.

Реакционная внешняя и внутренняя политика Николая I определялась классовыми интересами крупных землевладельцев-крепостников. Слепленная классовой ненавистью правящая крепостническая верхушка России усматривала один из главных источников международной и внутренней «крамолы» в мнимо-революционной Франции с ее «королем баррикад» Луи-Филиппом. Отсюда задача: во что бы то ни стало изолировать «революционную» июльскую монархию, хотя бы для этого пришлось поступиться некоторыми существенными интересами национальной безопасности России.

В то же время военно-феодалная верхушка России и ее

глава Николай I явно недооценивали обострение англо-русских противоречий в 30—40-х годах XIX в. Этому в значительной степени способствовало то обстоятельство, что английская крупная буржуазия, осуществляя свои захватнические внешнеполитические планы, ловко маневрировала, следуя своему обычному правилу — загреть жар чужими руками.

Тридцатые-сороковые годы прошлого столетия — годы интенсивного роста внешнего хлебного рынка России и резкого повышения удельного веса Черного моря в хлебном экспорте. Если в 1824—1828 гг. из портов Черного и Азовского морей пришло и ушло 744 корабля, то спустя 20 лет, в 1844—1848 гг. из этих портов пришло и ушло уже 2719 кораблей, т. е. почти в четыре раза больше.

По отдельным морям хлебный экспорт распределялся следующим образом¹ (хлебный вывоз за 1857—1859 гг. принимаем за 100):

Годы	Черное море	Балтийское море	Белое море
1833—1835	5,62	1,65	0,53
1839—1841	24,15	6,08	2,22
1851—1853	55,74	12,62	7,83

Таким образом, накануне Крымской войны свыше половины всего русского хлебного экспорта направлялось через Босфор и Дарданеллы.

Но в эти же годы особенно бурно развивается экономическая экспансия Англии на Ближнем Востоке. По данным журнала «Economist» английский экспорт в области Турецкой империи равнялся:

в 1840 г.	1. 440—592 фунтам стерлингов
в 1842 г.	2. 068 · 342 · ·
в 1850 г.	3. 762 · 480 · ·

«Из этих сумм, — отмечает Маркс, — по крайней мере, две трети должны быть отнесены на долю гаваней Черного моря, включая Константинополь»².

Экономическая основа противоречий между двумя оплотами европейской реакции: военно-феодальной Россией и промышленно-капиталистической Англией блестяще вскрыта классиками марксистско-ленинской науки.

¹ См. Блюх, Влияние железных дорог на экономическое состояние России.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 384.

В статье «Действительно спорный пункт в Турции» Маркс пишет: «Настоятельная необходимость беспрепятственного расширения торговли, этот рок, преследующий современную Англию, подобно привидению, которое, если его не тотчас удовлетворить, вызывает ужасные потрясения, ощущающиеся на всем протяжении от Нью-Йорка до Кантона и от Петербурга до Сиднея, — эта неумолимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря; ... Торговое поле сражения между Россией и Англией перенесено с Инда к Трапезунду (выделено нами. — Б. Д.), и русская торговля, которая раньше доходила на Востоке до границы английских владений, теперь ограничивается обороной крайних границ своей собственной таможенной области. Этот факт играет огромную роль как для решения восточного вопроса, так и для суждения о той роли, которую будет играть при этом Россия и Англия»¹.

Ключевой позицией на этом поле сражения являлись Босфор и Дарданеллы. «Кто их держит в руках, — писал в той же статье Маркс, — тот может по произволу открывать и закрывать доступ к этому крайнему уголку Средиземного моря». К господствующему положению в проливах стремились и Россия и Англия. От характера режима проливов во многом зависело экономическое благосостояние и безопасность юга России. Но от этого же зависел обширный рынок сбыта товаров, за который ожесточенно дралась английская буржуазия.

В историко-юридической литературе, посвященной этому периоду, можно встретить попытки доказать целесообразность позиции, занятой правительством Николая I в переговорах, приведших к закрытию проливов для русского флота. Так, в опубликованной в 1911 году по поводу работы С. Горяинова «Босфор и Дарданеллы» статье-рецензии Б. Э. Нольде внешняя политика царизма в конце тридцатых годов объявляется «гибкой» и «неизбежной» в противовес «блестящему фейерверку» Ункиар-Искелесского договора².

Мы полагаем, что подобная концепция вытекает из неверной политической и юридической оценки лондонских

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 383—384.

² Б. Э. Нольде, Босфор и Дарданеллы, «Русская мысль», 1911, № 4.

конвенций. Переведя вопрос о режиме Босфора и Дарданелл из естественной компетенции двух черноморских государств — России и Турции на суд и контроль европейских держав, не имевших по сути дела прямого отношения к Черному морю, лондонские конвенции тем самым извратили нормальную правовую природу черноморских проливов. Лондонские конвенции 1840—1841 гг. были не удачным тактическим маневром, а тяжелым просчетом николаевской дипломатии, просчетом, имевшим роковые последствия.

Две навязчивые идеи преследовали Николая I в течение почти всего его царствования: мысль о близком конце Турецкой империи, — этого «больного человека», по терминологии Николая, и стремление изолировать июльскую Францию, откуда, как казалось Николаю, веял зловредный дух революции, подтачивавший крепостнический уклад России. В разгоревшемся в конце 30-х годов новом конфликте между султаном и его непокорным египетским вассалом правительство Николая прежде всего увидело возможность вбить клин между Англией и Францией, нанести последней тяжелое дипломатическое поражение, надолго устранить ее от крупных политических дел.

В то же время николаевская дипломатия упрямо закрывала глаза на пропасть, разделяющую русские и английские интересы на Востоке, и с поразительным упорством добивалась соглашения с Англией. По мнению Ф. И. Бруннова — пожалуй, наиболее типичного представителя николаевской дипломатии, одного из авторов лондонских конвенций, — англо-русские противоречия вообще были основаны на недоразумении, на неправильно сложившемся у англичан представлении об истинных целях русского правительства. Надо было только как следует, откровенно объяснить, полагал Бруннов, чтобы «восстановить в Англии нравственное доверие, коего заслуживает слово государя, и постепенно изгладить предубеждения, разъединяющие ныне оба кабинета»¹.

При таких установках не удивительно, что когда в 1839 году произошло новое столкновение между султаном и Мегеметом-Али и опасность вновь угрожала Константинополю и проливам, русский министр иностранных дел Несельероде поспешил заявить английскому послу об искреннем

¹ Рукописная записка Бруннова. Приведена у Т а т и щ е в а, Внешняя политика императора Николая I, стр. 481.

желании русского правительства избежать casus foederis из-за Ункиар-Искелесского договора.

Неудивительно, что в последовавших сложных и длительных переговорах из рук русских дипломатов сразу же выпала французская карта, которой так боялся Пальмерстон, писавший английскому послу в Париж лорду Гранвилю: «Не следует забывать, что величайшую опасность для Европы представляет возможность комбинации между Францией и Россией, которая хотя и устранена ныне личными чувствами императора, но впоследствии может оказаться не столь невозможной, как теперь» (подчеркнуто в подлиннике. — Б. Д.)¹.

Неудивительно, наконец, что правительство Николая еще в январе 1830 года отстаивавшее тезис, что Россия столько же вправе охранять вход в Черное море, сколько Англия в Средиземное, и господствовать над Босфором, как Англия над Гибралтарским проливом, — спустя 10 лет уступает англичанам по всем пунктам и добровольно соглашается на зачтение русского военного флота в Черном море.

Был, правда, в переговорах 1839 года момент, когда под влиянием известия о приближении англо-французской эскадры к Дарданеллам в Петербурге сообразили, что предлагаемая Пальмерстоном и Меттернихом коллективная гарантия целостности Турции есть ловушка, за которой скрывается вполне реальная угроза как безопасности черноморского побережья России, так и суверенитету Турции. Нессельроде в связи с этим писал русскому поверенному в делах в Вене, что «Россия не может допустить, чтобы Порта снова подпала влиянию ее врагов, она не может согласиться на то, чтобы западно-европейские эскадры прошли через Дарданеллы в Черное море, с целью оскорблять русский флаг и угрожать русским берегам... Императорский кабинет вполне постиг заднюю мысль Англии и Франции. Предлагаемая ими сделка только повидимому направлена в пользу Турции; действительная же цель ее нанести удар России. К тому же, разрешать вопрос о гарантии без участия самой Турции значит умышленно подкапываться под расшатанное здание этого государства»².

Но пыл николаевского правительства быстро остыл:

¹ Пальмерстон Гранвилю 27 мая (8 июня) 1838 г., см. Т а т и щ е в, Внешняя политика императора Николая I, СПб, 1887, стр. 424.

² Цит. соч., стр. 448.

Соблазн гальванизировать Шомонский трактат, объединивший за четверть века до описываемых событий четыре главные европейские державы против Франции, был слишком велик, и в Лондон вскоре отправился Филипп Бруннов, везя с собой драгоценный подарок английской буржуазии — отказ России от Ункиар-Искелесского договора и предложение закрыть проливы для всех без исключения государств.

Обосновывая в докладе Николаю I целесообразность замены Ункиар-Искелесского договора соглашением европейских держав, Нессельроде выдвигал следующие аргументы: Ункиар-Искелесский договор до сих пор не признан морскими державами, а следовательно все равно не налагает на них никаких обязательств; срок действия договора истекает через два года, а виды на его продление весьма проблематичны; в связи с новым турецко-египетским конфликтом возникает угроза соглашения европейских держав без участия России; не лучше ли поэтому договориться с европейскими державами о провозглашении началом европейского публичного права принципа закрытия проливов для военных кораблей в мирное и военное время, причем в частном случае с Мегеметом-Али помощь султану будет оказана с ведома и согласия держав русской эскадрой и десантным отрядом.

В первой же беседе с Пальмерстоном Бруннов откровенно раскрыл карты. По сообщению Пальмерстона «Бруннов говорит, что император вполне согласится с нашими видами по отношению к делам Турции и Египта и примет участие во всех мерах, признанных необходимыми для приведения этих видов в исполнение; ...что хотя, по политическим соображениям, он признает выгоду французского участия, но лично предпочитает обойтись без него... что если меры, принятые Мегеметом, будут угрожать опасностью Константинополю и вызовут какие-либо морские или военные операции на Босфоре или в Малой Азии, то он надеется, что операции эти мы предоставим ему..., что он согласен признать все действия своих армии и флота результатом соглашения, а не исключительного вмешательства России... наконец, Бруннов доверил мне в заключение, что если дела пойдут вышеизложенным порядком, то договор Ункиар-Искелесский возобновлен не будет»¹.

¹ Татищев, Внешняя политика императора Николая I, стр. 491.

Более того, Бруннов предложил закрытие обоих проливов для военных кораблей всех стран, в том числе и России, т. е. то, что составляло предмет чаяний Англии.

Надо думать, что Пальмерстон умел неплохо скрывать свои чувства, ибо Бруннов с наивностью, непростительной для опытного дипломата, писал в Петербург, что де «Пальмерстон испытывает еще отвращение и сожаление в том, что Россия, как он говорит, сделается неуязвимой при закрытии этого пролива, но Эстергази (австрийский посол в Лондоне) думает, что он примирится с этим»¹.

Бруннов разумеется не знал, что еще за четыре года до его лондонской миссии между Пальмерстоном и главой ушедшего в отставку кабинета, лидером английских торн герцогом Веллингтоном произошел знаменательный разговор, определивший линию нового английского кабинета в вопросе о проливах.

— Я желал бы знать, — спросил Пальмерстон, — ваше мнение о двух системах, представляющихся нашей политике: должны ли мы добиваться открытия доступа в Мраморное море нашему флоту, а следовательно и флоту всех прочих держав, или лучше требовать закрытия проливов для всех, не исключая и нас.

— Непременно закрытия, — ответил Веллингтон, — в этих водах мы слишком далеки от наших ресурсов, у России же они под рукой».

Французская поговорка гласит, что аппетит приходит во время еды. Заполучив без всяких усилий со своей стороны согласие России на отказ от Ункиар-Искелесского договора и закрытие проливов, Пальмерстон повел наступление на те минимальные требования, которые содержались в русских условиях.

Прежде всего Пальмерстон не согласился, чтобы даже в частном случае с Мегеметом-Али помощь султану была бы оказана русской эскадрой самостоятельно, хотя бы и по уполномочию европейских держав. Пальмерстон потребовал, чтобы одновременно с появлением русских военных кораблей на Босфоре английская эскадра вошла в Мраморное море через Дарданеллы. После некоторых колебаний Бруннов уступил английским домогательствам.

Больше затруднений вызвало английское предложение считать принцип закрытия проливов обязательным только

¹ Горьяинов С., Босфор и Дарданеллы, СПб, 1907, стр. 54.

для мирного времени, а не для мирного и военного времени, как это предлагала Россия. Английская формулировка превращала закрытие проливов в ловушку, обращенную непосредственно против России, ибо в случае войны ворота проливов оставались открытыми для любого противника России, вступившего в союз с Турцией. Однако и в этом случае николаевская дипломатия уступила.

Участникам переговоров с самого начала было ясно, что европейское соглашение, предписывающее определенный режим черноморских проливов, нарушает суверенные права черноморских держав. В поисках формулы, которая как-то маскировала бы нарушение суверенных прав и интересов черноморских государств, Меттерних предложил обосновать закрытие проливов верховенством Турции над Черным морем. Но концепция Меттерниха, объявлявшая Черное море турецким «*mare clausum*», не выдерживала критики в силу того простого обстоятельства, что большая часть черноморских берегов принадлежала России. Пальмерстон в свою очередь предлагал рассматривать проливы как территориальные воды Турции, что, полагал он, даст юридическое основание для запрещения прохода военных кораблей в мирное время.

Выход в конце концов нашел неутомимый Бруннов, вспомнивший о пресловутом «древнем правиле» Оттоманской империи, фигурировавшем в англо-турецком договоре 1809 года. По деликатному выражению Нольде, «гибкий ум и гибкое перо Бруннова творили чудеса; перестановкой нескольких слов или дополнением коротенькой фразы незаметно достигалось полное изменение смысла; редакция всасывала в себя последовательно замечания и пожелания всех, с кем Бруннову приходилось вести разговоры». А так как основным собеседником Бруннова был Пальмерстон, то в итоге получилась известная конвенция, заключенная 3/15 июля 1840 г. в Лондоне между Россией, Англией, Австрией и Пруссией с одной стороны и Турцией — с другой»¹.

Третья статья конвенции представляла державам временное право по требованию султана «взаимно установленными общими действиями... защитить от всякого нападения проливы Босфора и Дарданелл, а равно и столицу Оттоманской империи».

Четвертая — центральная статья конвенции гласила, что

¹ Договоры России с Востоком, стр. 95—99.

«означенное в предыдущей статье действие сообща и предназначаемое поставить временно проливы Дарданелл и Босфора и столицу Оттоманскую под защиту Высоких договаривающихся сторон от всякого нападения Мегемед-Али должно считаться лишь исключительной мерой, принятой в единственном вышеозначенном случае, по особой просьбе Султана и только для защищения его. А также договорено, что эта мера нисколько не нарушит древнего правила Оттоманской империи, по которому военным судам иностранных держав всегда было возбраняемо входить в проливы Дарданелл и Босфора.

И Султан с одной стороны объявляет настоящим актом, что за исключением вышеозначенной случайности, он имеет твердую решимость на будущее время неизменно соблюдать это начало, как древнее правило его империи, и когда Порты будет находиться в мире, не допускать никакого военного иностранного судна в проливы Босфора и Дарданелл: с другой стороны Их Величества Император Всероссийский, Император Австрийский, король Венгерский и Богемский, Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и Король Прусский обещают уважать это решение султана и согласоваться с вышеозначенным началом».

Одновременно с конвенцией стороны подписали следующий протокол:

«Подписывая Конвенцию сего дня, Уполномоченный Блистательной Порты Оттоманской объявил:

Что подтверждая статьей 4 сказанной конвенции древнее правило Империи Оттоманской, в силу которого было всегда воспрещаемо военным иностранным судам входить в проливы Дарданелл и Босфор, Блистательная Порты предоставляет себе, по прежним примерам, выдавать фирманы на пропуск легких судов под военным флагом, находящихся, по обычаю, в распоряжении и для сообщения Посольств дружественных Держав.

Уполномоченные Австрийского, Великобританского, Прусского и Российского Дворов приняли к сведению настоящую декларацию для поставления о ней в известность своих Дворов».

К конвенции 1840 года не была, как видим, привлечена Франция. Формально николаевская дипломатия могла торжествовать дипломатическую победу. Но мираж шомонской коалиции оказался непродолжительным. Конфликт между султаном и Мегеметом-Али был, наконец, улажен, а так как

конвенция 1840 года имела отправной точкой разрешение турецко-египетского спора, то возникла формальная необходимость в замене этой конвенции другой. На этот раз и Англия, и Австрия, и Пруссия потребовали, чтобы в новой конвенции приняла участие Франция. О возобновлении Ункиар-Искелесского договора после подписи России под конвенцией 1840 года не могло быть и речи. Николаю пришлось согласиться с необходимостью заключения новой конвенции с участием Франции.

1/13 июля 1841 г. в Лондоне между Россией, Австрией, Францией, Англией и Пруссией, с одной стороны, и Турцией, с другой, была заключена конвенция о режиме проливов, повторявшая в существенных чертах условия предшествующей конвенции¹.

В конвенции 1841 г. характерен разрыв между преамбулой и основными статьями. В преамбуле «европейский концерт» усиленно подчеркивал уважение к суверенитету Турции, хотя основные статьи конвенции грубо его нарушали.

В преамбуле пять великих европейских держав провозглашали, что «Их союз и согласие представляет Европе вернейший залог сохранения всеобщего мира, предмета Их постоянных попечений и, желая засвидетельствовать это согласие, представив Его Величеству Султану явное доказательство уважения, питаемого ими к неприкосновенности Его владетельских прав, а равно и Их искреннего желания укрепить покой Его Империи, Их Величества положили согласиться на приглашение Его Султанского Величества, для подтверждения сообща формальным актом Их единодушного решения сообразоваться с древним правилом Империи Оттоманской, в силу коего проход через проливы Дарданелл и Босфора постоянно остается закрытым для военных иностранных судов, пока Порта находится в мире».

Первой статьей конвенции Турция обязывалась «соблюдать начало непреложно установленное, как древнее правило Империи, и в силу коего всегда было воспрещено военным судам иностранных Держав входить в проливы Дарданелл и Босфора, и пока Порта находится в мире Его Султанское Величество не допустит ни одного военного иностранного судна в сказанные проливы». Участники конвенции в свою очередь обязались «уважать это решение Султана и сообразоваться с вышеизложенным началом».

¹ Договоры России с Востоком, стр. 101—103.

Вторая статья конвенции соответствовала дополнительному протоколу 3/15 июля 1840 г. и гласила, что «подтверждая неприкосновенность древнего правила Оттоманской империи, изложенного в предыдущей статье, Султан предоставляет себе по прежнему выдавать фирманы на проход легких судов под военным флагом, состоящих по обычаю в распоряжении Посольств дружественных Держав». Указанная статья распространялась согласно заявлению Бруннова на имя турецкого посла в Лондоне также на мелкие военные суда, посылаемые из Черного моря в распоряжение русской миссии в Афинах.

Лондонские конвенции создали прецедент и положили начало коллективному вмешательству нечерноморских держав в правовой режим черноморских проливов. До конвенций 1840—1841 гг. режим Босфора и Дарданелл определялся суверенной волей Турции, когда она была единственной обладательницей берегов Черного моря и двусторонними русско-турецкими соглашениями, когда Россия стала черноморской державой, а Черное море — закрытым морем России и Турции.

Кучук-Кайнарджийский трактат, русско-турецкие договоры 1798 и 1805 гг., Ункиар-Искелесский договор 1833 г. являлись соглашениями суверенных черноморских государств, определившими режим черноморских проливов в полном соответствии с международным правом.

Лондонские конвенции исказили нормальный правовой характер черноморских проливов. Под предлогом «вернейшего залога сохранения всеобщего мира», режим Босфора и Дарданелл был поставлен в зависимость от коллективной сделки держав, не являющихся прибрежными по отношению к Черному морю. Согласие России и Турции на эту сделку не могло, разумеется, устранить факта извращения юридической природы проливов. Что же касается «сохранения всеобщего мира», то иллюзорность этой ссылки была убедительно доказана разразившейся несколько лет спустя Крымской войной.

Особенно тяжелый удар лондонские конвенции нанесли суверенитету черноморских государств. Фразы об уважении к «неприкосновенности владетельских прав» Султана, об «искреннем желании укрепить покой» Оттоманской империи, плохо маскировали ограничение суверенных прав Турции. Казуистический текст конвенции должен был по замыслу его авторов создать впечатление, что в сущности

все дело, мол, лишь в том, что Султан торжественно провозглашает так называемое «древнее правило» закрытия проливов, а европейские державы обязуются покорно подчиниться этому решению. Но скальпель юридического анализа позволяет нам вскрыть подлинный смысл конвенций.

Напомним прежде всего, что в исторической действительности никакого «древнего правила» закрытия проливов не существовало. В договорной практике этот термин впервые появился в англо-турецком договоре 1809 года. До середины XVIII в. режим проливов подчинялся суверенному праву Османской империи, нередко открывавшей проливы по отдельным соглашениям с тем или иным европейским государством. Со времени Кучук-Кайнарджийского трактата режим проливов регулируется, как правило, русско-турецкими соглашениями. Как на том этапе, когда Турция являлась монопольной обладательницей черноморского побережья, так и тогда, когда Россия стала черноморской державой, суверенные права Турции сохранялись в полном объеме.

Иное юридическое положение было создано конвенциями 1840—1841 гг. Это уже не двустороннее обязательство, взятое на известный срок, а коллективный контракт, участники которого связаны друг с другом совокупным и бессрочным обязательством. Пресловутое «намерение султана соблюдать древнее правило» закрытия проливов приобретает характер обязательства перед четырьмя великими державами. Освободиться от этого обязательства или изменить его Турция может только с коллективного согласия участников конвенции.

По смыслу лондонских конвенций Турция отныне невольна в определении характера режима проливов. Она лишена права заключать двусторонние договоры о режиме проливов, ибо этот режим предписан ей соглашением европейских держав. Провозглашенное преамбулой уважение суверенных прав Турции — никого не обязывающая фраза. На деле суверенные права Турции ограничены. Чтобы убедиться в этом, достаточно вчитаться в статью 2 конвенции 1841 г., предусматривающую сохранение за Турцией права пропускать через проливы легкие военные суда, находящиеся в распоряжении иностранных посольств. Комментаторы справедливо замечают, что оговаривая только это право, конвенция тем самым лишала Турцию ее суверенных прав в полном объеме.

Прежние русско-турецкие договоры предусматривали закрытие проливов для военных кораблей нечерноморских государств, что должно было обеспечить безопасность черноморского бассейна от иностранного вторжения. Конвенции 1840—1841 гг. закрыли проливы и для крупнейшей черноморской державы — России и по существу установили договорную блокаду русской черноморской эскадры.

Формально конвенции декретировали равенство великих держав перед принципом закрытия проливов. Но то было кажущееся, призрачное, мнимое равенство. На деле конвенции создали неравное положение великих держав, ибо из пяти государств, подписавших конвенцию — России, Англии, Франции, Австрии и Пруссии только Россия была черноморской державой, только для нее режим проливов являлся вопросом национальной безопасности.

Превращая закрытие проливов в норму европейского публичного права, лондонские конвенции не гарантировали, что при наличии известных условий проливы не станут воротами агрессии, направленной против России. Как справедливо писал французский историк Дебидур, «проливы были закрыты лишь на бумаге». Флот европейских морских держав всегда мог с согласия или на худой конец без согласия Турции прорваться в Черное море и угрожать русскому побережью, ибо русские военные корабли не имели права преградить ему путь на сильнейших оборонительных позициях в Дарданеллах и Босфоре.

Известный французский политический деятель и историк Гизо писал впоследствии Киселеву (русскому послу в Париже) по поводу лондонских конвенций: «То была ваша капитальная ошибка. Дабы изолировать, дабы ослабить правительство короля Людовика-Филиппа вы отложили в сторону вашу традиционную политику, заключающуюся в том, чтобы вести самостоятельно ваши дела в Турции, без постороннего участия, без соглашения с кем бы то ни было. Вы сами перенесли эти дела в Лондон и договором 15 июля 1840 г. собственными руками обратили их в общее дело Европы. Вы были вынуждены на следующий год сделать еще шаг по этому пути, и конвенция 13 июля 1841 г. с вашего же согласия, подтвердила для Турции вмешательство и соглашение Европы»¹.

¹ Гизо — Н. Д. Киселеву 22 октября 1853 г. в книге Татищева «Император Николай I и иностранные дворы», стр. 5.

Известно, что Маркс расценивал конвенцию 1840 года как возобновление Священного Союза против Франции¹. Реакционная затея Пальмерстона и Николая I надолго создала серьезную угрозу черноморскому побережью России. Николаевская дипломатия принесла интересы национальной безопасности России в жертву узко-классовым расчетам крупных землевладельцев-крепостников, напуганных нараставшим революционным движением в Европе. Недалеко-видная и неумная внешняя политика крепостнической верхушки России принесла горькие плоды. Лондонские конвенции оказались юридическим прологом Крымской войны.

II

„Нейтрализация“ Черного моря“

(Парижский трактат 1856 года)

Мы не ставим перед собой задачу проследить хотя бы в общих чертах дипломатическую и военную историю Крымской войны. Огромная специальная литература, в частности вышедшая недавно работа академика Е. В. Тарле², достаточно подробно освещает причины и ход событий этого одного из крупнейших военных столкновений XIX в. Как крепостническая верхушка военно-феодальной России, так и господствующие классы капиталистической Англии и бонапартистской Франции преследовали в этой войне реакционные цели — захват чужой территории, завоевание господства на Ближнем Востоке, ограбление Турции. Реакционные, захватнические цели войны, разумеется, не имели ничего общего с интересами народов. Как отмечал Маркс, «...ни политический, ни социальный уклад Европы не поколеблен в результате войны. Все эти громадные расходы и потоки пролитой крови ничего не дали народу»³.

Поражение царской России в Крымской войне явилось закономерным результатом ее прогрессирующей экономической и политической отсталости. Военное поражение царизма было использовано западно-европейскими державами, в первую очередь Англией, для монопольного овладения ближневосточным рынком, для ослабления позиций черно-

¹ См. Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 507.

² Акад. Е. В. Тарле, Крымская война, т. I—II. См. также статью Н. Яковлева в журнале «Большевик», 1945, № 13.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 596.

морских государств, для ущемления суверенитета России, утратившей, под благовидным предлогом «нейтрализации» Черного моря, право держать в нем военный флот и охранять свои южные морские рубежи.

В настоящей работе мы останавливаемся лишь на отдельных моментах возникновения Крымской войны и заключения парижского мирного договора, непосредственно связанных, во-первых, с нарушением установленного лондонской конвенцией статута проливов и, во-вторых, с изменениями в режиме проливов, вызванными новым юридическим положением Черного моря по Парижскому трактату 1856 года.

* *

*

Потребовалось очень немного времени для того, чтобы убедиться в полной несостоятельности лондонской конвенции в деле обеспечения безопасности черноморских держав. Даже автор конвенции барон Бруннов вынужден был вскоре с горечью признать, что договор 1841 года «применим только во время мира; при возникновении усложнения он никуда не годится»¹.

Поскольку самая мощная черноморская держава — Россия была отстранена от обороны проливов, постольку последние оказывались фактически без защиты против любого вторжения из Средиземного моря. Еще за несколько лет до Крымской войны, когда в декабре 1849 г., неожиданно обострилась обстановка в связи с русско-австрийским требованием выдачи бежавших в Турцию участников венгерского восстания, английская эскадра, не считаясь с конвенцией, проникла в Дарданеллы. «Англия, всегда строго требовавшая соблюдения условий договоров, сама не задумалась нарушить их, когда усмотрела угрозу тому, что было самым важным для британского правительства: свободе своего торгового пути в Индию» — так комментирует этот инцидент французский исследователь Эсперэ².

Лондонская конвенция была грубо нарушена во время событий, непосредственно предшествовавших началу Крымской войны. В свое время правительства Англии и Франции пытались отвести от себя обвинения в нарушении договора 1841 г. Но, чтобы убедиться в недобросовестности этих по-

¹ С. Горяинов, Босфор и Дарданеллы, СПб, 1907, стр. 79.

² J. V. Espéret, La condition internationale des détroits du Bosphore et des Dardanelles. Toulouse, 1907.

пытках, достаточно проанализировать хронологию основных фактов, связанных с началом войны.

Как известно, конвенция 1841 г. запретила проход иностранных военных судов через проливы, «пока Порты находятся в мире». Таким образом состояние войны, это — *conditio sine qua* поп для вступления иностранных военных кораблей в проливы.

Турция объявила войну России 22 сентября (4 октября) 1853 г. Между тем еще 13—14 июля 1853 г. англо-французская эскадра бросила якорь в Безикской бухте у входа в Дарданелльский пролив, а в середине сентября соединенный англо-французский флот вошел в Босфор под мнимым предложением защиты султана и христианского населения Константинополя от народных волнений. Подлинный смысл провокационного нарушения конвенции раскрывается в письме Пальмерстона премьеру Эбердину 1 ноября 1853 г.

«Мы перешли Рубикон, когда мы только приняли участие в Турции и послали наши эскадры ей на помощь... и правительства двух наиболее могущественных стран земного шара не должны пугаться ни слов, ни самих вещей, ни слова «война» и ни действительной войны... Мы поддерживаем Турцию для нашего собственного дела и во имя наших собственных интересов».

За отсутствием каких-бы то ни было юридических оснований для вступления англо-французского флота в проливы, правительства Англии и Франции хватались за любые предлоги. Если английский министр иностранных дел Кларендон мотивировал нарушение конвенции возможностью беспорядков в Константинополе, то его французский коллега Друэн-де Люнс утверждал, что французская эскадра вынуждена войти в Дарданеллы по... мореплавательным соображениям.

30 ноября 1853 г. в Синопе эскадра адмирала Нахимова наголову разгромила турецкий флот. Действия Нахимова были абсолютно закономерны. С 4 октября между Турцией и Россией шла объявленная война. Черное море было одним из театров войны. Русский флот имел право нападать на турецкий в любой точке этого моря. Бой, данный Нахимовым, не вызывал таким образом никаких сомнений с международно-правовой точки зрения. Это положение признается и новейшими английскими историческими исследованиями по Крымской войне (см. работы Seton — Watson, Har. Temperley и др.). Это положение по существу вынужден был при-

знать и английский министр иностранных дел Кларендон еще в декабре 1853 г. при формальном сообщении Бруннову о проходе английской эскадры в Черное море.

Тем не менее, несмотря на признанную международно-правовую обоснованность действий Нахимова, несмотря на то, что формально между Англией и Францией, с одной стороны, и Россией, с другой, было состояние мира, англо-французский флот в ночь с 3 на 4 января 1854 г. прошел Босфор и вступил в Черное море — закрытое русско-турецкое море. Следует отметить, что часть англо-французской эскадры проникла в Черное море еще до синопского боя под предлогом увоза консулов из Дунайских княжеств.

Таким образом режим проливов, установленный конвенцией 1841 года, потерпел крушение при первом же серьезном испытании; он не только не обеспечил безопасность черноморских государств, но создал прямую угрозу южному побережью России. Статьи конвенции, запрещавшие проход иностранных военных кораблей через проливы, повисли в воздухе, так как единственная сила, которая была в состоянии защитить проливы от вторжения, самая мощная черноморская держава — Россия была отстранена от обороны проливов. А это обстоятельство в свою очередь явилось результатом того порочного и противоестественного положения, когда режим проливов, а следовательно и безопасность черноморского побережья определялись соглашением нечерноморских государств.

* *

*

Дипломатические переговоры об условиях будущего мирного урегулирования велись в течение почти всего периода военных действий. Центром переговоров была Вена. К лету 1854 г. союзники сформулировали знаменитые «четыре пункта», которые должны были лечь в основу мирного договора. Один из этих пунктов (третий) требовал пересмотра конвенции 1841 года «с целью соблюдения европейского равновесия».

Вскоре выяснилось, что за этой туманной формулой скрывается намерение Англии, Франции и примкнувшей к ним Австрии ограничить суверенные права России в Черном море. «Пересмотр договора 13 июля 1841 г., — читаем мы в памятной записке, составленной уполномоченными Англии, Франции и Австрии в начале венских переговоров — должен иметь своим предметом установить более тесную

связь между существованием Османской империи и европейским равновесием и положить конец преобладанию России в Черном море. Что же касается мер, которые могли бы быть приняты по этому поводу, то они, находясь в слишком большой зависимости от военных событий, не поддаются более точному определению в настоящее время»¹. Предложение русских делегатов установить ограничение военно-морских сил России и Турции непосредственным соглашением этих двух черноморских государств без постороннего посредничества, было отклонено, так как в интерпретации западных держав Турция оказывается не имела права входить в отдельные соглашения с Россией.

На этом этапе переговоров союзники уклоняются от четкого формулирования своих предложений, связанных с пересмотром конвенции 1841 года, рассчитывая на то, что быстрая капитуляция Севастополя даст им возможность предъявить наиболее жесткие требования.

Как далеко могли пойти эти требования видно из проекта Буоля (австрийского уполномоченного на венской конференции), предложившего закрыть проливы для военных кораблей, но при этом: 1) ограничить состав и число русских военных судов в Черном море «плавающими в настоящее время» (*bâtiments à flot*); 2) предоставить Англии, Франции и Австрии право содержать в Черном море по два фрегата, причем в случае «опасности ей угрожающей» Порты может открыть проливы для прохода новых эскадр союзников в Черное море².

Предложенная Буолем пародия на закрытие проливов на деле не могла означать ничего иного, как одностороннее открытие Дарданелл и Босфора для военных кораблей нечерноморских держав, при лишении черноморских держав неотъемлемого для каждого суверенного государства права на оборону. В то время как военно-морские силы России на Черном море сводились к нулю, ибо после затопления черноморской эскадры на севастопольском рейде «плавающие в настоящее время суда» можно было пересчитать по пальцам одной руки, неприбрежные к Черному морю государства могли бы иметь там военно-морские базы и содержать крупную эскадру, постоянно угрожающую русским берегам. К тому же в любой момент через проливы мог пройти мощ-

¹ Горьяинов, Босфор и Дарданеллы, стр. 82.

² Горьяинов, цит. соч., стр. 104.

ный средиземноморский флот союзников, так как юридическим основанием для прохода служило бы даже не состояние Турции в войне, как это требовалось конвенцией 1841 года, а расплывчатое и неопределенное понятие «опасности, угрожающей султану».

Героическая оборона Севастополя вынудила участников анти-русской коалиции отказаться от требования проводить свои военные корабли через проливы.

В конце концов были выработаны следующие предварительные условия мирного договора по так называемому «третьему пункту». Черное море объявлялось нейтральным, открытым для торговых кораблей всех стран; проход военных кораблей через проливы запрещался безусловно и навсегда, изъятие из этого правила допускалось только в отношении легких военных кораблей в количестве одного или двух, которые договаривающиеся стороны имели право содержать в устье Дуная для «обеспечения свободного судоходства» по этой реке; на берегах Черного моря запрещалось содержание или сооружение военно-морских арсеналов; Россия и Турция должны были взаимно обязаться содержать в Черном море только то число мелких судов, которое необходимо для береговой службы; заключенная между ними по этому вопросу конвенция по одобрению ее державами — участниками мирного договора должна была быть приложена к последнему и рассматриваться как его неотделимая часть.

Сформулированные таким образом условия были предъявлены России в ультимативной форме. Царское правительство вынуждено было принять эти предложения в качестве предварительных условий мира.

Дальнейшие переговоры были перенесены в Париж, где 25 февраля 1856 г. открылся мирный конгресс, закончившийся 30 марта 1856 г. подписанием Парижского мирного трактата. Согласно статье 10 основного договора, к нему была приложена конвенция «касательно проливов Дарданелл и Босфора», которая рассматривалась как его неотъемлемая часть.

В первой статье конвенции о проливах объявлялось о «твердом намерении» Султана «соблюдать на будущее время постановления, неизменно принимавшиеся, как древнее правило Его империи, в силу коего всегда было воспрещается военным судам держав иностранных, входить в проливы Дарданелл и Босфора, и что доколе Порты будет находиться

в мире, Его Величество не допустит никакого иностранного военного судна в означенные проливы». Россия, Австрия, Франция, Великобритания, Пруссия и Сардиния обязались «уважать сие решение Султана и сообразоваться с вышеизъясненным правилом».

Второй статьей султану предоставлялось право выдавать фирманы для прохода легких военных судов, употребляемых при миссиях дружественных Турции держав.

Третья статья допускала аналогичное изъятие в отношении легких военных судов, которые договаривающиеся стороны имели право содержать при устьях Дуная, числом не более двух для каждой державы¹.

Как видим, за исключением статьи о легких военных кораблях, предназначенных для службы в устьях Дуная, конвенция 18(30) марта 1856 г. почти слово в слово повторяет конвенцию 1(13) июля 1841 г.

Формально, таким образом, режим проливов остался прежним. Но на деле он претерпел чрезвычайно серьезные изменения в ущерб как Турции, так в особенности России в силу нового установленного Парижским договором статута Черного моря.

Статья XI Парижского мирного трактата провозглашала: «Черное море объявляется нейтральным; открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды оно формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежных, так и всех прочих Держав, с теми только исключениями, о коих постановляется в статьях XIV и XIX настоящего Договора.

Статья XIII. Вследствие объявления Черного моря нейтральным на основании статьи XI, не может быть нужно содержание или учреждение военноморских на берегах оно-го арсеналов, как не имеющих уже цели, а посему Его Величество Император Всероссийский и его императорское Величество Султан обязуются не заводить и не оставлять на сих берегах никакого военно-морского арсенала.

Статья XIV. Их Величествами Императором Всероссийским и Султаном заключена особая Конвенция, определяющая число и силу легких судов, которые они предоставляют себе содержать в Черном море, для нужных по прибрежью распоряжений¹. Сия Конвенция прилагается к

¹ Договоры России с Востоком, стр. 118—119.

² По шесть паровых судов в 50 метров длины по ватерлинии, не свыше 800 тонн каждое и по четыре легких паровых или парусных

настоящему трактату и будет иметь такую же силу и действие как если б она составляла неотделимую его часть. Она не может быть ни уничтожена, ни изменена без согласия Держав, заключивших настоящий Трактат.

Статья XIX говорила о праве каждой из договаривающихся держав содержать по два легких морских судна у устьев Дуная¹.

Термин «нейтрализация» весьма условно и неточно определяет режим Черного моря, как он был установлен договором 1856 года. Под нейтрализацией в теории и практике международного права обычно понимается запрещение военных операций в нейтрализованном районе или использования его в качестве базы для ведения таких операций. В этом смысле говорится, например, о нейтрализации Суэцкого канала. Другой пример: положение Швейцарии как постоянно нейтрализованного государства связывает определенным образом как другие государства, которые не имеют права превращать нейтрализованную территорию Швейцарии в театр военных действий, так и само Швейцарское государство, которое ограничено в праве войны, но отнюдь не лишено права на оборону своей территории.

Иное положение было создано Парижским трактатом для Черного моря. Прежде всего необходимо отметить, что ни одна статья трактата прямо не запрещала военные операции в Черном море. Нам могут возразить, что это само собой разумелось в силу статьи XI, по которой «формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежных, так и всех прочих Держав» вход в порты и воды Черного моря, что за отсутствием военных судов превращение Черного моря в театр военных действий оказывалось невозможным.

Но здесь мы сталкиваемся с любопытным противоречием между основным договором и конвенцией о проливах, противоречием, которое вряд ли можно объяснить редакционным недосмотром. В то время как статья XI основного договора запрещала военным кораблям вход в Черное море «формально и навсегда», первая статья конвенции запрещала вход в проливы для военных кораблей не «навсегда», а «доколе Порта будет находиться в мире». Но из этого следует

судна, не свыше 200 тонн каждое (см. статью 2 Русско-турецкой конвенции о военных судах в Черном море от 18 (30) марта 1856 г.).

¹ Договоры России с Востоком, стр. 107—118

во-первых, что конвенция предполагает возможность военных действий в «нейтрализованном море», а во-вторых, что проливы, а значит и Черное море открыты для военных флотов в военное время, то-есть тогда, когда это им, собственно говоря, необходимо.

Но быть может под нейтрализацией подразумевалось открытие Черного моря для торгового мореплавания? Однако и этот аргумент отпадает, так как свобода торгового судоходства через проливы была зафиксирована по инициативе России еще в Аккерманской конвенции и Адрианопольском договоре.

Но если военные действия не возбраняются, если, напротив, в военное время проливы открыты для прохода военных кораблей, если свобода торгового судоходства в проливах и Черном море провозглашена задолго до Парижского трактата, то что же тогда остается от пресловутой «нейтрализации»? Остается дискриминация черноморских держав, которым запрещено содержать в Черном море военно-морской флот, за исключением небольшого числа легких судов береговой службы, а также запрещено сохранять или сооружать военно-морские арсеналы. Под фиговым листком «нейтрализации» скрывалось лишение черноморских держав основного права суверенного государства на защиту своей территории.

Крымская война показала, что установленное конвенцией 1841 года закрытие проливов, при отстранении России от обороны входа в Черное море, носит фиктивный характер. Но в результате Парижского трактата режим проливов, формально оставаясь без изменений, по существу значительно ухудшился с точки зрения безопасности черноморских государств и в первую очередь России. Лишенная права содержать военный флот в Черном море, Россия оказывалась беззащитной перед нападением с моря, предпринятым хотя бы значительно менее могущественной державой. Закрытие проливов и Черного моря для военных кораблей приобрело односторонний характер, ибо в случае войны любая держава могла перебросить свой флот из Средиземного моря в Черное, а Россия ничего не могла бы противопоставить этому нападению, ибо теоретически возможная переброска Балтийской эскадры, практически, в условиях военного времени вряд ли была бы осуществима.

Ограничение суверенных прав России носило такой откровенно бесцеремонный и беспрецедентный характер, что

дало французскому исследователю проблемы проливов Ж. Эсперэ основание заявить, что «этот договор, посягнувший на священнейшее право, право самосохранения и самозащиты, — самый основной принцип существования народа — больше похож на акт мстительности, чем на мирный договор».

Парижский трактат оставил Турцию в положении фактически вассального или протектируемого государства. Совершенно не выдерживает критики утверждение некоторых новейших английских исследователей (например Франка Бэйли), что Парижский трактат якобы «признал Турцию в качестве одной из великих держав Европы»¹. Ни текст договора, ни дальнейшая роль Турции не дают основания для такого, мягко выражаясь, смелого заявления. На деле Парижский трактат привел к еще большему закабалению Турции и росту ее зависимости от иностранных держав. «Коллективный протекторат над нею существует уже сейчас и будет утвержден договорами. Первоначальные четыре пункта венского предложения, равно как и принятые недавно предварительные условия мира, были выработаны без участия Турции и без ее согласия. Они будут навязаны ей насильно, как их собираются навязать России. Турецкая территория занята союзниками, которые располагаются на ней, как дома, и не рассчитывают скоро уйти. Турция лежит измученная, обессиленная, охваченная глубоким процессом социального и политического разложения...» — писал Маркс в статье «Итоги войны»².

Россию Парижский трактат отбрасывал на столетие назад к до-кучук-кайнарджийскому периоду. При этом игнорировалось то обстоятельство, что до Кучук-Кайнарджийского договора Россия не владела черноморским побережьем, а ко времени Крымской войны являлась обладательницей большей части черноморских берегов, что содержание военного флота в Черном море диктовалось, таким образом, жизненными интересами национальной безопасности России. Поскольку Парижский трактат пренебрегал исторической эволюцией правового режима проливов и Черного моря, постольку в этой части он был построен на песке и не мог выдержать сколько-нибудь длительного испытания.

¹ Bailey F. E., *British policy and the Turkish Reform movement*, Cambridge, 1942.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 600.

III

Отмена ограничительных постановлений Парижского трактата

(Лондонский договор 1871 года)

Неправомерность и нежизнеспособность ограничительных постановлений Парижского трактата, наносивших серьезный ущерб суверенным правам черноморских государств, в том числе такой великой державы, как Россия, была с самого начала ясна даже инициаторам и вдохновителям договора 1856 года. Известно, что и Пальмерстон и Кларендон не надеялись на возможность длительного осуществления «нейтрализации» Черного моря. Бисмарк квалифицировал решения, ограничивавшие суверенитет России в Черном море, как самые неудачные постановления Парижского трактата. «Сто миллионному народу, — писал он, — нельзя надолго запретить осуществлять естественные права суверенитета над принадлежащим ему побережьем. Длительный сервитут такого рода, какой был предоставлен иностранным государствам на территории России, являлся для великой державы невыносимым унижением»¹.

Не успели еще высохнуть чернила на тексте Парижского трактата, как то от одного, то от другого участника договора 1856 года стали поступать предложения пересмотреть ограничительные постановления. Такого рода предложения выдвигает Франция в 1856 г., накануне войны с Австрией, и в 1863 г., когда Наполеон III домогался согласия России на пересмотр невыгодных династии Бонапартов решений Венского конгресса 1815 года. В свою очередь Австрия была инициатором аналогичных предложений в 1859 и 1867 гг., после неудачных войн с Францией и Пруссией, когда ей чрезвычайно важно было заручиться благоприятным отношением России. Пруссия также в 1866 году направила в Петербург генерала Мантейфеля с прозрачным поручением выяснить, «не существуют ли какие-либо русские интересы, удовлетворение коих могло бы еще теснее связать узы, связывающие нас».

Само собой разумеется, что все эти предложения были продиктованы отнюдь не идеалистическими соображениями о несправедливости Парижского трактата, а практическими интересами держав, крайне нуждавшихся в расположении

¹ О. Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. II, стр. 99.

России в той напряженной международной обстановке, которая породила в Европе в 1859—1870 гг. ряд почти непрерывно следовавших войн.

Франко-прусская война 1870—1871 гг. создала исключительно благоприятную ситуацию для ревизии ограничительных постановлений Парижского трактата. Один из инициаторов трактата — Франция в результате военного разгрома была временно устранена с арены активной европейской политики. Австрия, еще не оправившаяся от поражения 1866 года была поглощена бурными событиями франко-прусской войны и к тому же сама предлагала в свое время пересмотреть ограничительные постановления. Пруссия в компенсацию за нейтралитет России заявила, что находит справедливым желание России изменить постановления 1856 года. Турция была сама заинтересована в пересмотре ряда статей Парижского трактата, ограничивших ее суверенитет. Оставалась Англия. Но лишенная континентальных союзников, она практически была не в состоянии оказать серьезное противодействие планам России.

Для отмены ограничительных постановлений Парижского трактата можно было избрать путь непосредственного соглашения черноморских держав — России и Турции. Горячим сторонником такого соглашения был русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев. На этот путь склонялся и турецкий великий визирь Али-паша. По мнению Игнатьева прямое русско-турецкое соглашение имело несомненные шансы на успех.

Принципиальное значение проекта Игнатьева было крайне велико. В специфической международной обстановке 1870 года Россия и Турция обретали реальную возможность вернуться на дорогу естественных двусторонних соглашений черноморских держав в вопросе о режиме Черного моря и черноморских проливов, избавляясь тем самым от навязанного им контроля и вмешательства западно-европейских государств.

Однако в Петербурге судили иначе. Руководитель русской внешней политики канцлер А. М. Горчаков сделал нечто вроде выговора Игнатьеву за то, что тот затеял по этому поводу переговоры в Константинополе. Горчаков решил разрубить сложный узел парижских ограничительных постановлений самостоятельным выступлением России.

19/31 октября 1870 г. последовала знаменитая циркулярная депеша Горчакова к правительствам держав, подписав-

ших Парижский трактат. В депеше сообщалось, что Россия больше не считает себя связанной обязательствами договора 1856 года, ограаничивающими ее суверенные права на Черном море.

В обоснование этого решения в депеше указывалось на «неоднократные нарушения, которым в последние годы подвергались договоры, почитавшиеся основанием европейского равновесия»; что при наличии этих нарушений «трудно было утверждать, что опирающееся на уважение к договорам, этим основам международного права и отношений между государствами, писанное право сохранило ту же нравственную силу, которой она пользовалась в прежнее время»; что Парижский договор неоднократно нарушался, в частности, под разными предлогами допускался вход в проливы и в Черное море иностранных военных судов; что возникли новые обстоятельства, непредвиденные договором 1856 года, а именно, появились броненосные суда, усугубляющие опасность для России в случае войны.

В качестве вывода из вышесказанного в депеше заявлялось, что нельзя «допустить с юридической стороны, чтобы договоры, многие существенные постановления которых были нарушены, оставались обязательными лишь в тех пунктах, которые касались прямых выгод империи», а «с фактической стороны, чтобы безопасность России была поставлена в зависимость от теории, не устоявшей перед опытом времени, и чтобы эта безопасность могла подвергнуться нарушению вследствие уважения к обязательствам, которые не были соблюдены в своей целостности»¹.

Прход иностранных военных судов через проливы в нарушение Парижского трактата имел место в ряде случаев. Так, в 1858 году через Дарданеллы прошел американский военный фрегат «Wabash», вооруженный 60 орудиями. В 1862 году через проливы в Черное море прошел английский военный корабль «Cannet». В 1868 году через Дарданеллы в Босфор прибыл американский фрегат «Франклин».

Декларируя односторонний отказ от ограничительных постановлений, царское правительство в той же депеше изъявило свою готовность вступить в новое соглашение с державами, подписавшими Парижский договор. Тем самым оставалась открытой дверь для продолжения в той или иной

¹ С. Горяинов, цит. соч., стр. 214—215.

форме вмешательства нечерноморских держав в правовой режим черноморских проливов.

После продолжавшихся в течение двух месяцев переговоров державы, подписавшие Парижский трактат, решили созвать в Лондоне конференцию для обсуждения предложений России о пересмотре ограничительных постановлений, но по настоянию Англии «без заранее предвзятого заключения» (without assumption of any foregone conclusion). Иными словами, вопрос как бы заново обсуждался на европейской конференции, невзирая на провозглашенный уже в циркулярной депеше Горчакова отказ России от ограничительных постановлений Парижского трактата.

По существу, конечно, участники конференции отлично понимали, что восстановление в полном объеме суверенных прав России на Черном море — вопрос решенный. Речь шла теперь о том, чтобы закрепить европейским соглашением новое правовое положение Черного моря, а главное — сохранить за западно-европейскими державами право контроля и вмешательства в режим Босфора и Дарданелл.

Открывшаяся 5/17 января 1871 г. лондонская конференция начала свои занятия подписанием протокола, установившего, что «державы признают существенным началом международного права то правило, по которому ни одна из них не может ни освободиться от договора, ни изменить его постановлений иначе, как по согласию договаривающихся сторон, посредством дружеского соглашения».

Генеральное сражение на конференции разыгралось не по поводу отмены ограничительных постановлений, что со времени депешы Горчакова являлось совершившимся фактом, а вокруг второй статьи проектируемого договора, трактовавшей о режиме проливов.

Уполномоченные Англии и Австрии предложили сохранить начало закрытия проливов с предоставлением Турции права в мирное время открывать проливы «в виде временной исключительной меры» военным кораблям непримиримых держав (англо-австрийское предложение о предоставлении нечерноморским державам военно-морской базы в Черном море было с самого начала отвергнуто Россией и Турцией и не обсуждалось официально на заседаниях конференции).

Нетрудно заметить, что эта редакция дискриминировала Россию, поскольку она являлась примиримой державой и ограничивала суверенные права Турции, обязывая ее

в случае необходимости обращаться за помощью только к западным державам.

Уполномоченным России на лондонской конференции был старый дипломат несельеродовской школы, «Нестор русской дипломатии», как его называли, Филипп Бруннов. Прослужив несколько десятков лет на ответственном дипломатическом посту в Лондоне, сыграв важную, но весьма печальную роль во всех договорах о режиме черноморских проливов, начиная с конвенций 1840—1841 гг., Бруннов был ярким выразителем дипломатического низкопоклонства перед Европой, в особенности перед Англией, влияние и мощь которой он сильно преувеличивал. Отсюда вытекала все возрастающая со временем чувствительность Бруннова к требованиям или желаниям английского кабинета и его неспособность отстаивать национальные интересы России.

С легкостью, поразившей всех европейских дипломатов, Бруннов проглотил англо-австрийскую редакцию второй статьи. Более того, когда против формулы о «неприбрежных державах» категорически восстал турецкий делегат Муссур-паша, предложивший изменить редакцию статьи в том смысле, что Турция может открывать проливы «дружественным и союзным державам», Бруннов и на конференции, и в своих донесениях в Петербург решительно выступил против формулировки турецкого уполномоченного, хотя было очевидно, что она выгоднее для черноморских держав.

В Петербурге также не сразу разобрались в том, что происходит на лондонской конференции. Понадобилось разъяснение внимательно следившего за ходом конференции посла в Константинополе Н. П. Игнатьева, чтобы в Петербурге поняли в какую ловушку попал Бруннов. Создалось парадоксальное положение, когда за формулу, уравнивавшую Россию в правах с другими государствами, ратовал турецкий дипломат, а против выступал русский уполномоченный. Всеобщее недоумение, вызванное позицией Бруннова, было настолько велико, что по словам Игнатьева «все думали, что в поведении нашего уполномоченного скрывалась какая-то неведомая тайна». Только получив специальные директивы из Петербурга, Бруннов присоединился к формуле турецкого делегата.

В поисках окончательного варианта второй статьи делегаты затратили немало времени, пока в конце концов не была принята итальянская редакция, по которой Турция могла открывать проливы в мирное время военным кораб-

лям дружественных и союзных держав, если это было необходимо для исполнения постановлений Парижского трактата.

1/13 марта 1871 г. уполномоченные России, Австрии, Пруссии, Англии, Франции, Италии и Турции подписали договор, который просуществовал почти полвека, вплоть до окончания первой мировой войны.

В преамбуле договора указывалось, что его целью является пересмотр постановлений Парижского трактата, относящихся к судоходству в Черном море и на Дунае, а также желание предоставить «новые облегчения для успешной торговой деятельности всех народов».

Статья I гласила: Статьи XI, XIII и XIV Парижского трактата 1856 года, равно как особенная конвенция, заключенная между Высокой Портой и Россией, и приложенная к помянутой XIV статье, отменяются и заменяются следующей статьей:

Статья II. Начало закрытия проливов Дарданелл и Босфора, установленное отдельной конвенцией 30 марта 1856 г., сохраняется с предоставлением его императорскому величеству султану права открывать сказанные проливы в мирное время для военных судов дружественных и союзных держав в случае, если Высокая Порта будет считать это нужным, дабы обеспечить исполнение постановлений Парижского трактата 30 марта 1856 г.

Статья III. Черное море остается по прежнему открытым для торгового мореплавания всех народов.

Статья VIII, подтверждала все постановления Парижского трактата, не уничтоженные новым договором¹.

Остальные статьи договора относились к вопросам судоходства на Дунае.

Отныне правовое положение черноморских проливов основывалось на двух договорах: Лондонском договоре 1871 года и Парижском трактате 1856 года, поскольку за исключением статей XI, XIII и XIV и конвенции о военных судах в Черном море, он был возобновлен и подтвержден статьей VIII нового договора.

Целиком сохраняла свою силу, таким образом, конвенция 1856 года о черноморских проливах. Но эта конвенция дополнялась и в известной части изменялась положениями договора 1871 года. Так, если конвенция 1856 года безого-

¹ Россия, Царьград и проливы. Сборник по ред. Р. Стрельцова, стр. 131—133.

ворочно запрещала вход в проливы иностранным военным кораблям в мирное время, то по новому договору Турции предоставлялось право и в мирное время открывать проливы для военных судов «дружественных» и «союзных» держав, если это понадобится для обеспечения исполнения постановлений Парижского трактата.

Юридически Турция обретала право разрешать проход через проливы в обоих направлениях, если возникала предусмотренная статьей VII Парижского трактата опасность нарушения независимости и неприкосновенности Турецкой империи. Хотя возникновение такой опасности слабо гармонировало с понятием «мирного времени», тем не менее следует признать, что договор 1871 года несколько расширял права Турции в проливах.

Россия договором 1871 года получала в принципе равную с другими государствами возможность прохода своих военных кораблей через проливы, если Турция считала это необходимым для обеспечения постановлений Парижского трактата. Но как нам уже приходилось указывать ранее, подобное «равенство» великой черноморской державы, для которой соответствующий режим проливов имел жизненное значение, с державами неприбрежными к Черному морю, носило формальный и мнимый характер.

Редакция второй статьи лондонского договора 1871 года оставила невыясненным характер договора: является ли он, как и прежние соглашения 1840, 1841, 1856 гг., коллективным договором, возлагающим на каждого участника обязательства перед всеми остальными участниками, как это полагает в своей работе о проливах С. Горяинов и как это отстаивалось делегатами России на Берлинском конгрессе 1878 года, или же этот договор связывает каждого участника только с Турцией, являясь своеобразным конгломератом двухсторонних обязательств — тезис, выдвинутый на том же Берлинском конгрессе английской делегацией.

Лондонскому договору 1871 года суждена была более долгая жизнь, нежели любому из его предшественников. Он почти полвека служил юридическим основанием режима проливов, пока не был сметен бурными событиями первой мировой войны.

ГЛАВА V

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ В НОВОЕ ВРЕМЯ (1871—1918)

I

В последнюю треть XIX в. старый, основанный на свободной конкуренции, домонополистический капитализм перерастает в империализм — высшую и последнюю стадию капитализма, основанную на господстве монополий и финансового капитала. К 90-м годам прошлого столетия империализм, как новейшая фаза капитализма, приобретает вполне сложившийся и отчетливый характер. На первый план выступает империалистическое соперничество за колонии, рынки сбыта и источники сырья, за новые места для вывоза капитала. Завершив раздел всей территории земного шара, сильнейшие империалистические державы вступают в бешеную борьбу за передел мира. «Эта бешеная борьба между различными группами капиталистов замечательна в том отношении, что она включает в себя, как неизбежный элемент, империалистические войны, войны за захваты чужих территорий»¹.

Экономическое и политическое развитие капиталистических стран с переходом к империализму становится все более неравномерным и скачкообразным, что приводит к необычайному обострению противоречий между «старыми» и «молодыми» капиталистическими державами, сталкивающимися в империалистических войнах за передел мира.

Открыв закон неравномерности экономического и политического развития капитализма, В. И. Ленин доказал возможность прорыва империалистического фронта в наиболее слабом звене, и возможность победы социализма первоначально в нескольких странах или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране. Такой страной явилась Россия — родина и очаг ленинизма, центр революционного дви-

¹ И. В. Сталин, Соч. т. 6, стр. 73.

жения в Европе, страна, бывшая узловым пунктом противоречий империализма.

В России после отмены крепостного права развитие капитализма пошло, несмотря на остатки крепостничества, более ускоренным темпом. Вырос и сложился в могучую силу современный промышленный пролетариат, сильный своей сплоченностью и боевыми революционными качествами. Увеличилось число промышленных предприятий. Значительно усилилась концентрация промышленности, влияние монополий и финансового капитала. Капитализм в России чем дальше, тем больше приобретал характер монополистического, империалистического капитализма.

Несмотря на некоторый шаг вперед по пути капиталистического развития, царская Россия продолжала все же сильно отставать от передовых в экономическом отношении государств и все больше впадала в зависимость от иностранных капиталистов. Царская Россия не имела своего тяжелого машиностроения, станкостроения, автомобильной, химической промышленности и других ведущих отраслей индустрии. Крайне плохо было поставлено производство вооружения. Почти все оборудование, почти все машины привозились из-за границы. Важнейшие отрасли народного хозяйства находились в руках иностранного капитала, опутавшего страну сетями кабальных займов. Реакционный царский режим тормозил развитие неисчислимых естественных ресурсов страны, угнетал материальные и духовные силы народа.

Политическая и экономическая отсталость царской России, ее растущая зависимость от иностранного капитала не могли не отразиться на ее международном положении. Начиная со второй половины XIX в., самостоятельная роль царизма в международной политике значительно падает. Россия переходит на подчиненное положение «секунданта» крупнейших капиталистических держав.

Отличительной особенностью российского империализма являлся его военно-феодальный характер. «Кому не известно, что в России всеислие капитала сливалось с деспотизмом царизма» (С т а л и н). Будучи уже не в состоянии выполнять былую роль жандарма Европы, ибо «...настоящие жандармы Европы, располагающие достаточными силами и средствами для того, чтобы быть жандармами, сидели не в Петрограде, а в Берлине, Париже, Лондоне»¹,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 73.

царизм становится сторожевым псом империализма на востоке Европы, вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д., вспомогательным резервом капиталистических держав.

Но отсюда следует, что империалистические планы царской России, стремившейся к разделу Турции, захвату Константинополя и черноморских проливов отнюдь не были главным, ведущим, первенствующим фактором в международной политике и в развязывании мировой войны. На фоне англо-германского империалистического соперничества и острейших германо-французских противоречий завоевательные стремления русского царизма играли сравнительно второстепенную роль.

В письме о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» товарищ Сталин с исчерпывающей ясностью разъяснил последствия допущенной Энгельсом переоценки стремления царской России к Константинополю в деле назревания мировой войны.

Если империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду, как фактор надвигающейся мировой войны, если империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, если аннексия Эльзас-Лотарингии Германией, как фактор войны, отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю, как более важным и даже определяющим фактором войны, если, наконец, русский царизм представляет последний оплот общеевропейской реакции, — то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной войной, а войной освободительной, или почти что освободительной?

Едва ли можно сомневаться, что подобный ход мыслей должен был облегчить грехопадение германской социал-демократии 4 августа 1914 года, когда она решила голосовать за военные кредиты и провозгласила лозунг защиты буржуазного отечества от царской России, от «русского варварства» и т. п.¹

Внешняя политика царской России, вследствие ее растущей политической и экономической отсталости шла в фарватере западно-европейских капиталистических держав.

¹ Сталин, О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», журнал «Большевик», 1941, № 9.

Царизм оказался не в силах реализовать захватнические планы российских капиталистов и помещиков в отношении Константинополя и черноморских проливов.

В конце XIX — начале XX вв. район проливов становится объектом экспансии германского империализма, столкнувшегося здесь как с зорко охранявшей свои господствующие позиции на Ближнем Востоке Англией, так и с Россией, заинтересованной в том, чтобы контроль над проливами не попал в руки какой-либо конкурирующей великой державы.

Неоднократные попытки царской России изменить режим черноморских проливов в свою пользу систематически терпят крушение. Международно-правовой режим Босфора и Дарданелл, установленный лондонским договором 1871 года в ущерб безопасности черноморских государств сохранился без изменений, вплоть до окончания первой мировой войны.

II

Разразившийся в 1875—1878 гг. так называемый «восточный кризис» крайне обострил противоречия между великими державами и вновь выдвинул проблему международно-правового режима черноморских проливов¹.

Англия не желала допустить усиления русского влияния в Константинополе и проливах. Руководители английской внешней политики стремились сами завладеть ключами от Черного моря с тем, чтобы дамоклов меч английского вторжения всегда висел над черноморским побережьем России.

Австро-Венгрия, бывшая заклятым врагом национально-освободительного движения славянских народов, опасалась, что кризис разрешится образованием на Балканах крупного славянского государства, к которому будет тяготеть угнетенное славянское население австро-венгерской империи.

¹ Началом кризиса послужило вспыхнувшее летом 1875 года восстание христианского населения Боснии и Герцеговины против турецкого феодально-абсолютистского гнета и национально-религиозных притеснений. За событиями в Боснии и Герцеговине последовало восстание в Болгарии, зверски подавленное турецкими иррегулярными войсками. На защиту повстанцев выступили Сербия и Черногория, объявившие Турции войну. Волнение охватило весь Балканский полуостров. Росло возбуждение и в России. Несколько тысяч русских добровольцев вступило в ряды сербской армии. Из России шла обильная денежная помощь повстанцам.

Влиятельные круги в Австро-Венгрии предпочитали разрешить кризис «по своему», путем захвата населенных славянами Боснии и Герцеговины.

Германия плела сложную сеть интриг, направленных к тому, чтобы втравить Россию в конфликт на Ближнем Востоке. Германский канцлер Бисмарк не скупился при этом на заявления явно провокационного характера. В беседе с русским министром иностранных дел А. М. Горчаковым он сулил «предоставление в распоряжение России всего того влияния, каким Пруссия обладает на Востоке»¹.

В Петербурге, однако, хорошо разбирались в медоточивых обещаниях берлинской сирены. Горчаков как-то заметил, что Бисмарк напоминает ему «великого искусителя на горе» и весьма кстати вспомнил о схожих провокационных беседах Бисмарка с Наполеоном III в Биаррице, незадолго до франко-прусской войны.

Внешняя политика России во время восточного кризиса отличалась большой противоречивостью. В конкретных исторических условиях 70-х годов царское правительство не ставило перед собой в качестве ближайшей, непосредственной задачи захват Константинополя и Проливов, понимая, что это чревато европейской войной, к которой Россия не была подготовлена ни в военном, ни в экономическом отношении. Желания царизма в эту пору не шли далее изменения невыгодного для России статута Проливов.

Царское правительство весьма неохотно втягивалось в балканский конфликт. Но в то же время оно не могло допустить разгрома Сербии и Черногории, что повлекло бы за собой полную утрату Россией влияния на Балканах, не могло допустить усиления английских позиций в Константинополе и утверждения Англии на путях в Черное море.

Инспирированный английской дипломатией отказ Турции от предложенных «европейским концертом» реформ в восставших областях должен был рано или поздно вызвать активное выступление России. Но при такой перспективе необходимо было обеспечить фланг и тыл русских армий от удара со стороны Австро-Венгрии, заручиться ее дружественным нейтралитетом.

В июле 1876 года в Рейхштадтском замке в Богемии Александр II и Горчаков встретились с австрийским импе-

¹ Доклад А. М. Горчакова Александру II, «Красный Архив», 1922, № I, стр. 21.

ратором Францем-Иосифом и министром иностранных дел Андраши. На свидании в Рейхштадте Россия и Австро-Венгрия наметили общую линию поведения как в случае турецкой победы, так и в случае победы Сербии. Центральное место в русско-австрийском сговоре заняли территориальные вопросы. О судьбе проливов в Рейхштадтском соглашении говорилось косвенно. В неофициальной записи соглашения (официальных документов в Рейхштадте не подписывали) значилось, что «Константинополь мог бы стать вольным городом»¹. Аналогичную фразу мы встречаем в секретной русско-австрийской конвенции от 15 января 1877 г., предусматривавшей доброжелательный нейтралитет Австро-Венгрии в случае русско-турецкой войны. Статья III дополнительной конвенции указывала, что «Константинополь с прилегающей территорией, границы которой подлежат установлению, мог бы стать вольным городом»². Рейхштадтские собеседники не расшифровали, что скрывалось за этой весьма неопределенной, допускающей самые различные толкования формулой.

Примерно к этому же времени относится проект установления английского протектората над Константинополем, изложенный в письме английского премьера Биконсфильда (Дизраэли) к министру иностранных дел Дерби³. По плану Биконсфильда «Константинополь с соответствующим округом должен быть нейтрализован и превращен в свободный порт... под защитой Англии». Нет нужды доказывать, что реализация подобного проекта означала бы переход черноморских проливов под полный английский контроль.

В апреле 1877 года началась русско-турецкая война. С первых дней войны отношения между Англией и Россией стали крайне напряженными. В ноте от 6 мая 1877 г. английское правительство заявило, что оно не останется нейтральным, если Россия предпримет блокаду Суэцкого канала или нападет на Египет, а также в случае захвата Константинополя и изменения статуса проливов.

Ответ русского правительства был выдержан в самом примирительном тоне. Горчаков заверил английский каби-

¹ «Красный Архив», 1922, № 1, стр. 61.

² Текст Рейхштадтского соглашения. «Красный Архив», 1922, № I, стр. 37.

³ Monypenny W. T. and Buckle G. E., The Life of Benjamin Disraeli, earl of Beaconsfield, Vol. VI, p. 52, London—New-York, 1920.

нет, что Россия не помышляет ни нарушить судоходство в Суэцком канале, ни оккупировать Египет или захватить Константинополь, хотя возможно, что ход военных операций вынудит русское командование пойти на временное занятие турецкой столицы. Что же касается режима проливов, то этот вопрос по мнению России является общеевропейским и должен решаться по «общему соглашению, основанному на справедливости и действительных гарантиях»¹. Иными словами, Россия соглашалась идти по проторенной дорожке и передать вопросы, связанные со статутом проливов, на коллективное обсуждение и решение великих держав.

Желательные для России изменения в режиме проливов были сформулированы в записке поверенного в делах в Константинополе А. И. Нелидова. Записка Нелидова указывала, что ввиду незначительности русских военно-морских сил в Черном море, важно добиться свободного прохода через проливы военных кораблей, закупленных Россией за границей или сооруженных ею на своих северных верфях. Нелидов предлагал изложить постановление о проливах следующим образом:

«Проливы остаются закрытыми для иностранных военных судов. Прибрежные государства Черного моря имеют, однако, право просить султана о пропуске военных судов по одиночке».

Умеренный характер этого предложения бросается в глаза. Предоставление России таких минимальных прав, разумеется, еще не обеспечивало безопасности черноморского побережья и далеко не означало перехода проливов под русский контроль, как это изображалось английской пропагандой. К тому же царское правительство поспешило авансом заявить, что если другие державы не примут это предложение, то оно согласится на сохранение status quo в проливах.

Движение русских войск на Константинополь вызвало резко агрессивную акцию английского правительства. Английская средиземноморская эскадра, перебазирующаяся с первых дней войны в Безикскую бухту (у входа в Дарданеллы), прошла, несмотря на протест турецких властей, Дарданелльский пролив и 15 февраля 1878 г. вступила в Мраморное море, где бросила якорь у Принцевых островов. Тем самым английское правительство нарушило существую-

¹ С. Горяинов, Босфор и Дарданеллы, стр. 317.

щие подписанные им договоры, запрещающие проход военных кораблей через Проливы.

Тяжелая кампания 1877—1878 гг. закончилась полным разгромом турецкой армии. Русские войска перевалили через Балканские горы и подошли почти вплотную к Константинополю. Столкновение двух агрессивных сил — Англии и царской России казалось неизбежным.

«С 1878 года, — писал Ленин, — когда русские войска подходили к Константинополю и английский флот появился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в «Цареграде»... и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготавливая войну ее против России» — Англия была сильнейшим врагом России, потому что «Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»¹.

Царское правительство не решалось занять Константинополь. Мирный договор был подписан в местечке Сан-Стефано (в 12 верстах от Константинополя). По Сан-Стефанскому договору на Балканах образовывалось крупное болгарское государство, к которому отходила часть побережья Эгейского моря. Предоставлялась полная независимость Сербии, Румынии и Черногории. Россия получала г. Карс и уступленную по Парижскому трактату часть Бессарабии.

Статья 24 Сан-Стефанского договора предусматривала свободный проход через проливы торговых судов нейтральных государств как в мирное, так и в военное время, препятствуя, таким образом, блокаде черноморского побережья во время войны. О военных кораблях в Сан-Стефанском договоре не упоминалось даже в той скромной редакции, которая выдвигалась в записке Нелидова.

Сан-Стефанский договор не был осуществлен. По требованию Англии и Австрии и «совету» Германии условия мира были переданы на обсуждение европейского конгресса, собравшегося в Берлине в июне 1878 года. Русская дипломатия вынуждена была уступить. Еще до начала конгресса царское правительство достигло соглашения с Англией на основе сохранения status quo в проливах. Одновременно Англия добилась от Турции уступки острова Кипр, что еще больше усиливало английские позиции на подступах к проливам.

Берлинский конгресс продемонстрировал упадок между-

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 281—282.

народного влияния царской России, утрату ее прежней ведущей роли в европейской политике. Россию вынудили отказаться от многих плодов завоеванной дорогой ценой победы, в том числе и от статьи 24 Сан-Стефанского договора.

Статья 63 Берлинского договора от 13 июля 1878 г. — единственная статья, трактовавшая о проливах, — подтверждала условия Парижского трактата 1856 года и Лондонского договора 1871 года. Проливы попрежнему оставались закрытыми для военных кораблей всех держав, в том числе и черноморских, в ряд которых отныне вступали Румыния и Болгария. Черноморские державы оставались отстраненными от обороны входа в Черное море, их военные корабли не имели права прохода через проливы. Безопасность черноморских государств попрежнему находилась под угрозой вторжения иностранного флота в Черное море.

Опыт Крымской войны и «восточного кризиса» убедительно доказал, что нормы договоров, не подкрепленные эффективной обороной проливов, бессильны остановить агрессию, направленную против черноморского побережья.

Этот вывод подтверждается дискуссией, имевшей место на Берлинском конгрессе между английским и русским уполномоченными. В одном из заседаний конгресса английский делегат Сольсбери сделал по поручению своего правительства следующее заявление:

«Принимая во внимание, что Берлинский трактат изменит значительную часть соглашений, санкционированных Парижским трактатом 1856 года, и что толкование второй статьи Лондонского трактата также может быть предметом спора, я от имени Англии заявляю, что обязательства правительства ее величества по вопросу о закрытии проливов ограничиваются исключительно обязательством в отношении султана, уважать независимые решения по этому вопросу его величества, согласные с духом существующих трактатов»¹.

Новое толкование, выдвинутое английской делегацией, отрицало, таким образом, коллективный характер договоров о режиме проливов, видя в них лишь односторонние обязательства каждой державы в отдельности по отношению к Турции. Подобное толкование имело плохо скрытое агрессивное острие, ибо создавало возможность юридического обоснования вторжения в Проливы и Черное море. По смыслу английской декларации выходило, что Англия счи-

¹ Сборник «Проливы», М., 1923, стр. 46.

тает себя не ответственной перед другими участниками договора и связанной обязательством лишь по отношению к независимым решениям султана о закрытии проливов. Подобное толкование позволяло английскому правительству в любой момент объявить решения султана несамостоятельными и под этим предлогом послать свой флот в проливы.

Подлинный смысл английского толкования договоров о проливах был раскрыт тем же Сольсбери в 1885 году, когда Россия, по выражению Ленина, была «на волосок» от войны с Англией. «Значение этой оговорки, — разъяснил Сольсбери, — заключалось в том, что она предусматривала тот случай, когда султан под давлением обстоятельств перестанет действовать независимо и поддастся влиянию другой державы; в этом последнем случае Англия была бы свободна от всяких международных обязательств, заставляющих ее воздерживаться от прохода через Дарданеллы».

Иными словами Англия оставляла за собой право по собственному усмотрению нарушить подписанные ею договоры о режиме проливов и вторгнуться в Черное море. Это не мешало Англии в дальнейшем резко протестовать в тех редких случаях, когда с согласия турецкого правительства через проливы в мирное время проходили русские военные корабли (например, в 1902 году, когда Турция разрешила проход через проливы в Черное море 4 русских миноносцев из балтийской эскадры). Нельзя не согласиться с мнением Рене Пинона, что английский «Foreign office», «пользуясь принципами высшей справедливости и права, с неподражаемым мастерством выдавал за вечную истину то, что зачастую для него самого было не более, как временным средством для выхода из затруднительного положения».

На декларацию английского уполномоченного на Берлинском конгрессе последовал следующий ответ русской делегации:

«Уполномоченные России, не имея возможности дать себе ясный отчет относительно подлинного смысла предложений г. второго уполномоченного Великобритании по вопросу о закрытии проливов, ограничиваются со своей стороны просьбой о включении в протокол оговорки о том, что, по их мнению, принцип закрытия проливов есть принцип общеевропейский, и что условия, заключенные на этот счет в 1841, 1856 и 1871 гг., утвержденные в настоящее время Берлинским трактатом, обязательны для всех держав, и согласно духу и букве трактатов, должны быть соблюдаемы не

только в отношении султана, но и в отношении всех держав, подписавшихся под этими соглашениями».

Русская делегация, таким образом, рассматривала указанные договоры как коллективные обязательства, где каждый участник ответственен по отношению ко всем остальным участникам. Следует отметить, что до выступления Сольсбери эта точка зрения не оспаривалась ни одним из участников многосторонних договоров 1841, 1856 и 1871 гг.

Берлинский конгресс не вынес никаких решений по русско-английскому спору о толковании договоров. Позднее позиция русской делегации получила признание при возобновлении так называемого «союза трех императоров» (Россия, Германия и Австро-Венгрия) в 1881 году.

Статья 3 русско-германо-австрийского тайного договора 1881 года, продленного в 1884 г., гласила:

«Все три Двора признают европейское значение и взаимную обязательность принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами и формулированного в заявлении второго Полномочного Министра России в заседании Берлинского конгресса от 12 июля (протокол 19). Они будут сообща следить за тем, чтобы Турция не допускала исключения из этого правила в интересах какого бы то ни было правительства, предоставляя для военных операций воюющей державы часть своей империи, в которую входят проливы.

В случае нарушения этого условия или чтобы предотвратить таковое, если бы предвиделась возможность этого, все три двора предупредят Турцию, что она находится в состоянии войны со стороной, в ущерб которой это будет сделано, и что с этого момента она лишается преимуществ территориальной неприкосновенности, обеспеченной ей Берлинским трактатом»¹.

Аналогичная статья была включена в текст тайного русско-германского договора 1887 г. (известного в истории международных отношений под названием «договора перестраховки» или «договора с двойным дном»). По инициативе Бисмарка, стремившегося предотвратить назревавший франко-русский союз и отвлечь внимание России в сторону Ближнего Востока, к договору был приложен секретный протокол, по которому: «В случае, если бы его Величество Император Российский оказался вынужденным принять на

¹ «Красный Архив», 1922, № 1, стр. 131, 143.

себя защиту входа в Черное море, в целях ограждения интересов России, Германия обязуется соблюдать благожелательный нейтралитет и оказывать моральную и дипломатическую поддержку тем мерам, к каким Его Величество найдет необходимым прибегнуть для сохранения ключа к своей империи»¹.

Договоры 1881, 1884 и 1887 гг. давали России известную временную (срок действия каждого договора равнялся трем годам) гарантию против угрозы вторжения английского флота в Черное море. Практически ценность секретного протокола, коим Германия обещала оказать дипломатическую поддержку планам царизма в отношении проливов, была невелика.

Подписывая указанный протокол, Бисмарк в то же время содействовал организации так называемой Средиземноморской Антанты (в составе Англии, Австро-Венгрии и Италии), одной из основных целей которой являлось противодействие стремлению царизма к проливам.

Договор перестраховки по истечении трехлетнего срока действия не был перезаключен. В 90-х годах на Ближнем Востоке уже явно обозначается экспансия хищнического германского империализма, вступающего в борьбу со старыми претендентами на господство в проливах — царской Россией и империалистической Англией.

III

Правовое положение проливов после Берлинского конгресса не изменилось. Сохранялся принцип закрытия проливов для военных кораблей, как прибрежных, так и нечерноморских держав, с представлением Турции права открывать проливы в мирное время для военных кораблей «дружественных и союзных держав» в иллюзорных случаях необходимости обеспечить «исполнение парижского трактата 1856 года». Отдельные исключения из правила закрытия проливов не меняли общей картины².

¹ Секретное соглашение между Россией и Германией 1887 года, «Красный Архив», №1, стр. 151.

² В 1895 году в связи с обострением армянского вопроса державы получили разрешение ввести в Босфор по второму стационару. В 1897 году через проливы из Средиземного моря в Черное прошел румынский крейсер «Елизавета». С 1897 года получили разрешение на проход через проливы суда русского, так называемого «Добровольного флота». Много шума вызвал проход через проливы в 1902 году 4 русских контрминоносцев, переброшенных из Балтийского флота в

Основная внешнеполитическая установка царской России на Ближнем Востоке после Берлинского конгресса заключалась не столько в том, чтобы самой захватить проливы, сколько в том, чтобы не допустить утверждения в проливах другой великой державы.

Мы этим отнюдь не хотим сказать, что правящие классы царской России совершенно отказывались от своей давнишней цели — захвата Константинополя и «ключей» от Черного моря. Цель эта оставалась и попрежнему манила русских империалистов. Но конкретная политическая обстановка выдвигала на передний план задачи оборонительного характера — не допускать перехода контроля над проливами в руки нечерноморской великой державы, соблюдение принципа закрытия проливов для военных кораблей. Немалую роль в формировании такой установки играла также обозначавшаяся в 90-х годах активизация внешней политики царизма на Дальнем Востоке¹.

Большой интерес для уяснения позиции, занятой русской дипломатией в вопросе о режиме проливов, представляет относящаяся к 1905 году, записка члена Совета министерства иностранных дел, известного юриста-международника барона М. Таубе.

Черное море. Разрешение на проход через проливы было получено с большим трудом. Миноносцы проходили поодиночке, с промежутком в 24 часа, с них сняли вооружение, военный флаг заменили торговым. Русское посольство в Константинополе заверило, что разрешение Турции на проход этих кораблей будет рассматриваться как ни к чему не обязывающий акт вежливости по отношению к русскому государю, а не как прецедент для будущего. Англия заявила по поводу прохода русских миноносцев резкий протест, предупредив, что рассматривает этот случай как прецедент для прохода своих кораблей.

¹ Мы решительно не согласны с имеющей хождение в литературе концепцией, в силу которой царизм бросился на Дальний Восток в поисках... «ключей» от Черного моря. Эта странная концепция, выдвинутая в иностранной литературе в известной работе С. Фея «Происхождение мировой войны» была затем подхвачена М. Н. Покровским, и насколько нам известно, не опровергнута до сих пор.

По утверждению М. Н. Покровского, «Николай и его министры говорили «Порт-Артур» и думали в то же время «Константинополь» («Красный Архив», 1926, кн. 18, стр. 3). В свете этой концепции барометр царской дипломатии неизменно указывал на проливы, как бы не менялась международная политическая атмосфера. Подобное механическое подчинение дальневосточной политики царизма «генеральной» задаче захвата Константинополя и проливов является наглядным выражением той переоценки стремления царской России к Константинополю, о которой писал товарищ Сталин в известном отзыве на статью Энгельса.

Констатируя теоретическую неясность и практическую неудовлетворительность существующего режима проливов, Таубе выступает в то же время против открытия Босфора и Дарданелл, указывая, что изменение режима проливов в таком направлении создает возможность появления в Черном море вражеского флота, и тем внесет в международную политику опасный для России фактор. Открытие проливов могло бы быть признано выгодным только при соблюдении следующих условий: а) создания сильного черноморского флота, способного сохранить за Россией господство в Черном море; б) обязательства Турции не предоставлять иностранным государствам баз на побережье Черного и Мраморного морей и в Архипелаге; в) демилитаризации и нейтрализации проливов.

Но так как выполнение такой обширной военно-политической программы отложит открытие проливов, по выражению Таубе «*ad calendas graecas*» («до греческих коленд»), то благоразумнее — «добиться сохранения закрытия проливов с возможностью для нас, тем или другим способом выводить свои военные суда из Черного моря»¹.

Конечно, в правящих кругах царской России имелись и сторонники немедленного захвата проливов. Но не они определяли внешнеполитический курс. Особенно известен так называемый «нелидовский проект» (по имени его автора и вдохновителя — посла в Константинополе Нелидова) захвата проливов, принятый особым совещанием министров 5 декабря 1896 г. и опубликованный впоследствии в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте.

Необходимо отметить, что нелидовский проект захвата проливов родился в напряженной международной обстановке, созданной волнениями в Турции (обострение армянского вопроса) и появлением у Дарданелл мощной английской эскадры. Нависла угроза захвата проливов Англией. Но именно этого нельзя было допустить. «Вся торговля южной России, — указывал министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский, — не имея другого выхода, кроме проливов, окажется отданной на произвол Англии».

Насколько опасность захвата Англией считалась реальной не только в России, но и в Турции, видно из того, что по просьбе турецкого правительства русский генерал приезжал осматривать укрепления Дарданелл. Весьма интересен

¹ «Красный Архив», т. 61, стр. 135—140.

также тот факт, что в этот острый момент между Россией и Турцией начались переговоры о формальном соглашении для совместной обороны Дарданелл»¹.

Проект Нелидова не был осуществлен. Сказалась и технико-экономическая отсталость царской России и ее внешнеполитическая зависимость. Черноморский флот оказался неподготовленным для выполнения трудной задачи захвата проливов, а главное — союзник России — Франция высказала решительное неодобрение рискованному предпринятию царского правительства. Судьба нелидовского проекта была решена. Он был похоронен чуть ли ни на другой день после особого совещания. Царская дипломатия вернулась к тактике сохранения *status quo* в проливах.

В связи с русско-австрийским соглашением 1897 года, в котором проблема проливов была признана имеющей общеевропейское значение, министр иностранных дел России Муравьев заявил, как сообщало австро-венгерское правительство своему послу в Петербург, что российское правительство «отнюдь не стремясь к какому-либо изменению настоящего положения, санкционированного Парижским трактатом и Лондонской конвенцией, стремится, напротив, к полному сохранению соответствующих постановлений, всесторонне-удовлетворявших Россию, воспрещением, через закрытие проливов, доступа в Черное море иностранным военным судам»².

Русско-японская война показала, однако, что закрытие проливов далеко не «всесторонне удовлетворяет» интересы России, что режим, установленный Парижским трактатом 1856 года и Лондонским договором 1871 года, не соответствует новой обстановке, созданной прорытием Суэцкого канала и выступлением России в качестве тихоокеанской державы.

Дискриминационный характер международно-правового режима черноморских проливов сказался во время войны особенно сильно. В то время, как обладавшая самым могущественным флотом в мире Англия имела неограниченную возможность дислоцировать свои раскиданные почти по всем морям и океанам эскадры по своему усмотрению, соеди-

¹ В. Хвостов, Ближневосточный кризис 1895—1897 гг. «Историк-марксист», т. 13, стр. 22.

² Е. А. Адамов, Константинополь и проливы (в сборнике «Проливы»), М., 1923, стр. 75.

няя их в случае необходимости в мощный кулак, когда другая крупнейшая европейская морская держава — Франция могла при надобности соединить свои атлантическую и средиземноморскую эскадры, — Россия не имела возможности сочетать усилия балтийской и черноморской эскадр, ибо трактаты держали черноморскую эскадру взаперти, не позволяя ей выйти через проливы в открытое море.

Военные корабли Черноморского флота оставались безучастными свидетелями напряженной борьбы, происходившей между Россией и Японией в далеких водах Тихого океана, хотя черноморская эскадра, пройдя через проливы и Суэцкий канал, могла значительно быстрее, нежели балтийская эскадра адм. Рождественского (совершившая чуть ли не кругосветное путешествие), подоспеть на помощь Порт-Артуру.

Опыт русско-японской войны поставил русскую дипломатию перед необходимостью пересмотра преобладавшей в последнее десятилетие тактики сохранения status quo в международно-правовом режиме проливов. Этого властно требовали также интересы российской экономики.

С конца XIX в. русский хлебный экспорт направляется почти исключительно через проливы. В то время, как доля балтийских портов в хлебоэкспорте падает с 20,6% в 1896—1900 гг. до 10,7% в 1906—1910 гг., вывоз хлеба из черноморско-азовских портов возрастает за этот период с 4557 тысяч тонн до 7516 тысяч тонн. Через проливы прошло 87,2% всей экспортированной в 1901—1910 гг. пшеницы и почти весь экспорт ячменя.

Огромную роль играли проливы в экспорте русского угля и нефти, а также в вывозе сахара, спирта, стекла, жмыхов, шерсти, хлопчато-бумажных тканей и т. п., и в импорте машин, химических продуктов, металлов, хлопка, удобрений и пр. Вывоз промышленных товаров через Дарданеллы только из трех портов: Потти, Батуми и Николаева вырос в 559 тысяч тонн в 1906 году до 936 тысяч тонн в 1912 году¹.

Коренные перемены в расстановке главных империалистических держав, обусловленные нарастающим обострением англо-германских противоречий, казалось, позволяли рассчитывать на то, что Англия перед лицом германской экспансии на Ближнем Востоке займет более благоприятную пози-

¹ По данным М. Hoshiller, приведенным в сборнике «Проливы», М., 1923, стр. 63—64, 70—71.

цию в вопросе об изменении режима проливов к выгоде России.

Уже в 1907 году при заключении англо-русского соглашения, завершившего создание англо-русско-французской Антанты, русская дипломатия пыталась получить согласие Англии на проход русских военных кораблей через проливы в обоих направлениях. Договоренность по этому вопросу не была достигнута, но и обычного резкого противодействия со стороны Англии русская дипломатия при переговорах не встретила.

В 1908 году царизм предпринимает решительную попытку осуществить свои планы изменения международно-правового режима проливов. На свидании в замке Бухлау между русским министром иностранных дел Извольским и австро-венгерским министром Эренталем была достигнута следующая устная договоренность: Россия соглашалась на аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, взамен чего Австро-Венгрия обязывалась занять благоприятную и дружественную позицию в отношении пожеланий России об изменении юридического режима проливов:

Из Бухлау Извольский отправился в вояж по столицам европейских государств, везя с собой следующий проект изменения международно-правового режима проливов:

«1) Принцип закрытия проливов Дарданелльского и Босфора остается в силе. Исключение делается для военных судов прибрежных государств Черного моря. Из этого принципа равным образом исключены легкие военные суда, которые государства, подписавшие Парижский трактат, имеют право отправлять в устья Дуная и стационары, которые они держат в распоряжении своих посольств в Константинополе.

2) Пока Порты не будет находиться в состоянии войны, прибрежные державы Черного моря будут иметь возможность проводить без остановки через Дарданеллы и Босфор в обоих направлениях военные суда всех размеров и названий.

Специальный регламент установит технические условия этого прохода. Если нужды плавания заставят одно из этих судов остановиться, оно сможет бросить якорь: в Босфоре — только в Буюкелиманской или Бейкос-Буюкдерской бухтах, в Мраморном море — около Принцевых островов, в Дарданеллах — в Нагаре.

Однако оно не сможет там оставаться более трех дней, за исключением случаев аварии, которые требуют продолжительных починок для входа в доки.

Ни в коем случае переход от Черного моря до Эгейского моря не могут совершать более трех за раз военных судов одной и той же прибрежной державы. Русские стационары в Босфоре не включаются в это число.

Оттоманские власти должны быть предупреждены по меньшей мере за 24 часа о проходе каждого военного судна прибрежных государств, чтобы могли быть приняты меры для непрерывного транзита¹.

Проект Извольского был безусловно шагом вперед по сравнению с противоправным и неестественным режимом проливов, господствовавшим со времени Лондонских конвенций 1840—1841 гг. Важнейшей его стороной было принципиальное подчеркивание особой заинтересованности черноморских держав в режиме черноморских проливов. Практически проект Извольского страдал многими недостатками: он действовал только во время мира, ограничивал число проходящих через проливы военных кораблей черноморских держав, а главное, оставлял оборону проливов только в слабых руках Турции, не привлекая к защите входа в Черное море крупнейшую черноморскую державу — Россию.

Поездка Извольского закончилась полным провалом. В Берлине Извольскому ответили весьма туманно, что, мол, Германия возможно и не будет возражать против русских пожеланий, но потребует солидных компенсаций. О каких компенсациях шла речь — осталось неясным. В Италии к планам России отнеслись более благоприятно, но взамен потребовали согласия России на захват Триполи.

К моменту прибытия Извольского в Париж, Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины, что сразу осложнило международную обстановку и создало неблагоприятную атмосферу для обсуждения планов изменения статуса проливов.

Но самый тяжелый удар ждал Извольского в Лондоне. Английский министр иностранных дел Эдуард Грей заявил, что английское правительство «соглашается, что открытие проливов целесообразно и справедливо и принципиально оно не воспротивится ему», но при одном условии — открыть проливы... для всех государств без исключения, т. е.

¹ Материалы по истории франко-русских отношений. Сборник секретных дипломатических документов, М., 1922, стр. 529.

открыть английскому флоту доступ в Черное море. При этом Грей сослался на «неподготовленность английского общественного мнения» к одностороннему открытию проливов в пользу черноморских государств.

Фиаско Извольского было тем ощутительнее, что Австро-Венгрия, воспользовавшись соглашением в Бухлау, немедленно захватила Боснию и Герцеговину.

В кругах российской буржуазии неудачная дипломатия Извольского вызвала большое возбуждение. Внешняя политика царского правительства критиковалась на все лады. Лицемерный характер этой критики блестяще вскрыт В. И. Лениным в статье «События на Балканах и в Персии».

«Все буржуазные партии, — писал Ленин, — вплоть до самых либеральных и «демократичных» по названию, в том числе вплоть до наших кадетов — стоят на точке зрения капиталистической внешней политики... Либералы и партия к.-д. стоят по сути дела за то же соревнование капиталистических наций, подчеркивая лишь другие формы этого соревнования, чем у черной сотни, добываясь лишь иных международных соглашений, чем те, на которые опирается сейчас правительство. И эта либеральная борьба против одного вида внешней политики за другой вид такой же политики, эти либеральные попреки правительства за то, что оно отстает от других (в деле грабежа и вмешательства!) оказывают самое развращающее действие на массы»¹.

Новая попытка царской дипломатии добиться изменения юридического режима черноморских проливов связана с итало-турецкой войной 1911—1912 гг., вызванной, как писал Ленин, «Корыстью итальянских финансовых тузов и капиталистов»².

К войне за захват Триполитании итальянский империализм готовился исподволь, начиная еще с 90-х годов XIX в. Итальянская дипломатия поочередно заручилась благожелательным отношением всех великих держав к предстоящему захвату Триполи. С Россией Италия заключила соглашение в 1909 году в Раккониджи.

Соглашением в Раккониджи, заключенным в форме обмена нот между министрами иностранных дел Извольским и Титтони, Италия и Россия обязывались относиться благожелательно: первая — к русским интересам в вопросе о про-

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 364.

² Ленин, Соч., т. XXX, стр. 201.

ливах, вторая — к интересам Италии в Триполитании и Киренаике». Как писал российский военно-морской агент в Австро-Венгрии и Италии Бойль, «совершилась удивительная вещь — Италия пошла войной на Турцию с общего согласия Европы»¹.

Обострившаяся в связи с итало-турецкой войной международная обстановка была признана русской дипломатией удобной для новой попытки изменения юридического режима черноморских проливов. «Теперь представляется возможным, — доносил в Петербург посол в Константинополе Чарыков, — использовать выступление Италии для нового шага по пути соответствующего коренным русским интересам разрешения одного из старейших и значительнейших вопросов внешней русской политики — вопроса о проливах»².

И далее Чарыков развивает мысль о том, что поскольку со времени алжезирасской конференции в международное право внесено новое понятие «специальных интересов», то «совершенно ясно, что ни «специальные интересы» Франции в Марокко, ни Италии в Триполи не выдерживают никакого сравнения по своему значению со специальными интересами России в проливах».

Министерство иностранных дел поручило Чарыкову приступить к переговорам с Турцией об открытии проливов для русских военных кораблей «не придавая, однако, своему обращению к Порте характера резких и бесповоротных настояний»³. 12 октября 1911 г. Чарыков передал великому визирю в форме личного письма проект русско-турецкой декларации, четвертый пункт которой гласил:

«Российское правительство обязуется оказывать оттоманскому правительству действительную поддержку для сохранения нынешнего режима в проливах Босфор и Дарданеллы, распространяя упомянутую поддержку равным образом на прилегающие территории в случае, если этим последним будут угрожать иностранные военные силы.

С целью облегчить выполнение вышеуказанного условия, императорское оттоманское правительство обязуется со своей стороны не противодействовать прохождению русских

¹ Международные отношения в эпоху империализма, т. XVIII, № 560.

² Чарыков Нератову 30 сентября 1911 г. Международные отношения в эпоху империализма, т. XVIII, № 498.

³ Нератов Чарыкову, 7 октября 1911 г. Международные отношения в эпоху империализма, т. XVIII, № 550.

военных судов через проливы, при условии, что эти суда не будут останавливаться в водах проливов, если это не будет особо обусловлено.

Применение такого толкования конвенции, заключенной в Лондоне 13/1 марта 1871 г., остается подчиненным предварительному согласию других держав, подписавших упомянутую конвенцию»¹.

В устном объяснении с великим визирем Чарыков особенно подчеркнул необходимость совместной обороны черноморских проливов как с точки зрения безопасности русского черноморского побережья, так и с точки зрения турецких интересов. «Если рядом с турецкой эскадрой станет русская эскадра — указал посол — и если русские минные и иные военные техники помогут турецким техникам оборонять проливы, то через них никто не пройдет»² (подчеркнуто в подлиннике. — Б. Д.).

Одновременно с демаршем в Константинополе царская дипломатия зондирует почву в столицах крупнейших держав для выяснения их отношений к предполагаемому изменению статута проливов. Дипломатическая разведка принесла однако неутешительные сведения. Выяснилось, что ни одна держава не склонна оказать активное содействие проектам России, предпочитая отделяться малозначащими фразами о «понимании» и «сочувствии». Что же касается Англии, то английский министр иностранных дел Э. Грей заявил, что он вообще считает момент, выбранный Россией для возбуждения вопроса о пересмотре режима проливов, «несвоевременным» и что английское правительство стоит попрежнему на позиции 1908 года — если уж открывать проливы, то для всех без исключения держав.

Но подобный вариант был еще более невыгоден для России, нежели существовавший режим проливов. Российский морской генеральный штаб прямо указывал в своем «мнении по вопросу о проливах» от 20 июля 1911 года, что в случае открытия проливов «Черное море делается объектом не

¹ Ч а р ы к о в — великому визирю Саиду-паше, 12 октября 1911 г. Международные отношения в эпоху империализма, т. XVIII, № 602. Последний абзац декларации был впоследствии, при начале официальных переговоров, изменен Чарыковым и гласил, что оба правительства «доведут до сведения других держав, подписавших Лондонский трактат, о состоявшемся между ними соглашении», Международные отношения в эпоху империализма, т. XIX, № 124.

² Международные отношения в эпоху империализма, т. XVIII, № 629.

только торгового, но и политического соперничества народов. Иностранные державы получают возможность еще в мирное время подготавливать свои будущие морские операции посредством устройства баз в Румынии и Анатолии. Наконец, появление неприятельской эскадры в Черном море до объявления войны лишит нас возможности использовать защиту босфорской узкости с моря, заградив ее минными заграждениями... Все перечисленные последствия составляют отрицательную для нас сторону открытия проливов в стратегическом отношении; принимая же во внимание весьма вероятное требование компенсаций со стороны иностранных держав, в случае нашей инициативы возбуждения вопроса об открытии проливов, этот важный шаг может оказаться полезным более нашим противникам, чем нам»¹.

Царизму пришлось бить отбой. 9 декабря 1911 г. министр иностранных дел Сазонов дал интервью редактору газеты «Matin», в котором заявил следующее: «Вопроса о Дарданеллах», о котором каждый день всюду печатают, не существует. В самом деле «вопрос» в дипломатическом смысле предполагает просьбу, формулированную правительством, а также предпринятые шаги и переговоры, но Россия ни о чем не просит, не начинала никаких переговоров, не пыталась предпринимать никакого шага. Дарданеллы, это дверь — дверь несколько узкая, через которую проходит вся торговля южной России. В первую очередь важно, чтобы эта дверь осталась открытой»².

Демаршу Чарыкова придали характер личного выступления. Чарыкова вскоре отозвали из Константинополя. Новая попытка царизма добиться изменения статута проливов окончилась очередным провалом.

Итало-турецкая война показала, что не только безопасность черноморского побережья, но и свободу торгового судоходства через проливы, провозглашенную еще Аккерманской конвенцией и Адрианопольским договором, отнюдь нельзя считать обеспеченной.

18 апреля 1912 г. итальянский флот бомбардировал Дарданеллы. В тот же день турецкое правительство объявило о полном закрытии Дарданелльского пролива для ино-

¹ Международные отношения в эпоху империализма, т. XVIII, стр. 231.

² Международные отношения в эпоху империализма, т. XIX, стр. 186.

странных судов. Торговое судоходство через проливы оказалось совершенно парализованным.

Возник вопрос о законности закрытия проливов для торговых судов нейтральных держав с точки зрения существующих трактатов и международного права.

Как известно, статья III Лондонского договора 1871 года установила, что «Черное море остается попрежнему открытым для торгового мореплавания всех народов». Договор не уточнял, действует ли принцип открытия проливов для торговых кораблей в военное время, когда одной из воюющих стран является Турция. Правда, статья XVIII Лондонской декларации 1909 года о праве морской войны указывала, что блокирующие силы не должны преграждать доступ к нейтральным портам и берегам, но поскольку Турция не подписывала указанную декларацию, она не была связана ее постановлениями.

Точка зрения русского правительства, доведенная им до сведения великих держав еще в ноябре 1911 года, заключалась в том, что право прохода через проливы торговых кораблей нейтральных государств предусмотрено статьей III Лондонского договора 1871 года и что всякая мера, препятствующая осуществлению этого права, наносит ущерб интересам нейтральных государств.

Закрытие проливов для торгового судоходства вызвало протест России. В заявлении от 20 апреля 1912 г. обращалось «серьезное внимание Порты на несоответствие обеспеченного трактатами права свободной нейтральной торговли как в мирное, так и в военное время с изданным ею распоряжением о полном запрете прохода иностранных судов через Дарданеллы». В заявлении выражалась уверенность, что Порта немедленно откроет проливы и обеспечит свободу прохода Дарданелл. «В противном случае неминуемо возникнет вопрос о возмещении материальных убытков за задержку торговли, для Турции очевидно нежелательный»¹.

В ответной «памятной записке» на имя российского посла М. Гирса, турецкое правительство иностранных дел указывало, что, закрывая проливы, турецкое правительство действовало «помимо своего желания» и «лишь воспользовалось своим правом законной самозащиты». Турецкое правительство отрицало, что закрытие пролива, дающего до-

¹ Международные отношения в эпоху империализма, т. XIX, № 789.

ступ к столице, противоречит договорам и возлагало ответственность на Италию, флот которой совершил нападение на проливы. «Если бы имелось правовое основание требовать возмещения за убытки, нанесенные торговле нейтральных стран, то это возмещение должно было бы быть возложено на итальянское правительство». В заключение турецкое правительство выражало сожаление в том, что оно вынуждено было прибегнуть к закрытию Дарданелл, и сообщало, что «пролив будет открыт для навигации нейтральных стран на условиях, предшествовавших его полному закрытию, как только обстоятельства позволят сделать это без риска»¹.

1 мая 1912 г. вербальная нота турецкого министерства иностранных дел известила представителей иностранных государств об открытии проливов для нейтральной навигации. В ноте указывалось, что турецкое правительство сохраняет за собой право полностью закрыть проливы, как только в этом почувствуется надобность².

Проливы были закрыты с 18 апреля до 1 мая 1912 г. Но даже такой относительно небольшой срок прекращения судоходства через проливы причинил значительный ущерб русской экономике. Серьезные экономические осложнения закрытие проливов вызвало также в других черноморских странах. Председатель румынского совета министров Майореску сделал русскому поверенному в делах в Бухаресте следующее заявление: «Интересы маленькой Румынии вполне совпадают в этом вопросе с интересами великого соседа, и поэтому мы возлагаем свои надежды на достижение Россией восстановления водного торгового пути: через проливы»³.

События итало-турецкой войны выяснили, что не только стратегическая необходимость, но и мощные экономические интересы России, а также малых черноморских держав требуют изменения международно-правового положения проливов.

«Морская перевозка наших грузов, — докладывал вице-директор канцелярии м-ва иностранных дел Н. А. Базили, — вывозимых через Проливы, не может быть заменена

¹ Международные отношения в эпоху империализма, т. XIX, № 826.

² Международные отношения в эпоху империализма, т. XIX, № 845.

³ Международные отношения в эпоху империализма, т. XX, № 2, приложение 2.

сухопутным транзитом. Последний обходится в среднем в 25 раз дороже перевозки морем, вывоз же наш из Черного моря состоит из хлеба и вообще сырья, т. е. грузов, не держащихся высокого фрахта.

Первостепенная важность для нас торгового пути через Проливы явствует и из того, как тяжело отразилось на всей нашей экономической жизни даже временное закрытие их Турцией в 1912 году и 1913 году.

Причиненный нам этим ущерб исчисляется свыше 30 миллионов рублей за каждый месяц... торговый баланс России в 1912 году был на 100 миллионов менее в сравнении со средним активным сальдо за предыдущие три года. Причина этого усматривается в недостаточно удовлетворительной реализации урожая; затруднения в вывозе хлеба, помимо стихийных причин, произошли вследствие временного закрытия Дарданелл для торговых судов. Примером того, как глубоко затрагивает нашу экономическую жизнь всякий перерыв движения через проливы, может служить вызванное этим повышение весной 1913 года государственным банком учета на $\frac{1}{2}\%$ для трехмесячных векселей...

Свобода морского торгового пути из Черного моря в Средиземное и обратно является, таким образом, необходимым условием правильной экономической жизни России и дальнейшего развития ее благосостояния...

...С экономической точки зрения целью нашей в отношении Проливов должно поэтому быть установление гарантий беспрепятственного пользования этим морским путем для нашей торговли.

Гарантии эти должны быть реальными. Одни юридические обеспечения не могут здесь быть достаточными. Они имели бы значение лишь на время мира. В случае же войны действительность их зависела бы от ограждения их силою. Без санкции гарантии эти не могут поэтому иметь цены»¹.

Стратегическая и экономическая уязвимость юга России с еще большей остротой дала себя знать во время балканских войн 1912—1913 гг.

Первая балканская война 1912 года, в которой Болгария, Сербия, Черногория и Греция выступили против Турции, открыла, по словам Ленина, новую главу всемирной истории.

¹ Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Изд. НКВД, М., 1925, т. 1, стр. 157—158.

За воюющими государствами стояли мощные империалистические силы, готовившиеся к решительной схватке за передел мира. Когда в ходе первой балканской войны с полной очевидностью обнаружилась военная слабость Турции, быстро потерпевшей сокрушительное поражение, Германия и Австро-Венгрия, вначале делавшие ставку на победу Турции, совершили крутой поворот и от поддержки Турции неожиданно перешли к поддержке Болгарии. Германия и Австро-Венгрия при этом рассчитывали, что германофильские настроения правящей верхушки Болгарии, на троне которой сидел немец Фердинанд Кобургский, позволят впрямь Болгарию в колесницу германского империализма, вопреки воле болгарского народа. Германо-австрийская дипломатия полагала одним ударом убить двух зайцев: внести раскол в ряды балканского блока — этого детища русской дипломатии, и утвердиться в проливах, к берегам которых стремительно продвигалась болгарская армия.

В этих условиях перспектива занятия Константинополя болгарскими войсками не могла не вызвать большого беспокойства в правящих кругах царской России. Предложение Англии нейтрализовать проливы и превратить Константинополь в свободный порт под международным контролем также не отвечало установке русской дипломатии — не допускать иностранного контроля над входом в Черное море. «Проливы в руках сильного государства — писал министр иностранных дел С. Д. Сазонов, — это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству»¹.

После неудачных попыток удержать Болгарию от дальнейшего наступления на Константинополь, русское правительство заявило, что занятие Константинополя повлечет за собой «одновременное появление в турецкой столице всего нашего черноморского флота», который «останется столько же времени, сколько продлится оккупация турецкой столицы»².

Упорное сопротивление турецких войск на Чатаджинских позициях временно приостановило болгарское наступление, однако, тревожная ситуация в районе проливов возникла еще не раз во время двух балканских войн. Натиск

¹ «Красный Архив», т. I, стр. 71.

² Архив Внешней Политики Д. П. А., № 3700, цитировано по «книге Могиневича и Айрапамяна — На путях к мировой войне, стр. 119.

на проливы шел и со стороны Греции, заявившей притязания на острова Лемнос, Тенедос, Имброс и Самофракию — важнейшие стратегические пункты у входа в Дарданеллы.

Балканские войны не отразились непосредственно на юридическом режиме черноморских проливов. Проблема проливов осталась неразрешенной, как и целый ряд других вопросов, вызванных войной.

В результате войн 1912—1913 гг. на Балканах произошла значительная перегруппировка сил.

Антинациональная политика болгарских правящих кругов привела Болгарию, потерпевшую во второй балканской войне жестокое поражение от своих бывших союзников, в германо-австрийский лагерь. Значительно усилились Сербия и Черногория, прочно занявшие место в рядах англо-русско-французской Антанты. Крайне ослабленная, в результате балканских войн, Турция еще больше впала в зависимость от хищнического германского империализма.

Германская экспансия в Турции, развернувшаяся еще в конце XIX в.¹, нашла яркое выражение в эпизоде, связанном с появлением в Константинополе осенью 1913 года германской военной миссии и назначением ее главы генерала Лимана фон Сандерса командующим турецким армейским корпусом, дислоцированным в Константинополе и районах, прилегающих к Босфору и Дарданеллам. Это назначение

¹ Еще в 1882 году в Турцию прибыла для обучения и реорганизации турецкой армии группа германских военных инструкторов во главе с генералом фон дер Гольцем. В 1887 году началось проникновение в Турцию германского финансового капитала. В этом году «Дейче Банк» приобрел железнодорожную линию Измид-Гайдар-паша вдоль азиатского побережья Мраморного моря и получил концессию на строительство ж.-д. линии Измид-Кония. В 1893 году созданное немецкими капиталистами общество Анатолийских железных дорог приобрело концессию на постройку дороги Эскишехир-Кония. Особенно усилилась экспансия германского финансового капитала после путешествия на Ближний Восток кайзера Вильгельма II в 1898 году. Германский империализм добился от Турции концессии на сооружение грандиозной Багдадской жел. дор. по трассе Кония—Багдад—Басра, что давало Германии выход к Персидскому заливу. Германское железнодорожное строительство, нацеленное на установление германского господства в закабаленной Турции, непосредственно угрожало не только экономическим, но и стратегическим позициям России и Англии. В 1900 году Россия добилась соглашения с Турцией, по которому турецкое правительство обязывалось не предоставлять иностранным компаниям концессий на железнодорожное строительство в зонах, прилегающих к Черному морю и кавказской границе. Вокруг строительства Багдадской железной дороги особенно ожесточенная борьба разгорелась между Германией и Англией.

отдавало военный контроль над Проливами в немецкие руки. Протест российского посла в Берлине, а также личные переговоры премьер-министра Коковцева с кайзером ни к чему не привели.

13 декабря 1913 г. дипломатические представители России, Англии и Франции вручили турецкому правительству ноту, в которой указывалось, что германский генерал облечен беспрецедентной военной властью. «Мы полагаем, — говорилось в ноте, — что Порта не предприняла бы чего-либо, что могло бы нанести ущерб независимости Османского правительства, и что его власть над Проливами и Константинополем остается неприкосновенной»¹.

Турецкое правительство под влиянием германской дипломатии отклонило ноту союзных держав. Конфликт был в конце концов в январе 1914 года улажен на основе компромисса. Лиман фон Сандерс вместо непосредственного командования первым армейским корпусом, был назначен генерал-инспектором турецкой армии. Существо дела от этого мало менялось. Как писал русский посол в Берлине Свербеев министру иностранных дел Сазонову, «Устранение генерала от командования первым корпусом является лишь уступкой формальной, отнюдь не лишающей последнего решающего его влияния на военные дела в Турции»².

Конфликт, вызванный миссией Лимана фон Сандерса, продемонстрировал необычайную напряженность международной политической атмосферы. Противоречия между крупнейшими империалистическими державами обострились до предела.

«Рост империализма в Европе, — писал товарищ Сталин в 1913 году, — не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвётся в чужие страны, ища новых рынков, дешёвых рабочих, новых точек приложения. Но это ведёт к внешним осложнениям и войне. Никто не может сказать, что Балканская война является концом, а не началом осложнений»³.

Гениальное предвидение товарища Сталина полностью подтвердилось. В августе 1914 года началась первая мировая война, в результате которой рухнул установленный Па-

¹ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг., изд. НКВД, М., 1922, стр. 660.

² Там же, стр. 690.

³ Сталин, Соч., т. 2, стр. 360.

рижским трактатом 1856 года и Лондонским договором 1871 года международно-правовой режим черноморских проливов.

IV

Империалистическая война 1914—1918 гг. возникла в результате кризиса капиталистической системы мирового хозяйства. «Дело в том, что неравномерность развития капиталистических стран обычно приводит с течением времени к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма, причем та группа капиталистических стран, которая считает себя менее обеспеченной сырьем и рынками сбыта, обычно делает попытки изменить положение и переделить «сферы влияния» в свою пользу — путем применения вооруженной силы. В результате этого возникают раскол капиталистического мира на два враждебных лагеря и война между ними»¹.

В войне 1914—1918 гг. столкнулись два враждебных империалистических блока, во главе которых стояли Англия и Германия. Лагерю Антанты — союзу Англии, Франции и России противостоял германо-австро-венгерский союз, которому в ходе войны удалось привлечь на свою сторону Турцию и Болгарию.

«Эта грабительская война за передел мира затрагивала интересы всех империалистических стран, и поэтому в нее оказались в дальнейшем втянутыми Япония, Соединенные Штаты Америки и ряд других государств.

Война стала мировой»².

2 августа 1914 г., на другой день после объявления Германией войны России, между Германией и Турцией был заключен союзный договор. Однако плохо подготовленная к войне Турция не решилась немедленно начать военные действия и объявила о своем нейтралитете. Более того, чтобы замаскировать свой военный союз с Германией, турецкое правительство начало переговоры с представителями России о заключении союза против... Германии.

Но уже через несколько дней истинные намерения Турции стали очевидными для всего мира. Германские крейсера «Гебен» и «Бреслау», которых начало войны застигло в районе Танжера, ускользнули от многочисленных англий-

¹ Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., стр. 6.

² История ВКП(б), Краткий курс, стр. 155.

ских и французских кораблей в Средиземном море и 10 августа 1914 г. прошли через Дарданеллы в Мраморное море¹.

Открывая Дарданеллы для прохода германских крейсеров, турецкое правительство явно нарушало юридический режим проливов, установленный договорами 1856 и 1871 гг. Неправомерность действий Турции была тем более значительной, что проход германских военных кораблей через проливы имел место во время войны, в которой участвовала держава — обладательница указанных кораблей.

Для того, чтобы затушевать нарушение международного права, турецкое правительство объявило, что Германия якобы продала ему указанные военные корабли. Однако фиктивный характер сделки не вызывал сомнений, тем более, что турецкое правительство, несмотря на настояния союзников, отнюдь не торопилось ни интернировать, ни выслать германский экипаж крейсеров.

Прибытие «Гибена» и «Бреслау» резко изменило соотношение сил в Черном море. В турецком правительстве окончательно взяла верх германофильская группировка во главе с Энвер-пашой.

27 сентября 1914 г. Турция объявила о закрытии проливов для торговых кораблей. Со времени итало-турецкой войны 1911—1912 гг. и балканских войн 1912—1913 гг. — это был уже третий случай закрытия проливов. Однако закрытие проливов в сентябре 1914 года существенно отличалось от аналогичных мер, предпринятых турецким правительством в предыдущие годы. В 1912 и 1913 гг. Турция являлась воюющей стороной. В сентябре 1914 г. Турция в войне еще не участвовала и юридически находилась в состоянии нейтралитета. В этих условиях закрытие проливов, лишавшее Россию важнейших морских коммуникаций, являлось актом, сугубо враждебным России и ее союзникам, противоречащим международному праву и формально-нейтральной позиции Турции, нарушением международных договоров о режиме проливов.

29 октября 1914 г. Турция, без объявления войны, открыла военные действия против России. Турецкий флот под

¹ Британское адмиралтейство, во главе которого в то время стоял Уинстон Черчилль, никогда не смогло впоследствии членораздельно разъяснить загадочную и темную историю ухода «Гибена» и «Бреслау» в Дарданеллы под самым носом господствовавшего в Средиземном море английского флота.

командованием германского адмирала Сушона, имея в своем составе германские крейсера «Гебен» и «Бреслау», бомбардировал Одессу, Севастополь, Феодосию и Новороссийск. В ответ на это провокационное выступление Россия — 2 ноября, Англия — 5 ноября и Франция — 6 ноября объявили войну Турции.

Если нужны были новые неопровержимые доказательства необходимости изменения юридического режима проливов, то пропуск германских крейсеров через Дарданеллы, закрытие проливов в сентябре 1914 года и, наконец, вероломное нападение германо-турецкого флота на черноморское побережье России дали их в достаточном количестве.

Вопрос о новом режиме проливов стал предметом важнейших переговоров между правительствами России, Англии и Франции. Еще 11 августа 1914 г. французский министр иностранных дел Думерг в беседе с российским послом в Париже Извольским указал, что при ликвидации войны вопрос о проливах можно разрешить согласно видам России¹. Однако в разработанной русским министром иностранных дел Сазоновым программой будущего мирного урегулирования, сообщенной им послам Англии и Франции 14 сентября 1914 г., вопрос о режиме проливов еще не ставился.

Явно враждебная позиция Турции, прервавшей в сентябре морскую связь между Россией и ее союзниками, крайне обострила проблему проливов. 25 и 26 сентября 1914 г. министры Кривошеин и Сазонов, в беседах с послами Франции и Англии, ставят вопрос о свободе проливов для русского флота. В качестве гарантии свободы проливов Сазонов выдвинул следующие предложения — демилитаризацию Дарданелл, осуществление надзора в Дарданеллах и Мраморном море комиссией, располагающей морской силой, и предоставление России станции при входе во внутреннюю часть Босфора². При этом Сазонов решительно выступил против предложений о нейтрализации Константинополя по типу Танжера, заявив, что Константинополь должен остаться в руках Турции.

Характерно, что примерно в те же дни английский министр иностранных дел Грей выдвинул откровенную программу раздела Турции и уничтожения ее как суверенного

¹ Международные отношения в эпоху империализма, т. VI, № 65.

² Константинополь и проливы, т. I, стр. 223—224.

государства. Русскому послу в Лондоне Грей заявил, что если Турция «выступит против нас, она должна перестать существовать, что вызывает изменение статуса Египта»¹. Иными словами, Грей сделал заявку на аннексию Египта. 18 декабря 1914 г. Англия заявила об установлении своего протектората над Египтом.

Известно, какую огромную роль сыграла Россия в мировой войне 1914—1918 гг. В течение почти четырех лет войны Россия, сражаясь на трех фронтах, приковывала к себе почти всю австро-венгерскую и турецкую и значительную часть германской армий. Плохо вооруженные русские войска отбивали самые тяжелые удары германо-австрийских полчищ, нередко жертвуя собой для спасения союзников. Знаменитый германский «план Шлиффена», предусматривавший молниеносный разгром французской армии, потерпел крушение благодаря наступлению еще не закончившей мобилизацию русской армии в Восточную Пруссию. Ценой тяжелых жертв русские войска спасли англо-французскую армию от разгрома. Замечательное наступление русских войск в 1916 году привело Австро-Венгрию на грань катастрофы и спасло терпевшую одно поражение за другим итальянскую армию. В то же время союзники, как правило, оставались безучастными свидетелями германских наступательных операций на Восточном фронте, почти ничего не предпринимая для того, чтобы облегчить положение русской армии, терпевшей из-за отсталости дореволюционной русской экономики жестокий недостаток в вооружении и боеприпасах.

В этих условиях англо-французская дипломатия, в целях стимулирования военных усилий России, не скупилась на широкие обещания в столь важном для жизненных интересов России вопросе, как вопрос о будущем статусе Проливов.

Вот краткая сводка заявлений, сделанных по этому вопросу официальными представителями английского правительства².

9 ноября 1914 г. — английский министр иностранных дел Э. Грей, поздравив российского посла в Лондоне с успехами русского оружия, заявил ему, что судьба проливов и Константинополя не может быть решена на этот раз иначе как сообразно с «выгодами» России.

¹ Международные отношения в эпоху империализма, т. VI, № 329.

² По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел, опубликованным в сборниках «Константинополь и проливы» и «Международные отношения в эпоху империализма».

10 ноября 1914 г. Грей телеграммой на имя английского посла в Петрограде Бьюкенена сообщает, что «Вопрос об Имбросе и Тенедосе (острова в Эгейском море, господствующие над входом в Дарданеллы. — Б. Д.) касается проливов, и я признаю, что русские интересы и пожелания должны быть приняты во внимание: я не сделаю никакого предложения без согласия российского правительства». Содержание указанной телеграммы сообщено Сазонову «памятной запиской» великобританского посольства 12 ноября 1914 г.

13 ноября 1914 г. — русский посол в Лондоне А. Бенкендорф телеграфирует Сазонову, что во время аудиенции у английского короля последний неожиданно заявил ему: «Что касается Константинополя, то ясно, что он должен быть вашим».

14 ноября 1914 г. — памятная записка великобританского посольства в Петрограде министру иностранных дел Сазонову сообщает, что «Сэр Эдуард Грей полагает, что поведение турецкого правительства сделало неизбежным решение турецкого вопроса во всем его объеме, включая вопрос о Проливах и Константинополе, в согласии с Россией».

22 ноября 1914 г. — Грей сообщает в Париж, что он «высказался подробнее» перед Сазоновым, не сговорившись с французским правительством, ибо «придавал значение устранению у российского правительства всякого подозрения в том, что при окончании войны, для успеха которой так много сделало русское оружие, мы будем колебаться в признании русских интересов в этом столь жизненном для него вопросе».

11 февраля 1915 г. — Грей подтверждает российскому послу в Лондоне, что «он не предполагает вносить никаких изменений в то, что им, Греем, было сказано о проливах; решение этого вопроса он считает в момент общих мирных переговоров необходимым для прочного мира».

3 марта 1915 г. — в беседе с российским послом Грей заявил, что «с начала войны он был поражен совершенно ненормальным явлением, чтобы такая огромная империя, как Россия, могла не иметь выхода к морю, кроме Архангельска и Владивостока; такое явление, по его мнению, не может далее продолжаться, и вопрос о Проливах должен быть разрешен сообразно нашим политическим и экономическим интересам, а соответствующая точная форма его решения будет найдена в эпоху мира».

В этой фазе переговоров английская дипломатия,

обильно расточая заверения о том, что проблема режима Проливов будет решена в соответствии с интересами России, избегает в то же время уточнения будущего политического и правового статуса Проливов. Характерно, что письменные заявления английских представителей по этому вопросу выдержаны в значительно более сдержанном тоне, нежели устные.

Двусмысленное заявление Грея в палате общин 25 февраля 1915 г. о том, что «точная форма», в которой осуществится стремление России к открытому морю, будет установлена условиями мира, позиция французского министра иностранных дел Делькассе, предлагавшего установление международного контроля над проливами и интернационализацию Константинополя, наконец, предпринятая англо-французским командованием в феврале 1915 года Дарданелльская экспедиция, грозившая передать проливы в руки Англии и Франции, — все эти события, взятые вместе и порознь, не могли не вызвать тревоги в России¹.

Перед русской дипломатией возникла задача — придать многочисленным заверениям и обещаниям английского и французского правительств ту «точную форму» международно-правового обязательства, которую Грей собирался искать только после окончания войны, заключить уже сейчас формальное соглашение о судьбе черноморских проливов.

4 марта 1915 г. правительствам Англии и Франции был сообщен следующий меморандум, разработанный министром иностранных дел С. Д. Сазоновым совместно с великобританским и французским послами.

«Ход последних событий приводит его величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России.

Всякое решение будет недостаточным и непрочным в

¹ О многом русская дипломатия не знала и могла только догадываться. Не знала она тогда, в частности, о письме, приготовленном У. Черчиллем для Грея, где Черчилль настаивая на привлечении Греции к Дарданелльской операции, уговаривал Грея быть «смелым и жестоким» по отношению к России. «Я так боюсь, — писал Черчилль, — что вы упустите Грецию, отдавая при этом все будущее в руки русских. Если Россия помешает участию Греции, я буду всеми силами противиться предоставлению ей Константинополя. Россия — это подорванная держава, опирающаяся только на нашу помощь...» (У. Черчилль, Мировой кризис). Русофобские уши Черчилля торчат из каждого слова этого наглого и высокомерного документа.

случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос-Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи.

Равным образом и ввиду стратегической необходимости, часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав империи.

Специальные интересы Франции и Великобритании в вышеупомянутом районе будут тщательно соблюдаться.

Императорское правительство льстит себя надеждой, что вышеприведенные соображения будут приняты сочувственно обоими союзными правительствами. Упомянутые союзные правительства могут быть уверены, что встретят со стороны императорского правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям оттоманской империи и иным местам»¹.

12 марта 1915 г. великобританское посольство сообщило о согласии правительства Великобритании на предложения России. «Памятная записка» (меморандум) великобританского посольства гласила:

«В случае, если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах, как то указано в нижеупоминаемом русском сообщении, правительство его величества согласится на изложенное в памятной записке императорского правительства относительно Константинополя и Проливов, текст коей был сообщен послу его величества его высокопревосходительством г. Сазоновым 19 февраля (4 марта) сего года»².

Во второй памятной записке великобританского посольства, датированной тем же числом, сообщались пожелания великобританского правительства о свободе торгового судоходства в проливах и об установлении в Константинополе свободного порта для транзита товаров, обмениваемых между нерусскими территориями. Вторая памятная записка.

¹ Константинополь и проливы, Сборник документов, т. I, стр. 252.

² Там же, стр. 271.

отмечала, также желательность сохранения соглашения в тайне.

Франция присоединилась к соглашению 10 апреля 1915 года. Вербальная нота французского посла на имя Сазонова сообщила о согласии французского правительства на русский меморандум от 4 марта 1915 г. «при условии, что война будет доведена до победного конца, и при условии осуществления Францией и Англией их планов на Востоке, равно как и в других местах, как это сказано в русской памятной записке»¹.

Италия, вступившая в войну на стороне Антанты лишь в 1915 г. присоединилась к соглашению 2 декабря 1916 г. (памятная записка министра иностранных дел Соннино российскому послу в Риме Гирсу). Одновременно произошел обмен нотами, подтверждающими русско-итальянское соглашение в Раккониджи 1909 года.

Таким образом, из семи держав, подписавших Парижский трактат 1856 года и Лондонский договор 1871 года о проливах, четыре — Россия, Англия, Франция и Италия выразили согласие на изменение юридического режима проливов, на основе русского меморандума от 4 марта 1915 г., который следует считать аутентичным текстом соглашения указанных держав по вопросу о Проливах. Что касается остальных трех участников договоров 1856 и 1871 гг., — Германии, Австрии и Турции, то их согласие на соответствующее изменение режима проливов, поскольку они находились во враждебном лагере, должно было последовать в результате мирных договоров.

Необходимо отметить, что в широкие захватнические планы Германии, стремившейся к мировому господству, входило и утверждение в черноморских проливах, огромное стратегическое значение которых было высоко оценено германскими империалистами. В течение всей первой мировой войны проливы были фактически изъяты из суверенитета Турции и находились в полном распоряжении германского командования. Немцы предполагали закрепить свое положение в Проливах и после войны, соответственно изменив юридический режим Босфора и Дарданелл.

В этом германским империалистам усиленно помогала германская социал-демократия, лидер которой Каутский лицемерно доказывал, что, мол, Турция не должна быть «вас-

¹ Константинополь и проливы, Сборник документов, т. I, стр. 295.

сальным государством», пытаюсь тем самым замаскировать закабаление Турции германским империализмом.

Предательский маневр каутскианцев блестяще разоблачен В. И. Лениным в статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». Ленин по поводу слов Каутского, что де «Турция не должна быть ничьим вассальным государством», писал:

«Если я говорю только это, видимость получается такая, будто я сторонник полной свободы Турции. Но на деле я повторяю лишь фразу, обычно произносимую и немецкими дипломатами, которые заведомо лгут и лицемерят, прикрывая этой фразой тот факт, что Германия сейчас превратила Турцию в своего и финансового и военного вассала! И если я — немецкий социалист, то германской дипломатии только выгодны мои «общие» фразы, ибо действительное значение их состоит в подкрашивании германского империализма»¹.

Но вернемся к дальнейшей судьбе русско-англо-французского соглашения 1915 года.

После падения царизма министр иностранных дел Временного правительства Милюков, заявив о верности Временного правительства международным обязательствам царизма, предложил русским дипломатическим представителям за границей запросить от правительств союзных держав подтверждения ими ранее заключенных с Россией соглашений.

Правительства союзных держав, озабоченные продолжением участия России в войне, вновь подтвердили соглашение 1915 года. Памятной запиской от 25 марта 1917 г. премьер и министр иностранных дел Франции Рибо заявил, что «правительство республики, равным образом, намерено соблюдать все соглашения, заключенные между Францией и Россией». 30 марта 1917 г. нота Бальфура сообщила, что английское правительство считает себя «столь же связанным договорами, обязательствами и соглашениями, как оно было ими связано во время их заключения»².

Как соглашение 1915 года, так и подтверждение этого соглашения в марте 1917 года прикрывали упорную борьбу, которая продолжалась между Россией и Англией по вопросу о режиме проливов. Совершенно бесспорна международно-

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 367.

² Константинополь и проливы т. I, стр. 473—476.

правовая сила соглашения 1915 г., но также очевидно и то, что заключая это соглашение, правящие классы Англии и Франции готовились при первом удобном случае отказаться от него. Последний царский министр иностранных дел Покровский доказывал поэтому в докладной записке 21 февраля 1917 г. необходимость фактического завладения проливами до начала мирных переговоров, ибо «нельзя ручаться за то, что среди теперешних союзников не произойдет переоценки политических отношений...»¹.

С гениальной прозорливостью В. И. Ленин разгадал как тайну русско-англо-французского соглашения, так и коварную дипломатию английского империализма.

«Между Россией и Англией, — писал Ленин в 1916 году, — несомненно, есть тайный договор, между прочим, о Константинополе. Известно, что Россия надеется получить его, и что Англия не хочет дать его, а если даст, то либо постарается затем отнять, либо обставит «уступку» условиями, направленными против России»².

Английским дипломатам и юристам не пришлось ломать голову над придумыванием условий, позволивших бы обратить договор 1915 г. против интересов России. Рожденное в огне социалистической революции Советское государство в первые же дни своего существования громогласно на весь мир объявило отказ от захватнической политики царского правительства и от всех тайных договоров, заключенных царским правительством с «союзниками» в том числе и от договора 1915 года.

¹ «Вестник НКВД», 1919, № 1, стр. 42.

² Ленин, Соч., т. XIX, стр. 282.

ГЛАВА VI

СССР И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ

I

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Освободив народы России от ярма помещичье-капиталистической эксплуатации, Октябрьская революция нанесла сокрушительный удар всесилию капитала. Мир раскололся на два противоположных лагеря: лагерь капитализма, охваченного тисками общего кризиса, и лагерь растущего, крепнущего и побеждающего социализма.

Советское государство, являясь олицетворением новых, высших форм общественной жизни, выступило с первых дней своего существования принципиальным, энергичным, настойчивым и последовательным защитником мира, свободы и независимости народов.

Ленинско-сталинская внешняя политика Советского государства — плоть от плоти его социальной, экономической и политической природы. Она определяется не конъюнктурными соображениями, а великими идеями строительства коммунистического общества. Ликвидировав классовое порабощение и национальный гнет внутри страны, избавив нашу Родину от тяжелой участи полуколонии западноевропейского и американского капитала, советская власть решительно и бесповоротно покончила с империалистической политикой царизма.

Борьба за прочный и устойчивый мир, основанный на международном сотрудничестве, безопасности и суверенном равенстве всех народов, являлась и является коренной задачей советской внешней политики. Возглавляемая большевистской партией последовательная и неутомимая борьба советского народа против империализма и реакции завое-

вала любовь и признательность честных людей во всем мире. Советский Союз стал центром сплочения всех сил, активно выступающих за свободу и безопасность больших и малых народов.

Подлинно-демократическая внешняя политика Советского государства встретила отчаянное сопротивление империалистических держав, бешеную злобу реакционеров всех мастей. Советская страна росла и закалялась в трудной борьбе с враждебным капиталистическим окружением. Империалисты неоднократно покушались на свободу и независимость нашей Родины. Мудрая, дальновидная политика Советского правительства и партии Ленина—Сталина, обеспечившая превращение нашей, некогда отсталой страны в могучую индустриальную державу, обрекла эти враждебные попытки на неизбежный и позорный провал.

Зорко и бдительно охраняя внешнюю безопасность нашей Родины, Советское государство во всех вопросах международной политики неизменно сохраняло верность провозглашенным еще в первые дни революции высоким принципам мира, свободы и безопасности народов.

Прогрессивный, демократический характер советской внешней политики легко проследить во всех внешнеполитических выступлениях Советского правительства, в том числе и в интересующем нас вопросе о международно-правовом режиме черноморских проливов.

Через все выступления Советского правительства по этому вопросу, начиная с отказа от тайных договоров царизма и кончая известными предложениями 1946 года об изменении юридического режима Проливов, красной нитью проходит забота о мире и обеспечении безопасности народов. С другой стороны, нетрудно убедиться, что силы империализма упорно пытаются использовать режим проливов для агрессии против оплота прогрессивного человечества — великого Советского Союза.

В этих условиях вопрос о международно-правовом режиме черноморских проливов приобрел исключительно важное значение. Ныне речь идет о том, будет ли режим проливов служить делу безопасности великой страны социализма и других демократических стран черноморского бассейна или же он вновь будет использован поджигателями войны в их бешеной борьбе против нашей Родины, против свободы и независимости демократических черноморских государств.

Советское социалистическое государство родилось с лозунгом всеобщего справедливого и демократического мира. В историческую ночь 25 октября 1917 г. Второй Всероссийский Съезд Советов принял написанное Лениным и Сталиным обращение ко всем воюющим народам и их правительствам. Советское правительство предложило начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире. Декрет о мире четко сформулировал основные принципы советской внешней политики, основанной на равноправии, свободе и национальной независимости всех народов.

Решительно порвав с империалистической политикой царизма, советское правительство провозгласило отказ от тайной дипломатии и порожденных ею договоров и соглашений. «Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным»¹. В соответствии с решением Второго Всероссийского съезда Советов, Советское правительство приступило к опубликованию в газете «Известия», а также в специальных сборниках Наркоминдела ряда тайных договоров, в том числе соглашения 1915 года о Константинополе и проливах.

Попытка империалистов замолчать мирную инициативу молодой Советской республики не увенчалась успехом. Провозглашенные Советским правительством новые демократические принципы внешней политики произвели огромное впечатление во всем мире. 15/28 ноября 1917 г. СНК РСФСР обратился к народам воюющих стран с призывом приступить к мирным переговорам. В обращении указывалось: «Рабочая и крестьянская революция уже предъявила свою программу мира. Мы опубликовали тайные договоры царя и буржуазии с союзниками и объявили эти договоры необязательными для русского народа. Мы предлагаем всем народам открыто заключить новый договор на началах соглашения и сотрудничества»².

¹ Декрет о мире, принятый на II съезде Советов. Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. I, № 2.

² Внешняя политика СССР, т. I, № 11.

Принципиально отличный от политики царизма и других империалистических правительств характер советской внешней политики был ярко изложен в обращении товарищей Ленина и Сталина ко всем трудящимся мусульманам России и Востока от 3 декабря (20 ноября) 1917 г.

«Мы заявляем, — говорилось в обращении, — что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель. Константинополь должен остаться в руках мусульман... Не от России и ее революционного Правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые ведут нынешнюю войну, из-за дележа ваших стран, от тех, которые превратили вашу родину в расширяемую и обижаемую свою «колонию»¹.

Ленинско-сталинская внешняя политика разоблачила захватнические, грабительские цели правящих классов воюющих стран, способствуя тем самым мобилизации многомиллионных масс трудящихся на борьбу против империализма.

Характерно, что мирные предложения Советской республики были враждебно встречены обоими воюющими лагерями. Германский империализм, накануне своего крушения, навязал Советской стране неслыханно тяжелые, угнетательские, хищнические условия мира. «Германские империалисты, — говорил Ленин, — пользуясь слабостью России, наступают нам коленом на грудь»².

Подписанный 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске мирный договор не затрагивал непосредственно вопроса о международно-правовом режиме Босфора и Дарданелл, но предусматривал возобновление торгового судоходства в Черном море. Военные корабли России должны были немедленно вернуться в русские гавани или подвергнуться разоружению. Военные суда Антанты, находящиеся в сфере русской власти, рассматривались при этом как русские суда.

Не довольствуясь кабальными условиями Брестского договора, германские империалистические хищники предприняли интервенцию, дабы ослабить и погубить советскую власть. В целях интервенции Германия использовала также

¹ Внешняя политика СССР, т. I, № 18.

² Ленин, Соч., т. XXII, стр. 280.

свое временное преобладание в Черном море. Германские подводные лодки, в явное нарушение мирного договора, блокировали гавань Новороссийск, что наряду с другими фактами интервенции вызвало в июне 1918 года протест советского полпреда в Берлине.

В предыдущей главе мы уже указывали, что международно-правовой режим проливов, установленный Парижским трактатом 1856 года и Лондонским договором 1871 года рухнул с момента вступления Турции в мировую войну. Во время мировой войны проливы фактически подчинялись контролю германского военного командования. Но германский империализм в конце концов «лопнул, оставляя страшнейшее зловоние» (Л е н и н). Еще раньше потерпели крах союзники Германии.

30 октября 1918 г. в Мудросской бухте на острове Лемнос, на борту английского корабля «Агамемнон» Турция заключила перемирие с государствами Антанты. Мудросское перемирие отдало Проливы под контроль английских и французских империалистов. Первая статья перемирия открывала вход в Черное море для военных кораблей союзников и устанавливала военную оккупацию Константинополя и проливов. Ст. 15 перемирия гласила: «Союзники имеют право занять Батум; Турция не сделает никаких возражений против оккупации Баку союзниками»¹. Господствующие позиции в Константинополе и проливах были поспешно заняты Англией, войска и флот которой находились поблизости от зоны проливов.

Установив в проливах режим военной оккупации, используя ничем не ограниченный доступ в Черное море, реакционные круги Антанты организовали открытую антисоветскую интервенцию на юге Советской России, оккупировали ряд важнейших черноморских портов, в том числе Одессу, Севастополь, Николаев, Херсон, Батуми. Наряду с этим империалисты оказывали широкую поддержку белогвардейским армиям Деникина и Врангеля. Через проливы в Новороссийск — главную базу снабжения Деникина направлялся обильный поток вооружения и боеприпасов. Не менее 250 тысяч ружей, сотни пушек и танков, огромное количество снарядов проследовало через Дарданеллы в адрес белогвардейских генералов.

¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях, ч. II, № 136, изд. НКВД, М., 1926.

Иностранная интервенция на юге России, ставшая возможной благодаря установлению англо-французского контроля в проливах, затянула гражданскую войну и окончательный разгром белогвардейщины. В результате интервенции и помощи, оказанной международным империализмом силам контрреволюции, погибли десятки тысяч советских граждан, а молодой Советской республике нанесен огромный материальный ущерб.

Советское правительство неоднократно резко протестовало против предпринятой государствами Антанты интервенции и помощи оказываемой белогвардейским генералам, решительно выступая против использования Проливов в антисоветских целях¹.

В ноте советского представителя в Лондоне Красина от 19 октября 1920 г. по поводу угрозы британского министра иностранных дел Керзона атаковать советские подводные лодки в случае появления их в Черном и Балтийском морях Советское правительство потребовало удаления из вод этих морей «военных судов всех тех наций, которые не имеют собственных владений на их берегах», а в радиограмме наркома иностранных дел РСФСР Чичерина от 13 ноября 1920 г. указывалось, что русское правительство отказывается понять, о каких британских интересах в Черном море идет речь в заявлении Керзона, поскольку «никаких британских

¹ Нота Украинского Советского правительства французскому министру иностранных дел Пишону от 6 февраля 1919 г., нота протеста против враждебных действий Франции на юге Украины от 25 февраля 1919 г., обращение к греческому министру иностранных дел Венизелосу с протестом против участия Греции в интервенции от 26 февраля 1919 г.; нота Пишону от 29 мая 1919 г. по поводу обстрела французским флотом Крымского побережья; обращение наркома иностранных дел к рабочим организациям Франции, Англии и Италии от 17 июля 1919 г.; протест по поводу враждебных действий Франции, Великобритании и Италии против советских республик Украины и Крыма от 30 июля 1919 г.; обмен телеграммами между наркомом иностранных дел РСФСР и министром иностранных дел Англии в связи с поддержкой, оказываемой Англией Врангелю от 11 апреля — 6 декабря 1920 г.; радиотелеграмма французскому министру иностранных дел Мильерану от 15 мая 1920 г. по поводу инцидента с французской канонеркой «Ла Скарп»; обмен нотами между британским министром иностранных дел и советским представителем в Лондоне по вопросу о подводных лодках 26 сентября — 13 ноября 1920 г.; обращение наркома иностранных дел к французскому правительству и французскому народу от 5 октября 1920 г.; обращение наркома иностранных дел от 18 ноября 1920 г. к рабочим стран Антанты в связи с посягательством Антанты на Батум.

владений, ни протекторатов не имеется на берегах Черного моря»¹.

Опыт иностранной интервенции на юге России убедительно продемонстрировал жизненную заинтересованность Советской страны в установлении такого режима черноморских проливов, который бы обеспечил безопасность южных рубежей нашей Родины.

Как известно, Советское государство решительно порвало с империалистической политикой царизма и отказалось от тайных договоров, заключенных царским правительством. Но провозглашенные Великой Октябрьской социалистической революцией демократические принципы советской внешней политики, основанной на суверенном равенстве, уважении национальной свободы и независимости всех народов, разумеется, отнюдь не означали ослабления внимания или игнорирования вопросов, связанных с жизненными интересами и безопасностью советского государства.

Советская страна не могла занимать безразличную позицию по отношению к столь важному для нее вопросу, как вопрос о международно-правовом режиме черноморских проливов — единственного входа в море, две трети побережья которого принадлежат советским республикам. «Наша ближневосточная политика, — указывал Ленин, — есть для нас дело самого реального и непосредственного жизненного интереса России и целого ряда федерированных с ней государств»². Борьба советского народа против империалистических посягательств на международно-правовой режим Проливов совпадала с интересами всех народов, нуждавшихся в прочном и длительном мире.

Между тем империалисты Антанты решили использовать временное ослабление Советской России для захвата господствующих позиций в Проливах и Черном море.

Со времени капитуляции Турции Константинополь и Проливы полностью подпали под английский контроль. Английские империалисты замыслили создание мощной стратегической системы, основанной на сосредоточении в руках Англии Гибралтара — Суэцкого канала — Босфора — Дарданелл, т. е. всех путей, соединяющих Средиземное море с другими морями и океанами. Такая система поставила бы все средиземноморские и черноморские государства в зави-

¹ Внешняя политика СССР, т. I, № 302.

² Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 313.

симось от английского империализма. Ситуация для осуществления этого плана была тем более благоприятной, что прежние, наиболее опасные соперники Англии — Германия и царская Россия вышли из строя, а обескровленная, разгромленная Турция, казалось, не могла и помышлять о сопротивлении.

Обсуждение проблемы Константинополя и черноморских проливов на Парижской мирной конференции выявило острые противоречия между великими державами, претендовавшими на лакомые куски турецкой территории. Особенно сильно сказывалось соперничество между Англией и Францией, ставшей в результате войны наиболее серьезным конкурентом британского империализма на Ближнем Востоке.

Английский план установления мандата великой державы (англичане имели в виду себя, хотя для отвода глаз предлагали также кандидатуру Соединенных Штатов) на Константинополь и зону проливов, с передачей Смирны, европейского берега Дарданелл и островов у входа в Дарданелльский пролив Греции — в то время верному клиенту британского империализма, — не отвечал политическим и экономическим интересам французской буржуазии. Франция, опасаясь, что господство Англии в проливах подорвет ее позиции на Ближнем Востоке, предпочитала оставить Константинополь в слабых турецких руках. Истинные мотивы французской позиции откровенно разъяснил официоз «Temps», писавший 1 января 1920 г., что «не все союзники одинаково сильны на море и это неравенство сил не может не выразиться в неравенстве прав и преимуществ». Английский план не устраивал также Италию, не желавшей усиления Греции в Средиземном море.

В многочисленных комитетах экспертов на Парижской мирной конференции обсуждались самые разнообразные варианты международно-правового режима проливов, но все они сходились в одном — ущемлении интересов наиболее заинтересованных в судьбе проливов черноморских держав, в особенности самой могущественной из них — Советской России. В сутолоке Парижской конференции всплыл даже совершенно абсурдный проект передачи зоны проливов... Дании и Бельгии¹.

Попытку представителей «верховного правителя России» Колчака напомнить союзникам соглашение 1915 г., по кото-

¹ Никольсон, Как делался мир в 1919 г., стр. 180.

рому Константинополь и проливы должны были перейти к России, дипломаты Антанты встретили с нескрываемым холодом.

По поводу этих попыток В. И. Ленин в речи на конференции красноармейцев Ходыньских лагерей 15 июля 1919 г. говорил:

«...как это ни курьезно, получены сведения, что князь Львов, бывший член Временного правительства Керенского, находящийся сейчас в Париже, потребовал от Антанты для России Константинополь и проливы, мотивируя тем, что Россия только ради них и воевала, — но на его наивное требование, конечно, ответили, что это было бы дано только старой сильной России¹.

Борьба империалистов вокруг статута Константинополя и проливов завершилась в общем победой английской точки зрения. 10 августа 1920 г. в г. Севре, вблизи Парижа, Великобритания, Франция, Италия, Япония, Армения, Бельгия, Греция, Геджас, Польша, Португалия, Румыния, Чехословакия и Югославия подписали мирный договор с правительством султана.

Севрский договор, состоявший из 433 статей и большого количества приложений, фактически ликвидировал Турцию, как суверенное государство, отняв у нее последние остатки политической и экономической независимости.

Территория Турции сокращалась почти в пять раз. Великие державы получили «мандаты» почти на все владения Турецкой империи. Турция отказывалась от своих прав на Месопотамию, Сирию, Палестину и Аравию формально в пользу арабского народа, но по существу в пользу империалистов, так как статья 22 Севрского договора признавала арабов неспособными к самоуправлению «в чрезвычайно тяжелых условиях современного мира». Статья 101 признавала протекторат Великобритании над Египтом. По статье 109 Турция отказывалась в пользу Великобритании от своих прав в отношении судоходства по Суэцкому каналу. Статьи 113 и 115 отдавали Англии Судан и остров Кипр. Статьи 118 и 120 признавали французский протекторат над Марокко и Тунисом. Статьи 121 и 122 отдавали Италии Ливию и острова Додеканезского архипелага.

Не довольствуясь этим неслыханным грабежом, Велико-

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 400.

британия, Франция и Италия, особым трактатом, подписанным одновременно с Севрским договором, разделили оставшуюся за Турцией территорию на «сферы влияния». Этот очередной разбойничий акт цинично объяснялся желанием «притти на помощь Турции, развить ее ресурсы и устранить международное соперничество», а также заботой об «охране интересов меньшинств расовых, религиозных и язычных». Сохранялся капитуляционный режим и целый ряд других сервитутов в пользу иностранных держав.

Согласно Севрскому договору Турция имела право содержать только военно-полицейские части (жандармский корпус) числом не более 50 тысяч человек. Турции запрещалось иметь военную авиацию. Ее флот сокращался до 7 канонерок и 6 миноносцев.

Западная и Восточная Фракия до линии, проходящей вблизи Чатаджи, острова Имброс и Тенедос, контролирующей вход в Дарданельский пролив, город Смирна с прилегающей областью отдавались Греции — верному вассалу английского империализма. Точно в насмешку, формально признавался турецкий суверенитет над Смирной, который согласно ст. 69 символизировался... «Оттоманским флагом, постоянно развевавшимся на одном из внешних фортов города».

Статья 36 договора оставляла Константинополь за султаном в качестве столицы турецкого государства, но союзники сохраняли за собой право пересмотреть это решение в случае невыполнения Турцией условий договора.

Севрский договор объявил свободным проход через проливы для военных и торговых кораблей всех государств как в мирное, так и в военное время. Проливы окружались нейтральной зоной, которую продолжали оккупировать союзные войска. Все укрепления в нейтральной зоне проливов и прилегающих к ней островах подлежали срытию.

Административный и политический контроль над соблюдением режима проливов, установленного Севрским договором, передавался международной комиссии, которая конструировалась из представителей Великобритании, США, Франции, Италии, Японии и России, располагавших по два голоса каждый, и представителей Греции, Румынии, Болгарии и Турции, имевших по одному голосу. При этом представительство России, Турции и Болгарии допускалось только в случае вхождения их в Лигу Наций.

Нет нужды доказывать, что Севрский договор сохранял

лишь тень турецкого суверенитета. Это видно из каждой статьи документа и мы на этом останавливаться не будем.

Игнорирование прав и интересов черноморских держав бросается в глаза уже при анализе состава участников Севрского договора. Из шести черноморских государств — Советской России, Советской Украины, Советской Грузии, Турции, Болгарии и Румынии в Севрском договоре участвовала только одна Румыния. Представительство Турции в Севре следует признать фиктивным, поскольку действительная власть в Турции принадлежала не марионеточному султанскому «правительству», находившемуся под контролем английских штыков, а анкарскому правительству Кемалю, не принимавшему участия в Севрском договоре. В Севре Турция была не субъектом, а объектом переговоров. В то же время в подписании договора приняли участие государства, не имеющие никакого отношения к Черному морю, не имеющие никаких интересов в Проливах, как например, Бельгия, Португалия или находящаяся в другой части света Япония.

Состав Международной комиссии проливов, установленный Севрским договором, также ярко отражал линию империалистических держав на отстранение черноморских стран от контроля над международно-правовым режимом проливов. Из 16 голосов в комиссии только пять принадлежало черноморским государствам. В то время как никогда не участвовавшая в договорах о режиме проливов Япония обладала в комиссии двумя голосами, черноморские государства — Турция, Румыния, Болгария имели только по одному голосу, а Украина и Грузия совершенно не были представлены.

Вопреки своей прежней традиционной политике, основанной на закрытии проливов для военных кораблей, Англия потребовала и добилась в Севре открытия проливов. Этот поворот объяснялся тем, что открытие проливов для прохода военных кораблей всех флагов, в условиях, когда черноморские страны почти не обладали военно-морскими силами, отдавало проливы и Черное море во власть западных морских держав, преимущественно Англии, располагавшей могущественным флотом и базами вблизи зоны проливов. Внешняя безопасность и экономическое благосостояние юга советских республик, а также других черноморских стран ставились тем самым в зависимость от английского империализма.

Игнорирование суверенных прав крупнейших черноморских держав — Советских республик и Турции не могло привести ни к чему хорошему. Севрский договор, не признанный ни Советскими республиками, ни Турцией, оказался мертворожденным. Как остроумно заметил Пуанкаре, договор, подписанный в местонахождении Севрского фарфорового завода — «предмет хрупкий, быть может — разбитая ваза». Бесславная судьба Севрского договора явилась наглядной иллюстрацией невозможности сколько-нибудь длительного существования международного соглашения, не учитывающего законные интересы могучей Советской страны.

Советское правительство не признало Севрский договор. Еще в 1919 году, когда шли переговоры между империалистическими государствами о грабеже турецких территорий, народный комиссар по иностранным делам РСФСР т. Чичерин в обращении к турецким рабочим и крестьянам констатировал пагубные последствия захвата проливов английским империализмом.

«Со дня отдачи проливов вашим правительством в распоряжение Англии, — говорилось в обращении, — нет самостоятельной Турции, нет исторического турецкого города Стамбула на материке Европы, нет независимого оттоманского народа».

Обращение заканчивалось следующими словами: «Рабоче-крестьянское правительство Советской России надеется, что вы, рабочие и крестьяне Турции, переиспытав все в такой решительный, ответственный момент, протянете братскую руку для того, чтобы совместной сплоченной силой отогнать европейских хищников и уничтожить, обессилить внутри страны тех, которые привыкли на вашем несчастье строить свое счастье»¹.

Героический пример советского народа, разгромившего империалистическую интервенцию, вдохновил развернувшееся в Турции национально-освободительное движение. Собранное в Анкаре Великое национальное собрание образовало новое правительство Турции во главе с Мустафа Кемаль-пашей и провозгласило освободительную борьбу против империалистических захватчиков.

Внешнеполитическая программа кемалистов была сформулирована в так называемом «национальном обете», принятом в январе 1920 года.

¹ Внешняя политика СССР, т. I, № 209.

Статья 4 «обета» заявляла о готовности Турции, по обеспечении безопасности Константинополя и Мраморного моря, вступить в соглашение с заинтересованными государствами об открытии проливов для торгового судоходства.

Талантливый и дальновидный государственный деятель Мустафа Кемаль понимал огромную роль Советской страны в международной политике и жизненную заинтересованность Турции в установлении и упрочении дружественных отношений с советскими республиками. Мощную поддержку советского народа он считал одним из важнейших условий успешной борьбы Турции за мир, национальную свободу и независимость.

Одним из первых шагов Кемалю было предложение об установлении постоянных дипломатических отношений между Советской Россией и Турцией и просьба о помощи против угрожающего обеим странам иностранного империализма.

Советское правительство сочувственно отнеслось к нуждам и чаяниям турецкого народа. В ответе наркома иностранных дел РСФСР на письмо Кемалю указывалось, что «Советское правительство с удовлетворением приняло к сведению основные принципы внешней политики нового турецкого правительства», один из которых провозглашал передачу вопроса о проливах конференции государств прибрежных к Черному морю. «Советское правительство, — говорилось далее в ответе Чичерина, — протягивает руку дружбы всем народам мира, неизменно верное своему принципу признания за каждым народом права самоопределения. Оно с живейшим интересом следит за героической борьбой, которую ведет турецкий народ за свою независимость, и в эти дни, тяжелые для Турции, оно счастливо заложить прочный фундамент дружбы, которая должна связать турецкий и русский народы»¹.

Сейчас, когда реакционные правящие круги Турции, предав подлинные национальные интересы турецкого народа, выступают в позорной роли трубадуров американо-английского империализма, полезно вспомнить о горячей признательности, выраженной Кемалем в телеграмме Советскому правительству 29 ноября 1920 г. Кемаль заявлял тогда:

«Мне доставляет величайшее удовольствие сообщить вам о чувстве восхищения, испытываемом турецким народом по отношению к русскому народу, который не удовлетворив-

¹ Внешняя политика СССР, т. I, № 278А.

шись тем, что разбил свои собственные цепи, ведет уже более двух лет беспрецедентную борьбу за освобождение всего мира и с энтузиазмом переносит неслыханные страдания ради того, чтобы навсегда исчезло угнетение с лица земли. Наша нация вполне оценивает все величие жертв, на которые пошла русская нация ради спасения рода человеческого, так как она сама в течение веков боролась, отстаивая мусульманские страны, являющиеся объектом вождельней европейских империалистов»¹.

Укрепление отношений между Советской страной и кемалистской Турцией вызвало большую тревогу в стане империалистов. В Париже, Лондоне и Риме все сильнее слышались голоса за пересмотр Севрского договора, необходимость соглашения с Анкарским правительством и вовлечения кемалистской Турции в антисоветский блок.

Особенно сильно было возбуждение во Франции, вообще имевшей основания быть недовольной Севрским договором, оформившим британскую гегемонию на Ближнем Востоке в ущерб великодержавным интересам французских капиталистов. Известный французский юрист, профессор юридического факультета Сорбонны и реакционный политический деятель Жозеф Бартелеми в статье, опубликованной в журнале «Revue Politique et Parlementaire» доказывал, что позиции Франции в Проливах и на Ближнем Востоке в результате Севрского договора ухудшились и что, мол, «следовало опираться на Турцию, как на оплот против большевизма. Ошибочная политика нашей дипломатии привела к тому, что Турция превратилась сама в источник заразы».

В Англии, во время парламентских дебатов 22 декабря 1920 г., член палаты общин Гиннес заявил. «Нашей первой заботой должно быть вступление в контакт с правительством Анкары и разумные территориальные уступки в том случае, если турецкие националисты проявят с своей стороны намерение сделать существенные уступки в пользу контроля союзников». Яснее трудно было сказать о намерении английских империалистов закрепить свое господствующее положение в Проливах ценой небольших («разумных») территориальных уступок.

Однако попытка империалистов Антанты договориться с Турцией на Лондонской конференции (21 февраля — 14 марта 1921 г.) не увенчалась успехом. Англичане согла-

¹ Внешняя политика СССР, т. I, № 278Б.

шались на эвакуацию Константинополя, но отнюдь не были склонны выпустить из своих рук проливы.

Одновременно с Лондонской конференцией в Москве проходила заключительная стадия советско-турецких переговоров (начатых еще в конце 1920 года), закончившихся подписанием 16 марта 1921 г. договора «О дружбе и братстве» между Советской Россией и Турцией.

На заседании советско-турецкой конференции 26 февраля 1921 г. председатель советской делегации Чичерин констатировал, что «если за последние 6 месяцев положение Турции радикально изменилось, то, наряду с героизмом ставших грудью против иностранного нашествия турецких рабочих и крестьян, значительная доля заслуги принадлежит и дружественным отношениям между Россией и Турцией, укрепившим положение последней. Эти дружественные узы должны быть скреплены формальным договором».

В ответном слове председатель турецкой делегации Юсуф Кемаль-бей указал, что Турция не может принять Севрский договор. «Турция избрала правильный путь, — заявил турецкий делегат, — все ее условия указывают на путь, ведущий к России... Естественное соглашение, существующее с Россией, должно быть разработано в деталях и быть оглашено перед всем миром. Об этом трактате должны узнать народы Запада и сами империалисты. Это единство будет силой, гарантирующей свободу народам»¹.

В преамбуле Московского договора РСФСР и Турция, «отмечая существующую между ними солидарность в борьбе против империализма, равно как и тот факт, что всякие трудности, созданные для одного из двух народов, ухудшают положение другого, и всецело воодушевляемые желанием установить между ними постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах обеих сторон», заявляли о своем решении заключить договор о дружбе и братстве.

Статья 1 договора обязывала стороны «не признавать никаких мирных договоров..., к принятию которых поуждалась бы силою другая из договаривающихся сторон».

Статья 5 гласила: «Дабы обеспечить открытие Проливов и свободное прохождение через них для торговых сношений всех народов, обе договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выра-

¹ «Правда» № 45, 1 марта 1921 г.

ботку международного статута Черного моря и Проливов особой конференцией из делегатов прибрежных стран, при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столицы Константинополя.

Статья 15 обязывала РСФСР предпринять шаги для признания Закавказскими республиками касающихся их статей настоящего договора¹.

13 октября 1921 г. в г. Карсе был заключен аналогичный договор о дружбе между Азербайджанской ССР, Армянской ССР, и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией, с другой.

Статья 9 Карского договора трактовала о проливах в редакции статьи 5 Московского договора 16 марта 1921 г.². Аналогичная статья о проливах имеется также в украинско-турецком договоре о дружбе и братстве, заключенном в Анкаре 21 января 1922 г.³.

Советские республики и Турция заявили, таким образом, решительный протест против политики насилия, проводимой империалистическими государствами, и обязались не признавать никаких международных актов, навязанных какой-либо договаривающейся стороне.

Сохраняя право на окончательную выработку международного статута проливов лишь за прибрежными черноморскими государствами, Московский, Карский и Анкарский советско-турецкие договоры тем самым принципиально порывали с установившейся со времени Лондонских конвенций 1840—1841 гг. порочной практикой, когда режим проливов определялся соглашениями держав, в большинстве своем не имеющих прямого отношения к Черному морю.

Севрский договор, не будучи признан черноморскими государствами, не приобрел международно-правовой силы. Большое принципиальное значение Московского советско-турецкого договора 16 марта 1921 г. заключается в том, что он — первый послевоенный законный международный акт, устанавливавший принципы выработки международно-правового режима черноморских проливов.

¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях, ч. III, вып. I, № 55.

² Там же, № 72.

³ Там же, № 87.

Летом 1922 года греко-турецкая война вступила в решающую фазу. Попытка английских империалистов сломить турецкое национально-освободительное движение руками своих греческих наймитов потерпела окончательное крушение. Опираясь на дружественную поддержку советских республик, турки 26 августа 1922 г. перешли в решительное контрнаступление, в несколько дней разгромили греческую армию и вошли в соприкосновение с оккупационными силами союзников, занимавшими Константинополь и зону проливов.

В ходе военных операций, союзное командование предприняло ряд незаконных действий в проливах и Черном море, непосредственно затрагивавших интересы советских республик. К числу этих противозаконных действий относились: пропуск греческих военных кораблей через Дарданеллы и Босфор, военные операции греческого флота в Черном море, в том числе бомбардировка порта Самсун, во время которой были уничтожены находившиеся там склады русских товаров, фактическое осуществление блокады анатолийского побережья — задержка советских судов и конфискация перевозимых на них грузов и т. п.

Нота Советского правительства от 19 июля 1922 г., адресованная министрам иностранных дел Великобритании, Франции и Италии, выразила протест против этих враждебных актов и потребовала от правительств Антанты принятия энергичных мер для прекращения подобных противозаконных действий, ответственность за которые падала на союзное морское командование, осуществлявшее фактический контроль над черноморскими проливами.

Ответная нота Бальфура пыталась оправдать незаконные действия греческого флота состоянием войны между Грецией и Турцией. При этом английское правительство выдвинуло следующую концепцию режима проливов: поскольку де мировая война ликвидировала прежние договоры о режиме проливов, постольку впредь до заключения нового международного соглашения проливы открыты для военных судов всех наций, а следовательно и для военных кораблей Греции.

Из правильной посылки о недействительности довоенных соглашений о режиме проливов английская нота делала неправильные выводы. То обстоятельство, что довоенные сог-

лашения утратили свою силу, отнюдь не давало Великобритании и ее союзникам права регулировать режим проливов по своему усмотрению, вопреки интересам и желаниям наиболее заинтересованных в судьбе проливов черноморских государств. Из недействительности довоенных соглашений совершенно не вытекало право Великобритании или какой-либо другой державы объявлять проливы закрытыми или открытыми, запрещать или разрешать проход военных кораблей и т. д., игнорируя признанную международными договорами особую роль и заинтересованность России в статусе Черного моря и проливов. Как совершенно правильно констатировала нота Советского правительства от 13 сентября 1922 г., если «европейские державы хотят подлинного мира, то они должны разрешать международные проблемы не по праву силы, а путем мирного соглашения с теми народами, чьи жизненные интересы затрагиваются данными проблемами. Любой иной способ разрешения международных вопросов не будет иметь никакой силы, выразится лишь в бессильном бумажном акте подобно некоторым послевоенным договорам и сам по себе послужит источником новых конфликтов и затруднений в дружественных отношениях между государствами»¹.

Разгром греческой армии поставил английских империалистов в затруднительное положение. Турецкие войска вышли на подступы к Константинополю и в ряде мест перешли так называемую нейтральную зону проливов. Первоначально английское правительство предполагало ответить на продвижение турецких войск посылкой новых военных подкреплений. Ллойд-Джордж обратился за помощью к доминионам, льстиво уговаривая «прославленные подвигами австралийские и новозеландские войска» сохранить для английских империалистов Константинополь и проливы.

«Поражение или унижительная эвакуация союзниками Константинополя, — говорилось в обращении премьер-министра, — могли бы привести к серьезным последствиям в Индии и среди прочих магометанских народов, за которые мы несем ответственность... Если станет известно о том, что все доминионы или хотя бы один из них предлагает послать даже незначительный контингент, то это несомненно очень благоприятно отзовется на общем положении»².

¹ Внешняя политика СССР, т. II, № 99.

² Черчилль, Мировой кризис, М.—Л., 1932, стр. 292.

Одновременно Ллойд-Джордж обратился за помощью к Франции, угрожая тем, что «если она выскажется против обеспечения свободы проливов, то Антанте наступит конец». Иными словами, Англия выступит тогда против Франции в других, имеющих для нее жизненное значение вопросах, например, в германском вопросе.

23 сентября 1922 г. Англия, Франция и Италия предложили турецкому правительству начать переговоры, в которых участвовали бы также Япония, Греция, Румыния и Югославия. Нота Антанты требовала приостановить на время переговоров турецкое продвижение в зоне проливов и предлагала заключить мир на основе эвакуации Константинополя и установления контроля Лиги Наций над проливами и Мраморным морем.

В то же время Англия объявила о блокаде Проливов, заявив, что британские военные корабли будут открывать огонь по всем судам, идущим из Черного моря или в черноморские порты.

Блокада Черного моря нарушала нормальные экономические отношения между Советской Россией и другими странами, необходимые для восстановления разрушенного империалистической войной и интервенцией народного хозяйства советских республик.

Советское правительство заявило резкий протест против этого нового враждебного акта. В ноте от 30 сентября 1922 г. оно подчеркнуло, что объявленная ныне блокада проливов подтверждает, что державы, не заинтересованные в плавании по Черному морю, но контролирующие своими военными силами проливы, будут всегда угрозой мирной хозяйственной жизни черноморских государств. Свобода проливов, из-за которой Европа готовится к новому кровопролитию, означает лишь свободу для держав Антанты блокировать в любое время и под любым предлогом проливы и этим путем отрезать Черное море от остального мира.

Исходя из своего особого положения на Востоке и на Черном море, представляя интересы народов наиболее заинтересованных в установлении мира и безопасности на Ближнем Востоке, Советское правительство решительно протестовало против узурпации прав России и союзных республик европейскими державами, в частности против заявления великобританского правительства о том, что оно считает Англию, Францию и Италию наиболее заинтересованными в вопросе

о проливах. Верное политике борьбы за прочный, устойчивый мир и безопасность народов, Советское правительство предложило созвать конференцию стран, заинтересованных в разрешении ближневосточного кризиса.

Нота Советского правительства указывала, что Россия со своими союзниками — Украиной и Грузией занимает вместе с Турцией первое место среди заинтересованных в судьбе проливов держав. На протяжении всей истории восточного вопроса, во всех международных договорах интересам России отводилось первое место. Известно, что во время мировой войны державы Антанты даже обязались особым соглашением передать России Константинополь и проливы.

Советское правительство расторгнуло старые договоры царизма с западно-европейскими державами, так как не считало, что интересы России требуют порабощения части турецкого народа. Порядок, в каком следует осуществлять свободу проливов, согласован между Россией и Турцией Московским договором 16 марта 1921 г. Предостерегая европейские державы от повторения ошибок, основанных на игнорировании жизненных интересов заинтересованных государств, Советское правительство подчеркивало, что никакое решение о проливах, принятое без России, не будет окончательным и продолжительным. Такое решение создало бы лишь почву для новых конфликтов. Великобританский вариант режима проливов означает желание сильной морской державы контролировать жизненно необходимый для других государств, в первую очередь для России и Турции путь, с тем, чтобы держать их постоянно под своей угрозой.

Империалистическим политикам никак не улыбалась перспектива участия Советской страны в обсуждении ближневосточного вопроса. Они не без основания опасались, что советские представители разоблачат происки империалистической дипломатии и помешают закабалению народов Востока западно-европейским и американским капиталом.

Предварительные переговоры в Мудании между Турцией и Грецией, происходившие 3—10 октября 1922 г. при активном участии держав Антанты, закончились подписанием перемирия, в силу которого зона проливов и Константинополь оставались оккупированными войсками союзников «до окончательного решения предстоящей мирной конференции».

Империалисты решили отстранить Советские республики от участия в работах конференции. Нелепость положения, когда в конференции участвовала Япония, не имевшая абсо-

лютно никаких интересов на Ближнем Востоке и не участвовали наиболее заинтересованные Советские республики, била в глаза каждому беспристрастному наблюдателю.

Советское правительство в ноте от 20 октября 1922 г. указывало, что созыв конференции о Ближнем Востоке без наиболее заинтересованной в разрешении этих вопросов России ничем не может быть оправдан. Систематическое игнорирование элементарнейших интересов и законных требований России не ведет к упрочению всеобщего мира, а наоборот, создает предпосылки для серьезнейших международных осложнений. Нота констатировала, что Россия — единственное европейское правительство, находящееся в прочных договорных отношениях с правительством Турции. «Оставляя... за собой право поддерживать постановление Русско-Турецкого московского договора о том, что окончательная выработка международного статута проливов должна быть передана делегатам черноморских прибрежных стран, Российское правительство, ввиду приближения срока конференции, которая будет рассматривать весь комплекс ближневосточных проблем, заявляет о своем требовании участия в ней на равных основаниях с другими договаривающимися сторонами»¹.

Требование Советского правительства было поддержано также Турцией, рассчитывавшей на поддержку советской делегации в обсуждаемых вопросах.

Понимая, что совершенно устранить Советскую Россию от обсуждения вопроса о проливах практически невозможно, и не желая в то же время допустить ее к обсуждению всего комплекса вопросов конференции, приглашающие державы — Англия, Франция и Италия решили пригласить Россию только к участию в работе комиссии по территориальным и военным вопросам и то только на те заседания, которые будут посвящены вопросу о режиме проливов.

Советское правительство резко протестовало против такой, мягко выражаясь, странной, дискриминационной системы организации работы конференции. Дело, разумеется, было не только в престиже. Как заявил Владимир Ильич Ленин в интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» 27 октября 1922 г., «Наша ближневосточная политика есть для нас дело самого реального и непосредственного жизненного интереса России и целого ряда федериро-

¹ Внешняя политика СССР, т. II, № 114.

ванных с ней государств. Если бы все эти государства не добились своего требования участия в ближне-восточной конференции, то это означало бы такую массу элементов враждебности, конфликтов и недовольства; это означало бы такие затруднения в чисто торговых делах между востоком Европы, с одной стороны, и всеми другими государствами, с другой, что для мирного сожительства либо не осталось бы совершенно почвы, либо оно было бы затруднено необыкновенно»¹.

На официальное предложение Франции, Англии и Италии прислать представителей в Лозанну для участия в обсуждении вопроса о проливах, Советское правительство 2 ноября 1922 г. заявило, что неправильное и совершенно неоправданное устранение России от обсуждения всех других вопросов — говорит об искусственном подборе состава конференции, о произвольном определении приглашающими державами права и степени участия тех или иных государств при улажении восточных дел. Советская нота указывала, что «установление того или иного режима в проливах неразрывно связано с тем положением вещей, которое предполагается создать на Ближнем Востоке». Советское правительство решительно настаивало на полном участии России, Украины и Грузии во всей работе конференции.

Приглашающие державы согласились на включение делегатов Украины и Грузии в состав советской делегации, но отклонили требование Советского правительства об участии во всей работе конференции на равных с другими державами условиях.

Руководствуясь интересами сохранения мира и безопасности на Ближнем Востоке, Советское правительство решило принять участие в обсуждении вопроса о проливах на Лозаннской конференции.

Кредо Советского правительства в вопросе о режиме черноморских проливов было изложено В. И. Лениным в известном интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» Фарбману 27 октября 1922 г.

На вопрос Фарбмана: «Какова русская программа разрешения вопроса о проливах?» Ленин ответил:

«Наша программа относительно проливов (пока еще приблизительная, конечно) содержит в себе, между прочим: Во-первых, удовлетворение национальных стремлений

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 313.

Турции. Мы считаем, что не только интересы национальной независимости этого требуют. Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны.

Во-вторых, наша программа включает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время. Это — непосредственный ближайший торговый интерес всех держав, не только тех, территории которых непосредственно прилегают к проливам, но и всех остальных. Надо иметь в виду, что пацифистских фраз, разговоров и заверений, иногда даже клясть против войны и против мира раздается во всем свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые простые, для обеспеченности мира мы встречаем в большинстве государств и особенно современных цивилизованных государств необыкновенно мало. А мы хотели бы и в этом и в подобных вопросах видеть как можно меньше общих заявлений, торжественных обещаний, пышных формул и как можно больше самых простых, самых ясных решений и мер, которые бы действительно вели к миру, если уже не говорить о полном устранении опасностей войны.

В-третьих, наша программа относительно проливов состоит в полной свободе торгового мореплавания»¹.

Лозаннская конференция открылась 20 ноября 1922 г. В ее работах приняли участие Великобритания, Франция, Италия, Турция, Япония, Греция, Югославия, Болгария,

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 313—314 (курсив везде наш. — Б. Д.).

Румыния и по вопросу о проливах делегация Российской, Украинской и Грузинской Советских республик. Активное участие в конференции принимали представители США, хотя формально они находились в неофициальной роли наблюдателей.

Повестка конференции включала кроме вопроса о проливах также вопросы о границах Турции, положении иностранцев и иностранной торговли, об Оттоманском долге, правах нацменьшинств, судьбе Мосульского нефтеносного района, о представлении Болгарии выхода в Эгейское море и др. Это позволяло дипломатии Антанты вести на конференции сложную дипломатическую игру, оказывая давление на турецкую делегацию в вопросе о проливах, за счет известных уступок в других вопросах. Жизненный для советских республик вопрос о режиме проливов превращался, таким образом, в объект торга. Турецкая делегация, в состав которой, между прочим, входил небезызвестный провокатор и реакционер Ялчин, в конце концов сдала позиции, единственно соответствовавшие суверенным правам черноморских государств и Турции в Проливах.

Обсуждение вопроса о режиме проливов в политической комиссии Лозаннской конференции (комиссия по территориальным и военным вопросам), где председательствовал «сам» министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон, вылилось в поединок между Керзоном, поддержанным другими представителями империалистических государств, и советской делегацией, последовательно и настойчиво защищавшей дело мира и безопасности и жизненные интересы черноморских стран. В интервью, данном 3 декабря 1922 г. корреспонденту газеты «Чикаго Трибюн», представитель турецкой делегации откровенно признался, что в вопросе о режиме проливов турки займут нейтральную позицию, предоставив поле боя делегатам советских республик.

Расстановка сил в основном определилась уже на первом заседании политической комиссии, посвященном вопросу о проливах, 4 декабря 1922 г.

С развернутой принципиальной декларацией на заседании выступил председатель российско-украинско-грузинской делегации т. Чичерин.

Указав, что основной целью советской внешней политики является содействие установлению и укреплению общего мира, глава советской делегации заявил, что она будет стремиться осуществить следующие мысли: 1) равенство поло-

жения и прав России и ее союзников с положением и правами других держав и 2) охранение мира и безопасности территорий России и союзных с нею республик, равно как свободу их экономических сношений с другими государствами.

Сохраняя за собой право в дальнейшем детально рассмотреть все проекты, которые могли бы быть предложены проливной комиссии, советская делегация выдвинула следующие основные принципы международно-правового режима проливов:

а) абсолютную и неограниченную свободу торгового мореплавания и мирных морских сообщений в проливах и Мраморном море;

б) закрытие проливов для военных и вооруженных судов и военной авиации всех стран, за исключением Турции.

При этом советская делегация подчеркнула исключительное значение проливов для обороны и экономической жизни Советской федерации. Советская Россия аннулировала без какой бы то ни было компенсации все соглашения, касающиеся передачи Константинополя России. Но Советская Россия никоим образом не имела намерения позволить, чтобы вопросу о проливах было дано разрешение, непосредственно направленное против ее собственной безопасности.

Советская делегация фактически взяла на себя и защиту интересов Турции, поскольку глава турецкой делегации в своей речи не пошел дальше весьма общих и отвлеченных рассуждений.

Считаясь с сильным впечатлением, произведенным советской декларацией, Керзон не решился немедленно выступить, ограничившись ядовитым замечанием по адресу турецких делегатов, оказавшихся не в состоянии вразумительно определить свою позицию в вопросе о проливах.

С возражениями Чичерину выступил румынский делегат Дука, который услужливо изложил программу держав Антанты. Эта программа заключалась в открытии проливов не только для торговых, но и для военных кораблей «без всяких оговорок и без всяких ограничений», при демилитаризации берегов проливов и передаче контроля над режимом проливов международной комиссии Лиги Наций, в которую, как известно, Советские республики не входили. Дука вдобавок предлагал Советской стране заключить с Румынией договор о взаимном ненападении и... разоружении.

Иначе говоря, советским республикам любезно предлагалось не только согласиться на вторжение иностранных военных судов в Черное море, но еще и лишиться малейшей возможности сопротивляться нападению любого иностранного флота. Выступление румынского делегата свидетельствовало также о том, что британская дипломатия, избегая принять на себя одиум сопротивления законным требованиям советской делегации, намерена напялить овечью шкуру и выступить в несвойственной роли «бескорыстного защитника» предложений малых черноморских стран.

Развернутая программа британского империализма по вопросу о проливах была дана в речи Керзона 6 декабря 1922 г. Сделав ряд грубых клеветнических выпадов по адресу Советской страны, Керзон предложил следующий статут черноморских проливов:

а) полную свободу торгового судоходства, без различия флага, без каких-либо формальностей, пошлин и иных сборов, как в мирное, так и в военное время, причем в случае, если Турция сама являлась воюющей страной, за ней сохранялось право надзора в отношении провоза нейтральными судами военной контрабанды;

б) полную свободу прохода военных кораблей и военной авиации как в мирное, так и в военное время, хотя бы Турция сама являлась воюющей страной. Военным судам воюющих сторон не разрешалось лишь производить военные действия в зоне проливов и оставаться там свыше 24 часов сверх необходимого для прохода времени;

в) демилитаризацию некоторых зон на обоих берегах проливов;

г) передачу наблюдения за режимом проливов международной комиссии.

К предложениям Керзона присоединились представители США, Франции, Италии и Японии. Все это разумеется прикрывалось красивенькими фразами о «высоких принципах свободы морей» и пр.

Было совершенно ясно, что проект Керзона своим острием направлен против безопасности советских республик и имеет целью установление господства Англии и ее союзников в Проливах и Черном море, и как результат этого — создание постоянной угрозы миру на Ближнем Востоке.

В заседаниях проливной комиссии 6 и 8 декабря Чичерин дал решительный отпор предложениям Керзона, разо-

блачив их империалистическую сущность и антисоветскую направленность.

Указав, что Советская Россия проникнута чувством дружбы и братства к народам Востока, что ей чужды империалистические цели, Чичерин доказал беспочвенность притязаний английского империализма на защиту Болгарии и Румынии от «русской опасности». Он напомнил, что именно державы Антанты навязали Болгарии в Нейи договор, в силу которого эта страна лишилась всех средств защиты на суше и море, что Румыния является соседкой России не со вчерашнего дня и, тем не менее, никогда не возражала против режима закрытия проливов.

Критикуя ссылку Керзона на Лондонский договор 1871 года, по которому Турция имела право впускать для своей защиты союзные флоты, Чичерин резонно заметил, что хотя в другом трактате — трактате 1841 года — такой статьи не было, это все равно не помешало Турции во время Крымской войны пригласить союзные флоты, «ибо раз все участники договора вступают в войну, трактат между ними перестает существовать»¹.

«Слушая г. председателя, — говорил далее Чичерин, — я получил впечатление, что основной мыслью его экспозе является создание системы, направленной против России. Мы вам предлагаем мир, а вы растягиваете до бесконечности борьбу против нас. Россия находится в начале нового периода, и мы хотим начать этот период, создавая вокруг нас прочные условия мира, между тем, как вы хотите поставить нас в условия, понуждающие нас к борьбе»².

В другом выступлении 8 декабря 1922 г. глава советской делегации указал, что упорное желание империалистических держав «вести торговые сношения на нашем побережье при поддержке вооруженных флотов может быть лишь выражением их стремления заменить право силой»³.

Решительная, принципиальная позиция Советской делегации не была, к сожалению, поддержана турецкой делегацией, в которой одержали верх реакционные элементы. В результате закулисного торга турецкая делегация капитулирована в важнейшем для черноморских государств вопросе

¹ Годовой отчет за 1923 г. НКВД II съезду Советов СССР, М., 1924, стр. 17.

² Там же, стр. 18.

³ Там же, стр. 20.

о режиме проливов. Выдвинув лишь некоторые оговорки в части размеров и степени демилитаризации проливов, турецкая делегация в принципе согласилась как с демилитаризацией проливов, так и с открытием их для военных кораблей всех стран. При этом турки дали также согласие на передачу дальнейшей разработки статута проливов экспертам, в работе которых по замыслу Керзона не должны были участвовать советские представители.

Разработанный втихомолку от советской делегации новый проект режима проливов был в общем попрежнему, хотя и с небольшими изменениями, основан на антисоветских предложениях Керзона. Сущность проекта заключалась в попытке дать призрачное удовлетворение интересам Турции и сохранить в то же время все агрессивные пункты, направленные против советских республик. «Очевидно, — отмечала советская декларация о проливах от 19 декабря 1922 г., — этим хотели отмежевать Турцию от России и внушить Турции ложную мысль, что ее безопасность может быть достигнута без гарантии безопасности побережья Черного моря, причем на Россию может обрушиться вся тяжесть нападения со стороны других держав¹.

Империалистическому проекту Антанты советская делегация противопоставила свой контр-проект, оглашенный в заседании проливной комиссии 18 декабря 1922 г.²

Советский проект предлагал следующие правила:

Для торговых судов

В мирное время: полная свобода прохода торговых судов и торговых воздушных судов без различия флага, днем и ночью (ст. 3).

В военное время при нейтралитете Турции: сохраняется в силе ст. 3 о свободном проходе с тем, что «Турция будет, однако, иметь все права и исполнять все обязанности, предусмотренные международным правом, для ограждения своего нейтралитета, как суверенное государство» (ст. 9).

В военное время, когда Турция является воюющей страной: свободный проход торговых судов и торговых воздушных судов нейтральных держав. Турция

¹ Внешняя политика СССР, т. II, № 131.

² Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. III, вып. I, стр. 220—223.

имеет, однако, право осмотра этих судов и воздушных кораблей, согласно международному праву (ст. 12).

Для военных судов и военных воздушных кораблей: Статьи 4 и 5 запрещали проход военных кораблей и пролет военной авиации через проливы для всех государств, кроме Турции, как в мирное, так и в военное время.

Изъятие из этого правила могло быть сделано в мирное время «в отдельных совершенно исключительных случаях и в специально определенных целях» для легких военных судов, без различия флага, за исключением подводных лодок. (ст. 6).

В военное время такие изъятия допускались только по отношению к нейтральным легким военным судам, за исключением подводных лодок, и также «в отдельных исключительных случаях и для специально определенной цели» (ст. ст. 10 и 14).

Статья 16 предоставляла Турции право содержать в зоне проливов сухопутные, морские и воздушные силы, сооружать постоянные укрепления и артиллерийские установки, и «вообще устраивать оборону проливов, применяя все технические военные средства».

Статья 17 и 18 предусматривали создание международной комиссии из представителей черноморских государств и великих держав, под председательством турецкого делегата.

Большое принципиальное значение имела статья 21, в силу которой договаривающиеся державы соглашались разработать и подписать международный акт, признающий Черное море закрытым морем прибрежных государств.

Несмотря на существенные уступки, сделанные советской делегацией в интересах достижения соглашения (согласие на проход легких военных кораблей, участие представителей нечерноморских военных держав в Комиссии проливов), государства Антанты поспешили отвергнуть советский проект, как основанный, по выражению Керзона, «на принципе диаметрально противоположном тому, который воодушевляет союзников». А империалистскую дипломатию «воодушевляло» только одно: возможность неограниченного использования проливов для агрессии против советских республик.

Ясная, открытая, высокопринципиальная позиция совет-

ской делегации смешивала карты империалистических дипломатов. Керзон и его соратники решили повести дальнейшее обсуждение режима проливов в сепаратном порядке с тем, чтобы предъявить советским делегатам уже готовый согласованный проект конвенции. Протесты советской делегации против подобной противозаконной процедуры были оставлены без ответа. Было ясно, что империалистические державы, между которыми, в особенности между Англией и Францией, существовали острейшие противоречия, решили уладить их келейно, не вынося спорные вопросы на открытое обсуждение.

Только 29 января 1923 г. советская делегация получила выработанный экспертами союзников окончательный проект конвенции о режиме проливов. На последнем заседании проливной комиссии 1 февраля 1923 г. председатель советской делегации заявил резкий протест против методов, к которым прибегли приглашающие державы.

«Это результат подпольных переговоров, — заявил Чичерин, — переговоры эти для нас не существуют. Мы имеем дело с проектом конвенции о проливах, выработанным без участия России, Украины и Грузии... Российско-украинко-грузинская делегация имеет перед собой проект, представляющий чью-то чужую волю».

Во второй декларации советская делегация огласила следующее принципиальное заявление:

«Принимая во внимание, что проект конвенции по вопросу о режиме проливов, представленный приглашающими державами, угрожает безопасности и жизненным интересам России, Украины и Грузии, что он делает невыносимым установление прочного мирного положения на Ближнем Востоке и на Черном море, что результатом принятия его будет возложение на Россию и другие страны добавочного бремени морских вооружений, и что он создает препятствие для установления всеобщего мира, оставаясь с другой стороны, верными постановлению ст. 1 московского договора от 16 марта 1921 г. между Россией и Турцией, подтвержденного карским договором между Турцией и Закавказскими республиками и анкарским договором между Турцией и Украиной, которое гласит, что каждая из договаривающихся сторон обязуется принципиально не признавать никакого иного мирного договора и никакого международного акта, который пытались бы навязать другой стороне, ... делегация России, Украины и Грузии решительно несогласна с проектом при-

глашающих держав, заявляет, что она будет неизменно продолжать свое противодействие всякой политике порабощения и насилия, выражением которой является этот проект, и отмечает бессилие настоящей конференции осуществить настоящий мир»¹.

К началу февраля 1923 г. противоречия на конференции между великими державами, в особенности по вопросу о турецких долгах, в которых особенно была заинтересована Франция, и по вопросу о судьбе мосульской нефти, на которую претендовали все великие державы, достигли большой остроты. Методы грубого нажима и ультиматумов, к которым и на этот раз прибегнул Керзон, не дали результата. Лозаннская конференция прервала работу, не приняв решений по целому ряду важнейших вопросов.

Переговоры возобновились только в апреле 1923 года и продолжались до 24 июля 1923 г., когда был подписан Лозаннский мирный договор и ряд дополнительных протоколов и конвенций, в том числе конвенция о режиме проливов.

Советская делегация телеграммой от 19 июля 1923 г. заявила, что «Несмотря на свое несогласие с предлагаемым для проливов режимом, Советские правительства, ставя выше всего интересы мира и улажение международных конфликтов, считают для себя необходимым путем своего участия сделать возможным всеобщее соглашение для осуществления своих миролюбивых стремлений. Они полагают, что своим участием в проведении в жизнь конвенции о проливах они могут содействовать ограждению прав и интересов восточных народов. Они считают целесообразным сделать попытку использовать даже слабую возможность контроля над проведением в жизнь конвенции, дабы устранять по мере возможности угрозы безопасности Советских республик».

Оговорив свое право внести в будущем изменения в конвенцию о проливах, Советские правительства предупредили, что «если практика применения конвенции обнаружит, что ею недостаточно гарантированы интересы торговли и безопасности Советских республик и всеобщего мира, они принуждены будут поднять вопрос о прекращении ее действия»².

¹ Внешняя политика СССР, т. II, № 143.

² Внешняя политика СССР, т. II, № 175.

14 августа 1923 г. в Риме советские представители подписали Лозаннскую конвенцию о режиме проливов.

Лозаннская конвенция о режиме в проливах состояла из 20 статей.

Статья 1 провозглашала принцип свободы прохода и судоходства по морю и в воздухе через Проливы, в понятие которых включались Босфор, Дарданеллы и Мраморное море.

Статья 2 установила следующие правила прохода коммерческих и военных судов и воздушных кораблей, как в мирное, так и в военное время:

В мирное время

Полную свободу плавания коммерческих судов и воздушных аппаратов в любое время суток под любым флагом и с любым грузом, без уплаты сборов и пошлин, кроме оплаты непосредственных услуг (лоцманский, маячный и санитарный сбор, буксировка и т. д.).

Для военных судов и военных воздушных аппаратов — полную свободу плавания в любое время суток и под любым флагом без всяких формальностей, каких-либо сборов или пошлин, но с нижеследующими ограничениями: максимальная сила, которую одна держава может провести через проливы в Черное море, не должна превышать силы самого сильного флота прибрежных государств Черного моря в момент прохода. Но при всех условиях за державами сохраняется право посылать в Черное море в любое время силу, не превышающую трех кораблей, водоизмещением каждый не свыше 10 тысяч тонн. При этом Турция не несет никакой ответственности за число проходящих через проливы судов. Надзор за соблюдением правил конвенции возлагается на так называемую комиссию проливов (ст. 10), которая два раза в год запрашивает у прибрежных черноморских стран сведения о числе линкоров, линейных крейсеров, истребителей, подводных лодок и т. д., а также о морских аэропланах, которыми каждая прибрежная держава располагает в Черном море. Сведения о составе наиболее сильного из флотов, принадлежащих черноморским прибрежным державам, будут сообщены «Комиссией Проливов» всем заинтересованным державам. До их сведения равно немедленно доводится

всякое изменение, происшедшее в наиболее сильном черноморском флоте. Для исчисления морской силы, могущей быть проведенной через проливы в Черное море, принимаются во внимание только число и типы находящихся в строю судов.

В военное время при нейтралитете Турции

Для коммерческих судов — такая же полная свобода судоходства и прохода через проливы, что и в мирное время.

Для военных судов и воздушных аппаратов — полная свобода судоходства для всех флагов с теми же ограничениями, что и в мирное время. Однако эти ограничения не подлежат применению в ущерб правам воюющей державы в Черном море. Какие бы то ни было военные действия в самих проливах (захват, осмотр и другие враждебные акты) воспрещаются. Снабжение и ремонт военных кораблей подчиняются постановлениям XIII гаагской конвенции 1907 года о морском нейтралитете.

В военное время, если Турция — воюющая сторона:

Полная свобода плавания с теми же ограничениями, что и в мирное время для коммерческих судов и воздушных аппаратов нейтральных стран. Для нейтральных военных судов и воздушных аппаратов — полная свобода прохода и пролета с теми же ограничениями, что и в мирное время. Военные меры, предпринимаемые Турцией для своей обороны, не должны препятствовать свободному проходу нейтральных кораблей и воздушных судов.

Кроме того ст. 2 предусматривает проход подводных лодок через проливы в надводном состоянии, ограничение срока прохода военных судов, право черноморских стран и Турции регулировать число и срок пребывания иностранных кораблей в черноморских портах, право держав, входящих в Европейскую Дунайскую Комиссию, содержать стационары в устьях Дуная и т. д.

Статья 4 устанавливает демилитаризацию следующих зон и островов:

У Дарданелл — полуостров Галлиполи, зону юго-восточнее линии, берущей начало в пункте залива Ксеррос, находящемся в 4 километрах к северо-востоку от Бакла —

Барни и окончивающейся на Мраморном море в Кумбаджи, а также местность на юго-востоке между берегом и линией в 20 километров от берега;

у Босфора — 15-километровые зоны на восток и запад от пролива;

все острова Мраморного моря, кроме острова Эмир-Али-Адази;

острова Эгейского моря — Самофракия, Лемнос, Имброс, Тенедос и Кроликовы острова.

Статья 6 указывала, что в демилитаризованных зонах и островах не должно быть никаких укреплений, постоянных артиллерийских установок, морских баз, орудий подводного действия, кроме подводных кораблей, и установок для военной авиации. В демилитаризованных зонах и островах не должно быть никакой вооруженной силы (за исключением полицейских сил с ограниченным вооружением). Греческие корабли имеют право прохода своего флота через территориальные воды греческих демилитаризованных островов, но не имеют право использовать эти воды в военных целях.

Статья 7 запрещала Турции установку артиллерийских или минометных батарей, могущих воспрепятствовать проходу через проливы, ни на европейском берегу Мраморного моря, ни в определенной зоне азиатского побережья.

Статья 8 разрешала Турции иметь в Константинополе и его окрестностях гарнизон не свыше 12 тысяч человек, одну военную и одну морскую базу.

Статья 9 разрешала Турции или Греции, в случае, если они будут воюющими державами, принимать необходимые военные меры, с тем, чтобы немедленно по заключении мира восстановить установленные конвенцией условия демилитаризации.

Статьи 10, 11 и 12 учреждали для наблюдения над режимом проливов международную «Комиссию проливов» из представителей Франции, Великобритании, Италии, Японии, Болгарии, Греции, Румынии, Югославии, России и США (последняя — в случае присоединения к конвенции) под председательством турецкого делегата.

Статья 15 устанавливала, что «Комиссия проливов» работает под эгидой Лиги Наций, коей представляет отчеты о своей деятельности и все полезные сведения о торговле и мореплавании.

Статья 18 предоставляла Франции, Великобритании, Италии и Японии роль гарантов установленного конвенцией режима проливов.

Таково в основных чертах содержание Лозаннской конвенции о проливах.

В отличие от прежних договоров Лозаннская конвенция вносила новые принципиальные положения: открытие проливов и Черного моря для военных флотов всех стран и демилитаризацию проливов. Черноморские страны тем самым отдавались на произвол великих морских держав.

Из анализа прежних договоров мы видели, что даже в условиях закрытия проливов черноморские страны и в первую очередь Россия, будучи отстранены от обороны проливов, не могли эффективно противодействовать вражескому нападению.

Лозаннская конвенция 1923 г. значительно ухудшала положение Советских республик и попирала суверенные права Турции, создавая возможность беспрепятственного прохода иностранных военных кораблей через Проливы и агрессии против черноморского побережья Советской страны.

Обращает на себя внимание, что Лозаннская конвенция расширила круг держав, не имеющих прямого отношения к Черному морю, но тем не менее узурпировавших право определять и контролировать международно-правовой статус проливов. В число таких стран вошла, например, Япония, никогда ранее не участвовавшая в договорах о режиме проливов, и не являющаяся не только прибрежным черноморским, но и европейским государством. В то же время к участию в «Комиссии проливов» не были привлечены Украина и Грузия, владеющие значительной частью черноморского побережья.

Отдельные статьи Лозаннской конвенции только подчеркивали ее антисоветскую направленность. Так, например, поскольку § 2 статьи 2 предусматривал, что для исчисления сил, могущих быть проведенными в Черное море, принимаются в соображение только число и типы судов, а не их размеры и время постройки, то получалось, что против, например, одного русского линкора постройки 1903—1910 гг. в 12 840 тонн, вооруженного 4-мя 12-дюймовыми и 4-мя 8-дюймовыми орудиями (а более мощными кораблями Советская страна в то время не располагала), Англия или США могли послать тоже один линкор, но новейшей постройки, тоннажем в 32—35 тысяч тонн и с значительно многочисленным и мощным вооружением.

Оговорка той же статьи, что ограничения прохода военных кораблей «не подлежат применению к воюющей державе, в ущерб ее правам воюющей стороны в Черном море» давала возможность любой державе, в случае войны с Россией при нейтралитете Турции, ввести в Черное море хотя бы весь свой военный флот.

Оговорка о том, что всякое изменение, происходящее в сильнейшем флоте прибрежной черноморской страны, должно доводиться до сведения заинтересованных стран, опять-таки создавала возможность «заинтересованной державе» искусственно увеличить флот какой-либо дружественной ей черноморской страны, фиктивно передав ей известное число своих кораблей, и на этом основании увеличить число проводимых данной «дружественной державой» военных кораблей. Эта оговорка вообще открывала перед империалистскими державами неограниченные возможности прохода своих военных кораблей через проливы.

Предусмотренная статьей 4 демилитаризация проливов оставляла вход в Черное море, к берегам Советских республик, беззащитным перед лицом таких стран, как Англия, Франция или Италия, располагавших в Средиземном море, на подступах к проливам, и мощными военными флотами, и многочисленными военно-морскими базами.

Лозаннская конвенция не была и не могла быть инструментом мира и безопасности. Она служила целям империализма, в первую очередь целям британского империализма. Работа Лозаннской конференции показала, что единственной делегацией, последовательно и настойчиво отстаивающей интересы всеобщего мира и безопасности, интересы черноморских стран, жизненно заинтересованных в установлении справедливого режима проливов и предотвращении новых актов агрессии, была делегация Советских республик.

Согласие Советского правительства на подписание Лозаннской конвенции, данное после многомесячной упорной борьбы, в интересах достижения международного соглашения, носило, как это видно из ранее цитированной ноты от 19 июля 1923 г., условный характер и обуславливалось рядом оговорок.

Исторический опыт доказал справедливость критического отношения Советского правительства к Лозаннской конвенции, не обеспечившей безопасности черноморских стран и, как следствие этого, оказавшейся нежизнеспособной.

Лозаннская конвенция отразила соотношение сил, сложившееся на международной арене, после первой мировой империалистической войны. Она юридически оформила преобладающее влияние западных морских держав, в первую очередь, Великобритании в черноморских проливах, в ущерб жизненным интересам черноморских стран, в особенности Советского Союза.

Лозаннская конвенция не была ратифицирована на ЦИК СССР, так как не отвечала насущным потребностям СССР как крупнейшей черноморской державы. В силу этого Советский Союз не принял участия в работе «Комиссии проливов», учрежденной согласно статьи 10 Лозаннской конвенции.

Практика работы «Комиссии Проливов» не отличалась эффективностью и не была проникнута духом подлинного международного сотрудничества. Недостаточно тщательно и глубоко разработанный текст конвенции давал многочисленные поводы для споров на почве практического осуществления установленного конвенцией режима Проливов. Ежегодные отчеты «Комиссии Проливов», направляемые Лиге Наций в соответствии со статьей 15 Лозаннской конвенции, пестрят бесчисленными жалобами на столкновения и разногласия членов комиссии по самым различным, сплошь и рядом незначительным поводам¹.

¹ Среди вопросов, вокруг которых возникали конфликты между членами комиссии, отметим: инцидент из-за приема радиосообщений с кораблей, проходящих проливы, антенной турецкой канонерки, что, по мнению большинства комиссии, нарушало «нейтральный» характер комиссии проливов; вопрос о «дипломатическом иммунитете» членов комиссии; о флаге комиссии; о санитарном статусе в проливах (комиссия выступала против установления Турцией санитарного контроля над судами, проходящими проливы транзитом, и против чрезмерных, по ее мнению, санитарных сборов с коммерческих судов; об использовании сборов за пользование маяками; спор об институте спасательной службы, который комиссия считала излишним при современной технике мореплавания, и о взимании турецким правительством спасательных сборов, которые, по мнению комиссии, отражаются «чрезвычайно неблагоприятно на торговом судоходстве»; об обязательности для иностранных кораблей пользоваться при проходе через проливы турецкими лоцманами; о праве иностранных кораблей пользоваться при проходе проливов радиотелеграфом, против чего возражало турецкое правительство; о визировке санитарных патентов иностранных кораблей турецкими консулами; об упрощении таможенных, полицейских и санитарных формальностей; острый спор по поводу обьявления Измидского залива укрепленной зоной и т. д. (подробности см. в статье

Отсутствие в комиссии проливов представителя самой крупной черноморской державы — СССР, разумеется, крайне отрицательно сказывалось на авторитетности и результативности работы комиссии. Особенно болезненно отсутствие СССР ощущалось Турцией, не имевшей возможности в своих бесконечных спорах с делегатами империалистических держав опереться на мощную поддержку Советского Союза.

Неприятные отношения между членами «Комиссии проливов» доходили до того, что однажды комиссия выразила своему председателю — турецкому делегату Васыф-паше официальное порицание с занесением в протокол, и обратилась к Лиге Наций с ламентацией о необходимости «предпринять шаги» для разъяснения создавшегося положения. В другом случае турецкий делегат отказался подписать отчетный доклад «Комиссии Проливов» Лиге Наций за 1924—1925 гг.

Укрепление международных позиций и последовательная миролюбивая внешняя политика СССР являлась мощным фактором мира и устойчивости дружественных отношений между черноморскими державами, что особенно резко выделялось на фоне обострения империалистических противоречий в бассейне Средиземного моря, гонки вооружений, роста фашистской опасности, образования очагов войны на Дальнем Востоке, в зоне Японии, и в центре Европы, в зоне гитлеровской Германии.

17 декабря 1925 г. СССР и Турция, «признавая, что интересам обеих договаривающихся сторон соответствует определение точных условий, способствующих укреплению

Е. Вейт «Пятилетие Лозаннской практики в турецких проливах», «Международная жизнь», 1929, № 7).

В начале 1930 г. капиталистическая пресса подняла невероятный шум вокруг прохода через проливы в Черное море советского линкора «Парижская Коммуна» и крейсера «Профинтерн», обвиняя Советское правительство в преднамеренном нарушении ст. 2 Лозаннской конвенции о проливах, предусматривающей ограничение тоннажа военных кораблей, проходящих через проливы в Черное море.

Не говоря уже о том, что СССР, не ратифицировав конвенцию, юридически не был связан ее постановлениями, анализ статьи второй параграфа второго Лозаннской конвенции совершенно ясно доказывает, что ограничения тоннажа проходящих через проливы военных кораблей относятся к прибрежным странам. Усиление флота черноморских стран конвенцией не запрещается, а лишь служит критерием для исчисления максимальной силы, которую может ввести в Черное море прибрежное государство.

прочных нормальных отношений и связывающей их искренней дружбой», заключили договор о дружбе и нейтралитете¹.

17 декабря 1929 г. СССР и Турция подписали Протокол о продлении срока действия советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете 1925 года².

Об этом протоколе упоминает товарищ Сталин в политическом отчете Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б). Товарищ Сталин дал тогда следующее блестящее определение советской внешней политики:

«Наша политика есть политика мира и усиления торговых связей со всеми странами. Результатом этой политики является улучшение отношений с рядом стран и заключение ряда договоров по торговле, технической помощи и т. д. Ее же результатом является присоединение СССР к пакту Келлога, подписание известного протокола по линии пакта Келлога с Польшей, Румынией, Литвой и т. д., подписание протокола о продлении действия договора с Турцией о дружбе и нейтралитете... Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами»³.

7 марта 1931 г. был подписан дополнительный Протокол к Протоколу 1929 года, 30 октября 1931 г. новый Протокол о продлении договора 1925 года и относящихся к нему протоколов, а в мае 1932 г., во время пребывания в СССР турецкой правительственной делегации, достигнуто соглашение об укреплении экономической и культурной связи между СССР и Турцией. Сообщение ТАСС по поводу последнего соглашения указывало, что «политика тесного сотрудничества обеих стран в прошлом вполне себя оправдала и что складывающаяся международная обстановка, как и интересы всеобщего мира, диктует необходимость не только сохранения, но и расширения этого сотрудничества»⁴.

А международная обстановка осложнялась с каждым днем. Мировой экономический кризис и последовавшая за ним депрессия необычайно усилили противоречия между империалистическими государствами, между странами-победительницами и странами побежденными, между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми

¹ Внешняя политика СССР, т. III, № 23.

² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, вып. VI, стр. 11—12, изд. НКВД, 1931.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 361.

⁴ «Правда» № 126 (5291) 8 мая 1932 г.

странами, между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками.

В 1932 г. японские фашизированные империалисты вторглись в Маньчжурию. На Дальнем Востоке образовался первый очаг войны. Захват гитлеровцами власти в Германии привел к образованию второго очага войны, на этот раз в центре Европы. К германскому и японскому агрессорам присоединилась фашистская Италия, напавшая в 1935 г. без всякого основания на беззащитную Абиссинию. «Таким образом, на кратчайших морских путях из Европы в Азию завязался новый узел войны»¹.

Такие факты, как односторонний разрыв фашистской Германией Версальского мирного договора, война Италии против Абиссинии, германо-итальянская интервенция в Испании, японское вторжение в Китай, обострение положения в Средиземном море, где фашистская Италия усиленными темпами укрепляла свои военно-морские базы и сосредоточивала военные, морские и воздушные силы и т. п., доказывали, что империалистические государства становятся на путь новой мировой войны за передел мира и сфер влияния.

В этих условиях сохранение Лозаннской конвенции, создававшей все условия для беспрепятственной агрессии против черноморских стран и Турции, становилось окончательно невозможным.

В сложной международной обстановке бешеного разгула поджигателей войны Советская страна и ее вождь товарищ Сталин неуклонно проводили политику миролюбия и международного сотрудничества, зрело охраняя в то же время внешнюю безопасность СССР.

Опираясь на дружественную поддержку Советского Союза, турецкое правительство вновь подняло вопрос о международно-правовом режиме черноморских проливов, играющих такую большую роль для мира и безопасности народов. Необходимо при этом отметить, что правящие круги Турции добивались не столько обеспечения безопасности всех черноморских государств, сколько восстановления своего суверенитета над проливами и полного завладения «ключами» от Черного моря.

Турецкое правительство ставит вопрос о необходимости пересмотра Лозаннской конвенции о проливах при вступле-

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 317.

нии Турции в Лигу Наций в 1933 г., на заседании Совета Лиги Наций 17 апреля 1935 г., на общем собрании Лиги Наций 14 сентября 1935 г.

Наконец, 11 апреля 1936 г. Турецкое правительство обратилось к правительствам СССР, Великобритании, Франции, Румынии, Болгарии, Италии, Греции, Югославии и Японии, а также к Лиге Наций с официальной нотой, в которой предложило начать переговоры с целью пересмотра Лозаннской конвенции о проливах 1923 года.

Турецкое правительство мотивировало необходимость пересмотра конвенции о проливах изменением политической и военной обстановки в Европе по сравнению с 1923 годом и заявляло, что оно «готово начать переговоры с целью достигнуть в краткий срок заключения соглашений, предназначенных урегулировать режим проливов в условиях безопасности, необходимых для неприкосновенности турецкой территории, и в наиболее либеральном духе в смысле постоянного развития торгового мореплавания между Средиземным и Черным морями»¹.

Уже 16 апреля 1936 г. Советское правительство, верное своей политике мира и безопасности народов, в ответной ноте дало согласие на предложение о пересмотре Лозаннской конвенции. Советское правительство заявило, что считает вполне обоснованными опасения по поводу небезопасности всеобщего мира в данный момент и наличия серьезной угрозы возникновения войны. Ввиду этого Советское правительство изъявило готовность принять участие в переговорах об изменении режима проливов.

Согласие на пересмотр Лозаннской конвенции дали и остальные державы — участницы лозаннских переговоров, за исключением фашистской Италии, демонстративно отказавшейся от участия в конференции под предлогом проведения державами экономических санкций против Италии в связи с ее войной с Абиссинией.

Конференция во вопросу о режиме черноморских проливов открылась 22 июня 1936 г. в швейцарском городе Монтре.

Уже первая речь главы советской делегации тов. Литвина при открытии конференции отразила необычайно возросший международный авторитет и влияние Советского

¹ «Правда» № 104 (6710) 14 апреля 1936 г.

Союза, ставшего к этому времени, благодаря мудрой, дальновидной политике партии Ленина — Сталина, могучей индустриальной державой. Советская делегация дала четкий анализ создавшегося международного положения: противоречия между державами вновь чрезвычайно обострились и те силы, которые не раз толкали народы на кровавые столкновения, в некоторых странах вновь надменно подняли головы и открыто, без всякого стеснения, не только проповедают, но и готовят войны.

Советская делегация подчеркнула особенное положение СССР в Черном море и проливах и специальные интересы Советского Союза, вытекающие из его географического положения, — разобщения окружающих его морей. «Если, — говорил Литвинов, — по образному выражению г-на Титулеску, проливы являются сердцем Турции и легкими Румынии, то для Советского Союза они составляют жизненный нерв, соединяющий разные части его тела»¹.

Советская делегация выдвинула при этом крайне важное с юридической точки зрения принципиальное положение о недопустимости абстрактного подхода к праву на защиту, о необходимости согласования права на защиту с общими интересами мира и борьбы с использованием этого права для нарушения интересов других стран и в целях агрессии.

«Вопрос о пересмотре Лозаннской конвенции, — указывал глава Советской делегации, — может быть при добром желании всех миролюбивых участников конференции разрешен с удовлетворением справедливых требований Турции, с соблюдением интересов всех черноморских держав, а также интересов укрепления и обеспечения мира в бассейне Черного моря, содействуя тем самым укреплению всеобщего мира».

Конференция в Монтре продолжалась почти месяц (22 июня — 21 июля 1936 г.). Принципиальные вопросы о свободе торгового судоходства и демилитаризации проливов были решены положительно. Основные разногласия, принимавшие подчас весьма острый характер, возникали вокруг наиболее важных для черноморских государств вопросов: прохода военных кораблей черноморских стран, прохода в Черное море военных судов других стран и осуществления контроля над режимом проливов.

Статья 6-я турецкого проекта конвенции ограничивала

¹ Внешняя политика СССР, т. IV, № 114-А.

проход военных судов нечерноморских стран в мирное время тоннажем в 14 тысяч тонн, с прохождением в два приема, если турецкий флот не находится в своей базе, и предупреждением турецкого правительства за месяц до предстоящего прохода. При этом максимальный общий тоннаж в Черном море судов нечерноморских держав не должен был превышать 28 тысяч тонн, а сами суда обязаны покидать Черное море в течение 15 дней. Таким образом турецкий проект как будто исходил из справедливого различия режима прохода через проливы для военных кораблей прибрежных и неприбрежных стран.

Однако, пункт «з» упомянутой статьи вступал в полное противоречие с вышеприведенными положениями, утверждая, что оговорки относительно тоннажа, предупреждения турецкого правительства о предстоящем проходе и т. п. относятся также к военным кораблям черноморских держав, направляющихся в Средиземное море.

Кроме того, статья 7 предусматривала, что военные корабли нечерноморских стран в военное время при нейтралитете Турции могут свободно проходить на тех же условиях, что и в мирное время, не имея только права производить военные действия в самих Проливах. Получалось, что в случае войны против СССР или другой черноморской страны при нейтралитете Турции военные корабли вражеской державы могут свободно проникнуть в Черное море и совершать нападения на советское побережье.

Статья 8 предоставляла Турции, в случае ее участия в войне, вообще право устанавливать условия прохода военных кораблей по своему усмотрению, без учета интересов других черноморских стран.

Турецкий проект выявил тенденцию правящих кругов Турции не учитывать важнейшие интересы других черноморских стран и в первую голову самой мощной из них — Советского Союза. Только после длительных прений турецкая делегация внесла поправку о разрешении черноморским странам выводить свои суда из Черного моря без ограничения тоннажа.

С абсолютно неприемлемым с политической и правовой точек зрения проектом режима проливов выступила английская делегация. Англичане предложили не более не менее, как принцип абсолютного равенства прохода через проливы военных кораблей как черноморских, так и нечерноморских держав, что являлось отступлением даже от Лозаннской кон-

венции, предусматривавшей, хотя и в совершенно недостаточной степени, особое положение черноморских стран.

Предложение английской делегации противоречило буквально всем международным договорам о режиме проливов, всегда учитывавшим, при всей их невыгодности для России, различный статут прибрежных и неприбрежных держав в Черном море.

Кроме того, английская делегация предложила, чтобы срок предупреждения турецкого правительства о предстоящем проходе военных кораблей равнялся не месяцу, а 15 дням; чтобы общий тоннаж военных кораблей любой державы, проходящей через проливы, был повышен до 15 тысяч тонн, а общий тоннаж всех военных кораблей, одновременно находящихся в Черном море, соответственно до 30 тысяч тонн, а при известных условиях (увеличение тоннажа советского черноморского флота хотя бы на 10%) и до 45 тысяч тонн.

Наконец, английская делегация предложила, чтобы в военное время при нейтралитете Турции ограничения прохода военных кораблей не применялись к воюющим державам в ущерб их правам воюющей стороны. Таким образом, в случае войны с СССР или другой черноморской страной при нейтралитете Турции, Англия могла бы направить в Черное море хотя бы весь свой военный флот.

Английская концепция исходила из объявления Черного моря «открытым международным морем», что также противоречило всем основным международным договорам о режиме проливов.

В обоснование своих неслыханных требований англичане выдвигали такие анекдотические аргументы, как возможность возникновения применения мер «полицейского характера» или необходимость посылки военных кораблей в случае... землетрясения.

Англичан поддержал японский делегат Сато, заявивший, что он, вообще говоря, согласен с любыми ограничениями прохода военных кораблей через проливы, лишь бы они в равной мере распространялись и на черноморские страны.

СССР занимал на конференции в Монтре, как и во всей своей внешней политике, позицию сохранения мира для народов, обеспечения внешней безопасности Советского Союза и остальных черноморских стран, крайне заинтересованных в установлении справедливого международно-правового режима черноморских проливов.

Голос Советской страны звучал ярко и убедительно. Советская делегация на конференции в Монтре доказала, что Дарданеллы и Босфор — проливы особого характера и не могут быть механически сравниваемы с другими международными каналами и проливами. Советский Союз имеет на своих границах разобщенные моря, а потому «естественно представляется необходимым, чтобы наши морские силы могли свободно сообщаться с нашими различными морскими базами и портами»¹.

В конкретной международной обстановке, в которой работала конференция в Монтре, советская делегация не настаивала на полном запрещении доступа в Черное море военным судам нечерноморских стран, хотя, разумеется, такая мера лучше бы гарантировала безопасность проливов и черноморского побережья. Советская делегация требовала лишь необходимых ограничений для доступа военных кораблей нечерноморских стран.

Но Советская делегация решительно выступила против всяких предложений ограничить право черноморских стран проводить свои военные корабли через проливы, как из Черного моря в Средиземное, так и в обратном направлении.

В сообщении представителям печати в Монтре руководитель советской делегации заявил:

«Советское правительство не добивается ничего иного, как того, чтобы принятый Лозаннской конвенцией принцип ограничения тоннажа нечерноморских держав в Черном море был развит до таких пределов, чтобы для черноморских держав не создалась угроза и необходимость чрезмерного увеличения их морских сил в Черном море. В то же время советская делегация не может не возражать против попыток ограничения прохода через проливы военных судов черноморских держав, ограничения, которое в настоящее время, по Лозаннской конвенции не существует»².

Выступления советских делегатов разоблачили выставленный английской и японской делегациями ложный принцип «равенства» черноморских и нечерноморских государств, его призрачный, эфемерный и в то же время формальный характер.

О каком формальном равенстве прав могла идти речь, например, между СССР, владеющим большей частью черноморского побережья, для которого Проливы являются

¹ Внешняя политика СССР, т. IV, № 114-В.

² «Правда» № 174 (6780) 26 июня 1936 г.

единственным путем к Средиземному морю, к советским базам, расположенным в других морях, и — Японией, находящейся за много тысяч километров от Босфора и Дарданелл и не имеющей никаких существенных интересов в Черном море?

Как можно уравнивать срок предупреждения турецкого правительства о предстоящем проходе военных кораблей через проливы, к примеру Англии и СССР, если Англия располагает многочисленными военно-морскими базами в Средиземном море, на подступах к проливам, а базы Советского Союза находятся в Балтийском море или на Тихом океане?

Достаточно этих примеров, чтобы уяснить себе, что действительное, а не формальное, бумажное равенство заключается в признании особых прав СССР в Черном море по сравнению с другими, нечерноморскими странами.

Советский Союз справедливо требовал, чтобы при проходе военных кораблей в военное время учитывался не только нейтралитет или состояние войны Турции, но и аналогичное положение других черноморских стран.

Наконец, СССР, отстаивая безопасность всех черноморских стран, не считал целесообразным поручать Турции единолично решать вопрос о закрытии проливов, без участия в этом ответственном деле других черноморских держав.

Все предложения, поправки и возражения Советского правительства, внесенные в связи с турецким и английским проектами, преследовали одну цель: обеспечить мир, спокойствие и безопасность черноморских стран, превратить международно-правовой режим проливов в инструмент мирного международного сотрудничества.

Принятая в итоге почти месячной напряженной работы конвенция о режиме проливов была подписана Болгарией, Францией, Великобританией, Японией, Грецией, Румынией, Турцией, СССР и Югославией 20 июля 1936 г.¹ Она состояла из 29 статей, 4 приложений и дополнительного протокола о праве Турции ремилитаризировать зону проливов, о сроке вступления в силу конвенции².

Статья 1 новой конвенции о режиме проливов подтвердила принцип права свободы прохода и мореплавания в проливах.

¹ Италия присоединилась к конвенции в 1938 году.

² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, вып. IX, стр. 61—78, изд. НКВД, 1938.

Статьи 2—7 регулировали правила прохода через проливы коммерческих судов.

Статья 2 устанавливала право полной свободы прохода через проливы в мирное время для коммерческих судов, днем и ночью, независимо от флага и груза;

Статья 3 говорила о правилах санитарного осмотра коммерческих судов;

Статья 4 сохраняла свободу прохода торговых судов, независимо от флага и груза, во время войны, если Турция не является воюющей стороной.

Статья 5 сохраняла право свободы прохода и плавания через проливы для нейтральных торговых судов, если Турция участвует в войне, при условии, что эти суда не будут оказывать содействия противнику Турции.

Статьи 8—22 составляли второй раздел конвенции, регулировавший правила прохода через проливы для военных кораблей. Указанный раздел резко разграничивал условия прохода для военных кораблей черноморских и нечерноморских стран.

Проходу военных кораблей неприбрежных стран ставились серьезные ограничения.

Статья 10 разрешала нечерноморским странам пропускать через проливы только легких надводных военных кораблей, небольших боевых и вспомогательных судов военного флота, при условии предварительного уведомления (ст. 13).

Статья 14 устанавливала, что общий тоннаж неприбрежных военных кораблей, «могущих находиться в состоянии транзита через проливы», не должен превышать 15 тысяч тонн, а общее число таких военных кораблей не превышать девяти. Исключение делалось, согласно статье 17, только для краткосрочных визитов вежливости в порты проливов.

Статья 18 ограничивала общий тоннаж военных кораблей неприбрежных держав в Черном море 30 тысячами тонн. В случае увеличения тоннажа наиболее сильного черноморского флота более чем на 10 тысяч тонн соответственно увеличивался общий тоннаж военных кораблей неприбрежных стран, но не выше максимальной цифры в 45 тысяч тонн. При этом силы одной неприбрежной державы не должны были превышать двух третей общего тоннажа, установленного для всех неприбрежных стран. Посылка дополнительного тоннажа неприбрежных стран «для гуманитарных целей» могла иметь место только с разреше-

ния турецкого правительства и при отсутствии возражений со стороны других черноморских держав.

Срок пребывания военных кораблей неприбрежных стран в Черном море ограничивался 21 днем.

Иным был статут военных кораблей черноморских держав.

Статья 11 разрешала военным кораблям черноморских стран проход через проливы без ограничений, установленных для военных кораблей неприбрежных стран, но при условии прохода линкоров по одному в сопровождении не более двух эсминцев.

Статья 12 разрешала черноморским странам провод через проливы подводных лодок, но в дневное время, по одной, и в надводном состоянии.

Статья 19 устанавливала, что во время войны, если Турция не является воюющей стороной, нейтральные военные корабли проходят через проливы на таких же условиях, что и в мирное время. «Однако, военные корабли в с я к о й воюющей державы не будут иметь права проходить через проливы» (курсив наш — Б. Д.), за исключением случаев, когда такой проход санкционируется Статутом Лиги Наций.

Статья 20 предоставляла Турции право, когда она является воюющей стороной, регулировать проход военных кораблей через проливы, исключительно по своему усмотрению.

Статья 21 предоставляла Турции аналогичное право и в том случае, когда она, не будучи воюющей стороной, «считала бы себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности».

Статья 23 регламентировала условия прохода через проливы для гражданской авиации.

Статья 24 ликвидировала международную комиссию проливов, учрежденную Лозаннской конвенцией 1923 г., и передавала функции контроля над режимом проливов турецкому правительству.

Статья 28 устанавливала 20-летний срок действия конвенции со дня ее вступления в силу.

Статья 29 предусматривала, что «по истечении каждого пятилетнего периода, считая со дня вступления в силу настоящей Конвенции, каждая из Высоких Договаривающихся Сторон может взять на себя инициативу предложить изменение одной или нескольких из постановлений настоящей Конвенции».

Наконец, подписанный одновременно с Конвенцией протокол предоставлял Турции право немедленно демилитаризовать зону проливов.

Таким образом, принятая в Монтре конвенция о проливах принесла Турции, благодаря дружественной поддержке СССР, значительный успех, удовлетворив почти все ее требования и укрепив ее безопасность.

Конвенция 1936 года являлась в то время известным шагом вперед по пути создания обеспечивающего безопасность черноморских стран международно-правового режима проливов, в особенности по сравнению с Лозаннской конвенцией, совершенно не учитывавшей законные требования Советских Республик.

Тем не менее новая конвенция страдала рядом существенных недостатков, не считалась в достаточной степени с особым положением Черного моря, как закрытого моря нескольких черноморских держав, жизненно заинтересованных в статуте проливов. Конвенция, подписанная в Монтре, не защищала в должной мере законные интересы черноморских держав, не обеспечивала внешнюю безопасность всех прибрежных черноморских стран.

Не говоря уже о некоторых ограничениях прохода военных кораблей черноморских государств в мирное время, о сохранении конвенцией, хотя и в ограниченном масштабе, права прохода военных кораблей неприбрежных стран, конвенция совершенно не обеспечивала безопасности черноморских государств, в первую очередь СССР, в военное время.

Так, статья 19 уравнивала положение прибрежных и неприбрежных воюющих держав в случае нейтралитета Турции, а статьи 20 и 21 вообще ставили режим проливов, а следовательно и безопасность черноморских стран в зависимость от единоличного усмотрения Турции.

Конвенция 1936 г. полностью передоверила Турции право надзора над режимом проливов и охраны их безопасности, как в мирное, так и в военное время. Тем самым Турция становилась единоличным стражем и контролером режима Проливов, в котором были кровно заинтересованы все черноморские державы.

Опыт второй мировой войны наглядно показал насколько опасно такое одностороннее решение вопроса о режиме Босфора и Дарданелл, насколько в результате этого оказались необеспеченными коренные интересы Советских республик в районе черноморских проливов.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Подготовленная силами международной реакции и развязанная главными фашистскими государствами вторая мировая война вступила в новую, решающую фазу развития. Началась Великая Отечественная война советского народа за свободу и независимость социалистической Родины, за освобождение поработенных народов Европы, за спасение мировой цивилизации.

«До вступления Советского Союза в войну Гитлер хозяйничал в Европе, как у себя дома. Одни страны, как, например, фашистская Италия превратились в его покорных сателлитов, другие европейские страны, как, например, Франция, благодаря профашистской услужливости ее правящих кругов, лежали под его пятой. Над Англией, на территорию которой в течение многих веков враг не ступал ногой, нависла опаснейшая угроза германского вторжения.

Положение коренным образом изменилось только тогда, когда Советский Союз перестроился на военный лад, и когда Советская Армия по всему фронту перешла в наступление против гитлеровских полчищ.

Большое значение имело также создание антифашистской коалиции союзных держав, в которой СССР занимал ведущее положение.

Все это обеспечило разгром фашизма в Европе»¹.

В титанической самоотверженной борьбе, от исхода которой зависела судьба не только современников, но и многих грядущих поколений, Советский Союз одержал полную военную, экономическую и морально-политическую победу. Война убедительно продемонстрировала неодолимую мощь советского общественного и государственного строя, бесспорное превосходство сталинской стратегии и тактики, прогрессивную силу ленинско-сталинской большевистской идеологии.

Навсегда останется в истории человечества великий подвиг советских людей, чья мужественная борьба отстояла свободную и мирную жизнь народов, спасла цивилизацию Европы от фашистских погромщиков.

¹ В. М. Молотов, Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 г., стр. 10—11.

Война, — указывал товарищ Сталин в речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., — «безжалостно сорвала все покровы и прикрытия, скрывавшие действительное лицо государств, правительств, партий, и выставила их на сцену без маски, без прикрас, со всеми их недостатками и достоинствами».

Война сорвала покров, в частности, и с внешней политики реакционных правящих кругов Турции, и подобно лакмусовой бумажке выявила крупные недостатки конвенции в Монтре о черноморских проливах, ее несоответствие жизненным интересам черноморских держав и интересам всеобщей безопасности.

Известно, что в отличие от первой мировой войны, когда Турция открыто выступила на стороне империалистической Германии, во второй мировой войне Турция формально сохраняла нейтралитет. Турция декларировала о своем положении «вне войны» осенью 1939 года, в начале второй мировой войны.

После нападения гитлеровской Германии на СССР турецкий посол в Москве вербальной нотой от 25 июня 1941 г. сообщил НКВД СССР, что «при наличии положения, созданного войной между Германией и СССР, правительство Республики решило провозгласить нейтралитет Турции»¹.

Однако уже с самого начала Отечественной войны стало ясно, что за ширмой «нейтралитета» скрывается активная поддержка германского фашизма турецкими правящими кругами.

Обратимся к фактам.

18 июня 1941 г., за четыре дня до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, между Германией и Турцией был заключен договор о дружбе. Опубликованные пункты договора содержали обязательство «поддерживать дружественный контакт по поводу всех вопросов, касающихся их взаимных интересов».

Каковы были эти «взаимные интересы» и в чем заключался «взаимный контакт» совершенно откровенно писала профашистская турецкая печать еще за год до крушения гитлеровской Германии.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, том I, стр. 114, Госполитиздат, 1944.

«Мы остаемся друзьями Германии до последней возможности («Сон поста» 22 апреля 1944 г.).

«Мы в течение всей нынешней войны проявляли к немцам дружбу и делали это в самый нужный для них момент» («Анадолу» 7 мая 1944 г.).

«Дружба» не ограничивалась многочисленными антисоветскими провокациями типа инсценировки процесса над советскими гражданами Павловым и Корниловым по «обвинению» их в мнимом покушении на германского посла Папена, «беседами» Гитлера с турецким генералом Эркилетом, нарушениями советской границы германскими самолетами, прилетавшими с турецкой территории и т. п.

«Дружба» не ограничивалась и активной экономической помощью фашистской Германии, куда по данным журнала «Экономист д'Ориан» шло 90 процентов всего турецкого экспорта, в том числе такие остродефицитные стратегические материалы, как хромовая руда.

Опубликованные архивным управлением МИД СССР документы из секретного архива гитлеровского министерства иностранных дел, попавшие в руки Советской Армии в результате разгрома гитлеровских войск, полностью разоблачают миф о турецком «нейтралитете», неоспоримо доказывают агрессивные планы турецких правящих кругов¹.

¹ Архивное Управление Министерства Иностранных Дел Союза ССР. «Документы Министерства иностранных дел Германии», выпуск II, Германская политика в Турции (1941—1943 гг.). Госполитиздат, 1946.

Приведем некоторые из опубликованных в сборнике документов. Уже в первые месяцы войны руководящие турецкие деятели сделали Германии «заявку» на присоединение к Турции Советского Азербайджана, а также ряда других Советских республик и областей.

В августе 1941 г. Папен сообщал в Берлин: «Что касается восточных тюркских народов помимо Азербайджана, т. е. поволжских тюрков, татар, туркменов и т. д., то теперешние планы турецких правительственных кругов сводятся к объединению этих тюрков в собственное, внешне независимое восточно-тюркское государство, в котором западные тюрки будут, однако, играть решающую политическую и культурную роль «советников» (документ № 10).

В январе 1942 г. гитлеровская дипломатия ставит вопрос о непосредственной военной помощи гитлеровским войскам со стороны турецкой армии. Папен сообщает о своей «чрезвычайно содержательной беседе» с турецким президентом. Президент обратил внимание Папена, что «нейтральная позиция Турции уже на данный момент много выгоднее для стран оси», ибо лишает Советский Союз возможности получить поддержку от флота союзников со стороны Черного моря. В ходе беседы Папен «указал на то, что если мы к весне начнем наступление на Кавказ, то для нас была бы весьма ценной концентрация турецких

Героическая борьба советского народа разбила эти планы. Нельзя однако забыть, что военные операции немецко-фашистских захватчиков на юге СССР были значительно облегчены активной поддержкой турецкого правительства, которое, пользуясь предоставленным ему по конвенции в Монтре правом единоличной охраны черноморских проливов, открыло Босфор и Дарданеллы для военных кораблей держав оси.

Верное своей неизменной политике мира и строгого соблюдения международных обязательств, стоя, как всегда, на страже свободы и независимости народов, Советское правительство еще 10 августа 1941 г. сделало турецкому правительству заявление следующего содержания:

«Советское правительство подтверждает свою верность Конвенции в Монтре и заверяет турецкое правительство, что

сил на русской границе. Из беседы, которую недавно имел министр Али Фуад с посланником Енке, повидимому, вытекает, что турецкий генеральный штаб изучил этот вопрос и имеет твердое намерение рассмотреть его будущей весной в благоприятном для нас смысле» (документ № 16).

Вопрос о выступлении против СССР считался турецкими правящими кругами решенным. Задача заключалась в выборе наиболее удобного момента для нападения на героически сражавшийся советский народ. Летом 1942 г. начальник турецкого генштаба Чакмак сообщил своему доверенному лицу, что он «считает вступление Турции в войну почти неизбежным. Оно может произойти и произойдет в тот момент, когда турецкая армия будет располагать достаточным количеством вооружения. Турецкое наступление пошло бы через Иранское плоскогорье по направлению к Баку» (документ № 23).

«Идеологическим» обоснованием антисоветских планов турецкой реакции являлось следующее заявление турецкого премьер-министра Сараджоглу, которое по своему цинизму, злобности и ненависти к СССР может выдержать сравнение с наиболее людоедскими высказываниями Гитлера. Согласно политическому отчету Папена в германское министерство иностранных дел от 27 августа 1942 г., Сараджоглу следующим образом формулировал свою точку зрения «по русскому вопросу»:

«Как турок он страстно желает уничтожения России. Уничтожение России является подвигом фюрера, равный которому может быть совершен раз в столетие...

Русская проблема может быть решена Германией только, если будет убита по меньшей мере половина всех живущих в России русских, если впредь будут раз и навсегда изъяты из-под русского влияния руссифицированные области, населенные национальными меньшинствами, и если эти области будут... привлечены к добровольному сотрудничеству с державами оси и воспитаны как враги славянства. Что касается уничтожения значительной части русского человеческого потенциала, то союзники идут по самому верному пути» (документ № 27).

оно не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов. Советское правительство, так же как и Британское правительство, готово скрупулезно уважать территориальную неприкосновенность Турецкой республики. Вполне понимая желание Турецкого правительства не быть вовлеченным в войну, Советское правительство, как и Британское правительство, тем не менее были бы готовы оказать Турции всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы»¹.

Аналогичное заявление в тот же день по поручению правительства Великобритании сделал Турецкому правительству и посол Великобритании в Турции.

Однако Турция не только осталась в стороне от великой борьбы свободолюбивых народов всего мира против фашистских агрессоров, но почти в течение всей войны оказывала активное содействие фашистской Германии и ее сателлитам, грубо нарушая конвенцию в Монтре о режиме черноморских проливов, и создав тем самым угрозу советскому черноморскому побережью².

В то время, как проливы были наглухо закрыты для кораблей СССР и его союзников, турецкое правительство систематически пропускало военные корабли и подводные лодки Германии и Италии.

Нота Советского правительства от 7 августа 1946 г. приводит ряд случаев, когда державы оси проводили через проливы в Черное море и из Черного моря военные и вспомогательные военные суда.

Так, 9 июля 1941 г. германское командование провело через проливы в Черное море немецкое сторожевое судно «Зеефальке», что вызвало представление со стороны СССР турецкому правительству.

В августе 1941 г. турецкие власти разрешили проход через проливы в Черное море итальянскому вспомогательному военному судну «Тарвизио», что также вызвало представ-

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I, стр. 129, ОГИЗ, Политиздат, 1944.

² «Символическое» объявление Турцией войны Германии 23 февраля 1945 г., т. е. накануне крушения гитлеризма, никого не могло обмануть. Мировое общественное мнение единодушно объяснило этот жест желанием Турции получить право на участие в Конференции в Сан-Франциско.

ление со стороны Советского правительства, обратившего внимание Турецкого правительства на то, что проход итальянского вспомогательного судна в Черное море является нарушением конвенции о проливах.

4 ноября 1942 г. Советское правительство вновь обратило внимание Турецкого правительства на то, что Германия намерена провести через проливы в Черное море вспомогательные военные суда под видом торговых судов общим водоизмещением 140 тысяч тонн. Эти суда предназначались для переброски военных сил и военных материалов стран оси в Черное море. В своем представлении Советское правительство подчеркнуло, что «пропуск означенных судов через проливы в Черное море будет являться явным нарушением конвенции о режиме проливов, заключенной в Монтре, поскольку эти суда предоставляются в распоряжение германского правительства и по существу являются вспомогательными военными кораблями».

В июне 1944 года Советское правительство заявило протест против того, что в конце мая и начале июня 1944 года имели место ряд случаев прохода через проливы из Черного моря в Эгейское море немецких военных и военно-вспомогательных судов различного тоннажа типа «ЭМС» (8 судов) и «Кригтранспорт» (5 судов), участвовавших в военно-морских операциях в Черном море.

Нота Советского правительства от 7 августа 1946 г. констатировала, что «из вышеприведенных фактов явствует, что во время минувшей войны против Германии и ее союзников конвенция о проливах не помешала вражеским державам использовать проливы в военных целях против Советского Союза и других союзных государств, причем Турецкое правительство не может не нести ответственности за такое положение».

В ноте от 7 августа 1946 г. были отмечены только те факты, в отношении которых Советское правительство представляло правительству Турции особые демарши и протесты, что далеко не исчерпывало всех случаев использования проливов государствами, воевавшими против СССР и его союзников.

Так, например, германские и итальянские танкеры неоднократно производили в Стамбульском порту перегрузку смазочных материалов (перегрузка в июле 1941 года 1936 тонн смазочных материалов с германского танкера «Фирус» на германский танкер «Баххус», перегрузка в том же году

смазочных материалов с германского танкера на итальянский танкер «Челлено», плававший под немецким флагом)¹. В 1942 и 1943 гг. через проливы неоднократно пропускались германские быстроходные десантные баржи². В январе 1944 г. Турция пропустила германские военные катеры («ЭМС», «Везер», «Фульда», «Верра» и др.) из Черного в Эгейское море.

Число подобных примеров грубого нарушения турецкими властями конвенции в Монтре в ущерб безопасности Советского Союза можно значительно умножить.

Но и приведенных фактов достаточно, чтобы убедиться в злоупотреблении Турцией предоставленным ей правом единоличной охраны ворот Черного моря и, чтобы убедиться в том, что режим проливов, установленный конвенцией в Монтре, не отвечает интересам безопасности черноморских держав и не обеспечивает условий, при которых предотвращалось бы использование этих проливов во враждебных черноморским державам целях.

Объяснения, данные турецким правительством в ответной ноте от 22 августа 1946 г. по поводу приведенных в советской ноте от 7 августа 1946 г. конкретных фактов нарушений конвенции в Монтре и пропуска через проливы военных кораблей держав оси, не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики.

Объяснения эти можно свести к следующим пунктам:

а) проходившие через проливы военные корабли государств оси не значились в ежегодных военно-морских справочниках;

б) турецкие власти якобы осуществляли только санитарный надзор над кораблями, проходившими через проливы;

в) после представления, сделанного великобританским правительством, турецкое правительство принимало меры против прохода германских судов, предназначенных для обслуживания германского флота и германских войск;

г) Советское правительство будто бы ни разу в течение всей войны не заявляло турецкому правительству о наличии угрозы безопасности СССР в районе Черного моря;

д) проход через проливы вражеских судов во время второй мировой войны якобы не ставил под угрозу безопасность СССР.

¹ «Известия» 27 апреля 1946 г.

² Нота Советского правительства о черноморских проливах от 24 сентября 1946 г., «Известия» 28 сентября 1946 г.

Отсюда в турецкой ноте делается вывод, что Турция, дескать, справилась с задачей стража Проливов и что ввиду занятой Турцией позиции государства оси не решились нарушить установленный в Монтре режим проливов.

Не трудно заметить слабость и противоречивость аргументации турецкого правительства.

Как справедливо указало Советское правительство в ноте от 24 сентября 1946 г., официальных справочников с полным перечнем военных и особенно вспомогательных военных кораблей всех стран не существует, тем более — в военное время.

Ссылка турецкого правительства на то, что единственным видом контроля за судами, проходящими в проливы, является санитарный надзор, опровергается распоряжениями самих же турецких властей (25 февраля 1941 г., 6 мая 1941 г., 27 июня 1942 г.) об обязательной остановке транзитных судов и пользовании турецкими лоцманами в проливах. Кроме того турецкие власти осуществляли таможенный надзор. Но если даже принять вышеуказанную ссылку, то она лишь доказывает необходимость усиления мер контроля за проходом судов через проливы, о чем турецкое правительство ни разу не заикнулось во время войны.

Несостоятельность турецких аргументов лишней раз подтверждается объяснением турецкого правительства, что после представления великобританского правительства оно стало принимать меры против прохода германских вспомогательных военных кораблей. Этим объяснением турецкое правительство только подтверждает факты использования проливов державами оси в военных целях.

Следует также отметить, что турецкое правительство, в нарушение статьи 24 конвенции в Монтре, прекратило представление отчетов о движении судов в проливах государствам — участникам войны.

Совершенно абсурдно и противоречит фактам утверждение турецкой ноты, что Советское правительство якобы ни разу не заявляло турецкому правительству о том, что проход военных кораблей стран оси создает угрозу безопасности СССР в районе Черного моря. Факты — упрямая вещь, а факты говорят, что Советское правительство неоднократно выступало с протестами и демаршами по этому поводу.

Что касается утверждения турецкой ноты, что проход германских военных кораблей через проливы не создал ре-

альной угрозы Советскому Союзу, то турецкое правительство вольно, конечно, вопреки элементарной логике, считать, что проход вражеских военных кораблей не подрывал безопасность СССР. Остается тем не менее фактом, что Советское Верховное Главнокомандование, «учитывая неоднократные случаи беспрепятственного прохода военных и вспомогательных военных кораблей противника через проливы во время войны, было вынуждено снять с главных направлений театра военных действий существенное количество вооруженных сил для обороны Черноморского района»¹.

Опыт второй мировой войны с полной очевидностью выявил коренной порок конвенции в Монтре, поставившей режим черноморских проливов, а тем самым и безопасность черноморских государств всецело в зависимость от ориентации турецкого правительства. Такое положение, при котором оказались незащищенными важнейшие интересы черноморских держав, в свою очередь явилось результатом того, что в Монтре вопросы режима черноморских проливов в значительной мере решались государствами, не имеющими непосредственного отношения к Черному морю.

На Берлинской конференции трех держав — Великобритании, США и СССР, состоявшейся в июле-августе 1945 г., Советское правительство предложило обсудить вопрос о том, что режим проливов, установленный конвенцией в Монтре, не соответствует современным условиям и что необходимо установить новый режим проливов.

В связи с этим предложением конференция приняла решение, состоящее в следующем:

«а) три правительства признали, что конвенция о проливах, заключенная в Монтре, должна быть пересмотрена, как не отвечающая условиям настоящего времени;

б) три правительства согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждой из трех держав и Турецким правительством».

Необходимость пересмотра конвенции в Монтре, собственно говоря, почти никем не оспаривается. С этой необходимостью согласился даже бывший премьер-министр Турции Сараджоглу на пресс-конференции 7 декабря 1945 г. Но в ряде выступлений государственных деятелей и реакционной

¹ Нота Советского правительства о черноморских проливах от 24 сентября 1946 г.

прессы зарубежных стран проблема создания нового режима проливов сводится по существу к внесению некоторых «технических» и «редакционных» поправок в основные положения старой конвенции, без учета коренных интересов черноморских держав.

«Правительство Его Величества не оспаривает того положения, — заявил министр иностранных дел Великобритании Бевин в палате общин 23 октября 1946 г., — что существующая конвенция требует в некоторых (?) отношениях изменений, которые привели бы ее в соответствие с нынешними условиями. Достаточно сказать, например, что нынешняя Конвенция подписана Японией. Сама Конвенция в приложении содержит ряд упоминаний относительно принятого Лигой Наций определения военных кораблей, которое теперь явно устарело»¹.

Итак, по Бевину, дело не в принципиальных пороках ныне существующего режима проливов, не гарантирующего, как это показал опыт второй мировой войны, безопасность черноморских держав, а в некоторых чисто редакционных дефектах. Стоит, мол, только снять подпись Японии и обновить устаревшее определение военных кораблей, и дело пойдет на лад.

Несколько более реалистической позиции придерживалась газета «Таймс», которая хотя и пыталась доказать «лояльный» характер политики Турции во время войны, но все же вынуждена была признать, что «пересмотр конвенции в Монтре становится все более необходимым и неизбежным не столько вследствие недостатков или упущений какой-либо отдельной статьи, но в результате революции, произведенной авиацией в области современной стратегии»².

Газета «Манчестер Гардиан» в номере от 9 июля 1945 г. писала: «Мы, располагающие стратегическими базами во всем свете, не можем оспаривать право русских защищать морской путь к своему крупнейшему промышленному и сельскохозяйственному району, Украине... Самолет и подводная лодка создали новые проблемы или, вернее, усугубили трудности старых проблем. 50 лет тому назад русские удовлетворялись бы и находились бы в безопасности при наличии русского гарнизона в устье Босфора. Сейчас зона проливов простирается от Констанцы в Румынии до внешней линии

¹ «Британский союзник» № 44, 1946 г.

² «Times» 24 июля 1945 г.

островов Эгейского моря, что должно рассматриваться как стратегическая единица. Мы, безусловно, не можем иметь никаких возражений против того, чтобы русские закрыли проливы для других».

Сущность проблемы черноморских проливов в настоящее время заключается не в штопании тех или иных прорех конвенции в Монтре, как это предлагалось в нотах правительства США от 2 ноября 1945 г. и Британского правительства от 21 ноября 1945 г. на имя правительства Турции, а в создании нового режима черноморских проливов, основанного на законном праве черноморских держав самим распоряжаться своей судьбой, на принципах полного обеспечения безопасности Черноморского бассейна, а следовательно и всеобщей безопасности в этой части земного шара.

Эти прогрессивные, справедливые, юридические и исторически обоснованные принципы нового режима черноморских проливов были изложены в ноте Советского правительства от 7 августа 1946 г. Советское правительство предложило установить режим проливов, исходя из следующих пяти принципов:

1. Проливы должны быть всегда открыты для прохода торговых судов всех стран.

2. Проливы должны быть всегда открыты для прохода военных судов черноморских держав.

3. Проход через проливы для военных судов нечерноморских держав не допускается, за исключением особо предусмотренных случаев.

4. Установление режима проливов как единственного морского пути, ведущего из Черного моря и в Черное море, должно явиться компетенцией Турции и других черноморских держав.

5. Турция и Советский Союз, как державы наиболее заинтересованные и способные обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность в проливах, организуют совместными средствами оборону проливов для предотвращения использования проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях.

В ответной ноте, переданной через поверенного в делах СССР в Турции 22 августа 1946 г., турецкое правительство согласилось с тем, чтобы положить в основу обсуждения три первых пункта советских предложений (открытие проливов для торговых судов всех стран, свобода прохода для военных судов черноморских держав и недопущение прохода че-

рез проливы для военных судов нечерноморских держав, за исключением особо предусмотренных случаев), указав при этом, что оно сделает в отношении упомянутых пунктов некоторые оговорки в дальнейшем.

Одновременно турецкое правительство высказалось против двух других пунктов советских предложений (предоставить установление режима проливов компетенции Турции и других черноморских держав, организовать оборону проливов совместными средствами Турции и СССР — держав, наиболее заинтересованных и способных обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность в проливах).

При этом турецкое правительство пыталось мотивировать мнимую, «неприемлемость» советских предложений тем, что они якобы поведут к игнорированию интересов других держав, что они будто бы несовместимы с суверенными правами Турции и даже «ликвидируют» ее безопасность. Более того, заявляя о своем желании восстановить дружественные, основанные на доверии, отношения с СССР, турецкое правительство в своей ноте сочло возможным допустить совершенно беспочвенное подозрение, что советское предложение о совместной обороне проливов, якобы, основано на недоверии к Организации Объединенных наций.

Точно по команде реакционные политические деятели и профашистская печать капиталистических стран подняли невероятную свистопляску вокруг советских предложений. В роли новоявленных ревнителей турецкого суверенитета особенно активно выступают как раз те деятели англо-саксонских стран, которые в последнее время упорно пытаются доказать «устарелость» понятия национального суверенитета. Советские предложения о режиме проливов при этом объявляются «беспрецедентными», «неслыханными», «угрожающими» суверенным правам и независимости Турции.

Рассмотрим вопрос о советских предложениях по поводу установления нового режима черноморских проливов в его юридическом и историческом аспектах.

Бесспорно, что юридическая природа проливов определяется характером морей, которые соединяются данными проливами. Нет и не может быть на настоящем этапе развития общества единого режима для всех проливов, безотносительно к тому, являются ли они основными мировыми путями сообщения или ведут в замкнутое море, на берегах которого расположено ограниченное число государств, соединяют ли они открытые моря, или являются входом в закры-

тое или внутреннее море. Было бы наивной утопией установить одинаковый режим, скажем, для Гибралтарского и Керченского проливов, ибо первый является основным международным путем сообщения, соединяющим открытое Средиземное море и Атлантический океан, а второй является входом во внутреннее море Советского Союза.

Четкая классификация проливов и морей является поэтому проблемой исключительного политического и юридического значения.

Буржуазная международно-правовая теория создала в этом бесспорно сложном вопросе поразительную путаницу. Нам приходилось уже отмечать (в главе II) противоречия в определении понятий закрытого и открытого морей, существующие даже между такими популярными работами, как известные курсы международного права Листа и Мартенса.

В то время, как Лист считает, что внутренние моря «в широком смысле» (под которым он понимает закрытое море — *mare clausum*) подлежат территориальному верховенству окружающего их государства в том случае, если это государство вполне господствует над судоходным соединением их с открытым морем, Мартенс полагает, что и при наличии этого условия море не подлежит территориальной власти окружающего государства.

Отсюда логически вытекает вывод, что море, окруженное несколькими государствами, тем более не может считаться закрытым. Отсюда и утверждения почти всех буржуазных юристов — международников об открытом характере Черного моря, поскольку оно, начиная с 1774 года, не окружено владениями одного государства, хотя подобное утверждение и противоречит всем международным договорам, закрывавшим или ограничивавшим доступ в Черное море военным судам нечерноморских держав.

Как могла сложиться и продержаться столь длительное время концепция об открытом характере моря, которое окружено владениями нескольких государств, безотносительно к тому, где это море находится и какое место занимает в мировой системе морских сообщений?

Известно, что в эпоху феодализма государства стремились объявить не только прилежащие моря, но и целые океаны своим «закрытым морем». Но по мере развития капиталистических отношений такое положение все больше скрывало новые производительные силы и не могло удовлетворить выступивший на авансцену класс буржуазии.

Учение Гуго Гроция об открытом море было, по нашему мнению, буржуазной реакцией на феодальную концепцию закрытого моря. Для своего времени концепция Гроция была, безусловно, прогрессивной, ибо способствовала освобождению производительных сил от оков прогнивших производственных отношений феодального общества, ускорила, благодаря развитию торговли, промышленности и мореплавания, создание всемирного рынка и распад феодализма.

Но с течением времени, по мере того, как буржуазия утрачивала свою былую революционную роль, в особенности с той поры, когда капитализм вступил в свою последнюю империалистическую фазу, с учением Гроция об открытом море произошло то же, что со всей буржуазной идеологией. Империализм придал формуле Гроция реакционный характер, он приспособил ее для своих экспансионистских целей. Учение Гроция об открытом море превратилось в эпоху империализма в империалистическую доктрину «свободы морей», служащую тем же реакционным целям, что и империалистические доктрины «открытых дверей», «равных возможностей» и т. п.

Еще Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» заметили, что «Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи»¹.

С той поры, когда были сказаны эти слова, эта потребность буржуазии выросла во много раз. Империалистическая борьба за рынки сбыта и «сферы влияния» усиливает стремление буржуазии «обосноваться» во всех морях, завладеть всеми коммуникациями, продлить всеми способами свое существование.

В итоге второй мировой войны еще сильнее обострилась неравномерность развития капитализма в отдельных странах. Из капиталистических государств только США вышли из войны не ослабленными и выступают ныне в роли лидера реакционного лагеря, откровенно претендуя на мировое господство.

Как указывал товарищ Жданов в докладе о международном положении на Информационном Советании представителей некоторых компартий в Польше в сентябре 1947 года «...Современные правящие круги США маскируют свою

¹ Маркс, Избранные произведения, 1948, т. I, стр. 142.

экспансионистскую политику и даже свое наступление на жизненные интересы более слабого империалистического конкурента — Англии — мнимо оборонительными антикоммунистическими задачами. Лихорадочная гонка вооружений, строительство новых военных баз и создание плацдармов американских вооруженных сил во всех частях света фальшиво-фарисейски аргументируются соображениями «обороны» от фантастической военной угрозы со стороны СССР. Американская дипломатия, действуя методами запугивания, подкупа и шантажа, легко вырывает у других капиталистических стран и в первую очередь у Англии согласие на легальное закрепление преимущественных американских позиций в Европе и Азии — в западных зонах Германии, в Австрии, в Италии, в Греции, Турции, Египте, Иране, Афганистане, Китае, Японии и т. д.¹

Отсюда и настойчивые требования американского империализма объявить закрытые моря — открытыми, открыть проходы в закрытые морские бассейны для своих военных кораблей.

1 сентября 1947 г., адмирал флота США Хэлси с чисто солдафонской грубостью преподнес представителям печати «новейшую» американскую концепцию свободы морей. «Мы требуем права отправляться, — заявил Хэлси, — куда мы захотим, и в любое время. Никакого чорта не касается, куда мы направимся. Мы можем направляться, куда нам заблагорассудится»². С точки зрения Хэлси и ему подобных любое море должно считаться открытым для флота буйного адмирала. И если Хэлси захочется отправиться в Черное море, то ворота проливов должны быть для него широко распахнуты.

Но Черное море никогда не было открытым. Буржуазная международно-правовая теория, утверждающая открытый характер Черного моря, вступает в противоречие с международно-правовой практикой.

Одним из основных и важнейших источников международного права являются международные договоры и соглашения. Между тем все известные международному праву договоры о режиме Проливов предусматривают запрещение или значительное ограничение прохода в Черное море для военных кораблей нечерноморских стран, признавая в то же время особое положение в Черном море черноморских дер-

¹ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года, Госполитиздат, 1948, стр. 21.

² «Известия» от 3 сентября 1947 года.

жав. Даже Парижский трактат 1856 года грубо нарушавший суверенные права России и Турции, признавал за ними право сохранять в Черном море ограниченное, явно недостаточное для обороны число военных кораблей, но все же признавал право, которым формально не обладали неприбрежные державы.

Начиная с Кучук-Кайнарджийского договора 1774 года все договоры, в том числе такие невыгодные для черноморских держав, и не учитывавшие их интересов, как Лондонские конвенции 1840, 1841, 1871 гг., как Лозаннская конвенция 1923 года, как доказавшая свою несостоятельность конвенция, заключенная в Монтре в 1936 году, признавали особое положение в Черном море прибрежных держав и в большей или меньшей степени ограничивали доступ в Черное море военных кораблей нечерноморских держав. Лишь Севрский договор не предусматривал подобных ограничений, но, как известно, он не приобрел законной силы, поскольку не был признан важнейшими черноморскими государствами — Советскими республиками и кемалистской Турцией, и был в силу этого заменен Лозаннской конвенцией 1923 года.

Таким образом, основной источник международного права — международные договоры и соглашения — признает Черное море закрытым морем.

Следует также напомнить, что советская дипломатия, руководствуясь интересами мира и безопасности, и на конференции в Лозанне, и на конференции в Монтре всегда последовательно отстаивала закрытый характер Черного моря. В ноте от 24 сентября 1946 г. Советское правительство еще раз подчеркнуло «особое положение Черного моря, как закрытого моря». Можно также напомнить, что конференция в Монтре в 1936 г. не согласилась с предложением английской делегации признать Черное море — «открытым международным морем».

В самом деле, если бы признать Черное море «открытым международным» морем, то совершенно бы стерлось различие между Черным морем и, к примеру, Средиземным морем. Оба эти морские бассейны в равной мере считались бы открытыми и международными морями. Между тем совершенно ясен принципиально различный характер Средиземного моря, непосредственно (через Гибралтарский пролив и Суэцкий канал) соединенного с двумя океанами, издавна являющегося основным международным путем со-

общения, — и Черного моря, непосредственно не соединенного с океаном, и омывающего берега ограниченного числа государств.

Но закрытый характер Черного моря определяет и юридическую природу проливов, являющихся единственным входом в бассейн Черного моря.

Можно и должно различать, в основном, три категории проливов: проливы, ведущие во внутренние моря (под каковыми мы понимаем моря, побережье которых и соединение с другим морем принадлежат одному государству), например, Керченский пролив, ведущий в Азовское море — внутреннее море СССР; проливы, ведущие в закрытые моря (как Босфор и Дарданеллы, ведущие в закрытое Черное море), и проливы или каналы, соединяющие открытые моря и океаны и являющиеся в силу этого мировыми водными путями (как, например, Суэцкий и Панамский каналы, Гибралтар и т. п.).

Режим проливов первой категории естественно определяется юрисдикцией государства, которому принадлежит побережье внутреннего моря; режим проливов второй категории должен регулироваться прибрежными государствами, как наиболее заинтересованными в свободе торгового мореплавания и безопасности в данных проливах; наконец, режим проливов третьей категории, т. е. основных мировых водных путей, должен подлежать международному контролю с обязательным участием наиболее заинтересованных держав¹.

Но вернемся к предложениям Советского правительства о предоставлении установления режима черноморских проливов компетенции черноморских держав и совместной обороне указанных проливов средствами крупнейших черноморских держав — СССР и Турции. Предложения эти, как мы уже указывали, объявлены реакционными политическими деятелями и профашистской печатью капиталистических стран беспрецедентными и нарушающими суверенные права Турции.

Прежде всего необходимо отметить, что в отношении действительно основных мировых водных путей, где действительно необходим международный контроль, крупнейшие

¹ Предлагаемая классификация, разумеется, не исчерпывает сложных и разнообразных международных правоотношений, связанных с проблемой юридической природы проливов.

империалистические державы присвоили себе «право» единолично устанавливать режим проливов и единолично охранять их безопасность.

Известно, например, что режим Панамского канала, соединяющего Атлантический и Тихий океан, являющегося водным путем мирового значения, регулируется волей одной державы, — Соединенных Штатов Америки, хотя указанный канал проходит по территории не США, а Панамы.

Известно, что для того, чтобы обеспечить свое исключительное положение в Панамском канале, США не постеснялись произвести государственный переворот в Колумбии, по территории которой должен был пройти канал, и создали новое государство — Панаму, зависимое от Соединенных Штатов. Известно, что договор 1903 года между США и Панамой гарантировал Соединенным Штатам осуществление территориального верховенства как над каналом, так и над значительной береговой полосой вдоль канала.

Известно, что договор этот не остался мертвой буквой, что США и по настоящее время осуществляют единолично оборону канала, несмотря на его бесспорно международный характер.

Известно, что в послании конгрессу США 5 сентября 1945 г. президент Трумэн заявил, что «как суверенная нация, мы должны быть готовы защищать нашу национальную целостность, поддерживая и укомплектовывая надлежащие оборонительные базы на нашем континенте, на Панамском канале и за океаном».

Но нам совершенно неизвестны факты, когда бы президент, конгресс или Государственный департамент США заявляли, что единоличная охрана Соединенными Штатами Панамского канала нарушает суверенитет Панамы, или чтобы США предложили другим заинтересованным государствам принять участие в установлении режима Панамского канала¹.

Суэцкий канал также является основным мировым путем сообщения. Он проходит по территории Египта. Но ни для кого не секрет, что Англия присвоила себе право единоличной охраны этого важнейшего международного пути, что

¹ 11 декабря 1947 г. Государственный департамент США объявил о подписании между Панамой и США нового соглашения, разрешающего Соединенным Штатам сохранить за собой в течение еще 5 лет 13 военных баз в Панаме, а также предоставляющего США в аренду на 10-летний срок важную военно-воздушную базу в Рио Хато с правом продления срока аренды еще на 10 лет.

она оккупировала своими вооруженными силами зону канала, что она содержит в районе канала многочисленные военные базы и что египетский народ никак не может добиться ни от консервативного, ни от лейбористского правительства Англии увода британских войск.

Гибралтарский пролив соединяет Атлантический океан и Средиземное море. Его международное значение бесспорно. Однако его режим не регулируется международными соглашениями, за исключением англо-французского соглашения 1904 года, которое без привлечения других заинтересованных держав установило в статье 7 условия обеспечения «свободного прохода через пролив».

Фактический контроль над режимом Гибралтарского пролива осуществляет до сих пор Англия, владеющая крупнейшей крепостью на северном берегу пролива и обладающая многочисленными военно-морскими базами в Средиземном море.

Оба берега Магелланова пролива, соединяющего Тихий и Атлантический океаны, принадлежат Чили. Режим пролива, однако, регламентируется двусторонним договором 1881 года, заключенным между Чили и Аргентиной. Мы не слышали тем не менее претензий США или Великобритании на участие в установлении режима Магелланова пролива и тем более не слышали заявлений, что указанный договор нарушает суверенные права Чили.

А между тем Гибралтарский пролив, Панамский и Суэцкий каналы являются основными мировыми водными путями в отличие от проливов Босфора и Дарданелл, ведущих в закрытое Черное море, в режиме которых кровно заинтересовано ограниченное число черноморских государств.

Ни Гибралтарский пролив, ни Суэцкий и Панамский каналы никогда не служили воротами для агрессора, угрожавшего безопасности Великобритании или США. А Босфор и Дарданеллы неоднократно служили целям агрессии, направленной против черноморских держав.

Международная реакция пытается представить дело так, что режим черноморских проливов якобы всегда регулировался многосторонними соглашениями. Но это утверждение противоречит историческим фактам. Начиная с Кучук-Кайнарджийского договора 1774 года, т. е. с момента выхода России на черноморское побережье, режим проливов неизменно определялся двусторонними соглашениями России и

Турции — единственных в то время черноморских держав.

Международные соглашения о режиме черноморских проливов появились только в 1840—1841 гг., благодаря реакционной дипломатии капиталистической Англии, антинациональной политике правящих кругов военно-феодальной России, поступившейся жизненными национальными интересами страны во имя своих корыстных классовых интересов и в силу беспомощности Турции, являвшейся объектом борьбы между великими державами.

Но не только в период между 1774 и 1840 гг. режим проливов определялся двусторонними соглашениями черноморских держав.

В новую эпоху истории человечества, открытую победой Великой Октябрьской социалистической революции, ряд советско-турецких договоров (советско-турецкий договор 16 марта 1921 г., договор между Турцией и Закавказскими советскими республиками 13 октября 1921 г., договор между Турцией и Украинской ССР 21 января 1922 г.) признали необходимым передать установление международного статуса Черного моря и проливов конференции прибрежных черноморских стран.

Пункт 4 ноты Советского правительства от 7 августа 1946 г., предлагающий передать выработку новой конвенции о режиме черноморских проливов в компетенцию черноморских стран, таким образом, полностью вытекает как из исторического развития международно-правового режима черноморских проливов, так и из обязательств турецкого правительства, принятых им по договорам с советскими республиками в 1921—1922 гг. и не претворенных в жизнь по сию пору.

Международная реакция пытается объявить «беспрецедентным» также предложение Советского правительства об организации обороны черноморских проливов совместными средствами Турции и СССР. Но и здесь она попадает впросак.

Международному праву известен ряд русско-турецких договоров, предусматривавших совместную оборону Босфора и Дарданелл (договоры 1798, 1805, 1833 гг.). Более того, помощь со стороны России в обороне черноморских проливов не только предусматривалась указанными договорами, но и осуществлялась на деле, причем, как правило, по просьбе Турции.

Так это было в начале XIX в., когда Турции понадобилась русская помощь против Наполеона. Так это было в 30-х годах XIX в., когда Турция обратилась за помощью к России в борьбе против египетского паши Мегмеда-Али.

Трубадуры империализма вопят, что предложения Советского правительства «нарушают» суверенные права Турции, «угрожают» ее независимости и т. п.

Но всему миру известно, что нет более принципиального, твердого и стойкого защитника суверенных прав народов, нежели Советский Союз. Одним из первых шагов Советского правительства был отказ, без всяких компенсаций, от соглашения 1915 года между царским правительством и правительствами Антанты о передаче России Константинополя и проливов. Внешняя политика Советского Союза всегда неизменно основывалась и основывается на уважении к суверенным правам, свободе и независимости всех народов, на стремлении к обеспечению прочного мира и всеобщей безопасности.

Утверждать, что предложения Советского правительства, имеющие своей единственной целью обеспечить мир и безопасность, как в бассейне Черного моря, так и во всем мире, якобы угрожают суверенитету и независимости Турции, — значит сознательно ставить вещи на голову.

Босфор и Дарданеллы — это не просто территориальные воды Турции. — Это — единственный вход в Черное море, на берегах которого расположен ряд государств. В безопасности этого входа в равной мере с Турцией жизненно заинтересованы все черноморские державы — Советские республики, Болгария и Румыния.

Опыт показал, что этим входом нередко злоупотребляли во вред черноморским державам. Так было в 1854—1856 гг. во время Крымской войны, когда через Босфор и Дарданеллы в Черное море проник флот коалиции западных морских держав и Турции. Так было в первую мировую войну, когда Турция, еще не участвуя в войне, пропустила в проливы германские крейсера «Гебен» и «Бреслау». Так произошло в 1918—1920 гг., когда проливы были использованы державами Антанты для организации интервенции против Советских республик. Так это произошло и во время второй мировой войны, когда Турция, пользуясь предоставленным ей по конвенции в Монтре правом единоличной охраны проливов, систематически пропускала в Черное море и из Чер-

ного моря германские и итальянские военные и вспомогательные военные суда.

Игнорируя уроки истории, нынешнее турецкое правительство сохраняет этот курс, угрожающий безопасности всех черноморских стран, в том числе и самой Турции. Правящие круги Турции не вняли предупреждению Советского правительства в ноте от 24 сентября 1946 г. о том, что «если бы Турция, отказавшись от предложения СССР, стала осуществлять военные мероприятия в Проливах совместно с какими-либо нечерноморскими державами, то это, разумеется, оказалось бы в прямом противоречии с интересами безопасности черноморских держав».

В августе 1946 года советскую и зарубежную печать обошло сообщение о создании в Дарданеллах английской военной базы снабжения, о подчинении английскому командованию турецкого аэродрома Ешиль Кей, вблизи Стамбула, об установке и руководстве английскими военными специалистами радарных станций во Фракии и на турецком побережье Черного моря.

Турция, в особенности зона проливов, наводнена бесчисленными американскими военными миссиями, контролерами, «экспертами» и т. п., американские военные корабли крейсируют в турецких водах как у себя дома. Утвержденное 9 июля 1947 г. Советом министров Турции американо-турецкое соглашение о «помощи» Турции ставит и без того расширенную турецкую экономику в зависимость от американских монополий.

Пресловутая «помощь» США выражается в интенсивном стратегическом железнодорожном строительстве, в сооружении аэродромов, в «модернизации» портов и проливов. Как сообщают турецкие газеты американские поставки вооружения включают орудия и морские мины для Дарданелл. В связи с «визитами» американских линкоров в проливы турецкая газета «Джумхуриет» хвастала, что, мол, «в случае надобности авианосец «Франклин Рузвельт» так же, как и линкор «Миссури», покажет себя в голубых водах проливов».

Так выглядит турецкий суверенитет в свете пресловутого «плана Маршалла» — новейшей программы американской империалистической экспансии.

Советский народ не может игнорировать ни исторический опыт, ни лихорадочную деятельность поджигателей войны. Советский Союз жизненно заинтересован в режиме

черноморских проливов. Советское черноморское побережье простирается на 2100 километров. На берега Черного моря выходят важнейшие стратегические и экономические районы четырех советских республик — РСФСР, Украинской, Грузинской и Молдавской Советских Социалистических Республик. Через Босфор и Дарданеллы идет почти весь экспорт и импорт, проходящий через советские порты, расположенные на Черном и Азовском морях.

Советские предложения, изложенные в ноте от 7 августа 1946 г., исходят из коренных интересов черноморских держав и задачи обеспечения прочного мира и всеобщей безопасности. В то же время они полностью удовлетворяют общие интересы международной торговли.

«Советское правительство держится того мнения, — говорится в ноте правительства СССР от 24 сентября 1946 г., — что только совместными средствами Турция и Советский Союз могут обеспечить как свободу торгового мореплавания, так и безопасность в Проливах. При этом Советское правительство полагает, что осуществление указанного советского предложения отнюдь не должно затронуть суверенитет Турции и вместе с тем должно в наибольшей мере соответствовать интересам ее безопасности, поскольку совместные мероприятия Турции и Советского Союза могут обеспечить охрану проливов в большей мере, чем мероприятия одной Турции».

Выдвинутые Советским правительством принципы, на которых должен быть основан новый режим черноморских проливов, полностью соответствуют коренным интересам всех черноморских держав. Не затрагивая суверенитет Турции, обеспечивая требования международной торговли, они способствуют укреплению мира и всеобщей безопасности.

Советские предложения о режиме проливов являются ярким выражением ленинско-сталинской политики мира и международного сотрудничества, неизменно и последовательно проводимой Советским государством.

Они являются новым крупным достижением советской международно-правовой мысли и ценным вкладом Советского государства в развитие международного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс—Фердинанду Лассалю (письма от 6 апреля и 1 июня 1854 года) Соч., т. XXV, стр. 200—205.
- Маркс и Энгельс—Восточный вопрос, Соч., т. IX, стр. 369—484.
- Маркс и Энгельс—Лорд Пальмерстон, Соч., т. IX, стр. 485—548.
- Маркс и Энгельс—Четвертое соглашение, Англия и война, Соч., т. IX, стр. 570—578.
- Маркс и Энгельс—Документы о разделе Турции, Соч., т. IX.
- Маркс и Энгельс—Секретная дипломатическая переписка, Соч., т. IX, стр. 694—709.
- Маркс и Энгельс—Объявление войны, Соч., т. X, стр. 8.
- Маркс и Энгельс—Четыре пункта, Соч., т. X, стр. 244—249.
- Маркс и Энгельс—Ближайшие перспективы во Франции и Англии, Соч., т. X, стр. 378—382.
- Энгельс—Политическое положение в Европе, Соч., т. XVI, часть 1, стр. 260—267.
- Энгельс—Внешняя политика русского царизма, Соч., т. XVI, часть 2, стр. 3—40.
- Маркс—Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 9, 42, 44, 199, 207.
- Ленин—Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана, Соч., т. VII, стр. 388—391.
- Ленин—События на Балканах и в Персии, Соч., т. XII, стр. 357—365.
- Ленин—Азартная игра, Соч., т. XVI, стр. 149—150.
- Ленин—О лисе и курятнике, Соч., т. XVI, стр. 159—160.
- Ленин—К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов, Соч., т. XVI, стр. 201—206.
- Ленин—Как соединяют прислужничество реакции с игрой в демократию, Соч., т. XVIII, стр. 143—145.
- Ленин—Социализм и война, Соч., т. XVIII, стр. 198.
- Ленин—Крах I Интернационала, Соч., т. XVIII, стр. 241.
- Ленин—Оппортунизм и крах II Интернационала, Соч., т. XVIII, стр. 340.
- Ленин—О сепаратном мире, Соч., т. XIX, стр. 280—286.
- Ленин—Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический, Соч., т. XIX, стр. 359—378.
- Ленин—Письма из далека, Соч., т. XX, стр. 17, 19, 43, 44.
- Ленин—Революция в России и задачи рабочих всех стран, Соч., т. XX, стр. 49—50.

- Ленин — Важное разоблачение, Соч., т. XX, стр. 157.
- Ленин — Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов, Соч., т. XX, стр. 352.
- Ленин — Тайны внешней политики, Соч., т. XX, стр. 357—358.
- Ленин — 1-й Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., Соч., т. XX, стр. 479—499.
- Ленин — Грозящая катастрофа и как с ней бороться, Соч., т. XXI, стр. 190.
- Ленин — Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд. Заседание 26 (13) января 1918 г., Соч., т. XXII, стр. 229.
- Ленин — IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы, Соч., т. XXIII, стр. 92.
- Ленин — Речь о внутреннем и внешнем положении на конференции красноармейцев Ходыньских лагерей 15 июля 1919 г., Соч., т. XXIV, стр. 400—401.
- Ленин — Речь на беспартийной рабоче-крестьянской конференции Басманного, Лефортовского, Алексеевского и Сокольнического районов 3 сентября 1919 г., Соч., т. XXIV, стр. 447.
- Ленин — Речь на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г., Соч., т. XXV, стр. 52.
- Ленин — Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» Фарбману, Соч., т. XXVII, стр. 311—316.
- Ленин — Речь на IV сессии ВЦИК 31 октября 1922 года, Соч., т. XXVII, стр. 317—321.
- Ленин — Война и революция, Соч., т. XXX, стр. 332—351.
- Сталин — Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2.
- Сталин — Об основах ленинизма, Соч., т. 6.
- Сталин — Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б), Вопросы ленинизма, изд. 11-е.
- Сталин — История ВКП(б). Краткий курс.
- Сталин — О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», «Большевик» 1941 г., № 9.
- Сталин — О Великой Отечественной войне Советского Союза.
- Сталин — Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года.

ИСТОЧНИКИ И ДОКУМЕНТЫ

- Договоры Руси с греками. (Владимирский-Буданов М., Хрестоматия по истории русского права, СПб — Киев, 1899).
- Мартенс — Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, тт. II, IV, VIII, XII, XIV, XV, СПб, 1874—1909 гг.
- Договоры России с Востоком, политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзефович, СПб, 1869.
- Очерк истории Министерства иностранных дел 1802—1902, СПб, 1902.
- Два донесения Екатерине Великой адмирала Грейга (1783), Архив кн. Воронцова, кн. 26, М., 1882.
- План, поданный графом Суворовым в 1795 г., «Русский архив» 1914 г., вып. 6—7.
- К истории Парижского мира 1856 г. «Красный архив», 1936 г., т. II.

Бисмарк О. — Мысли и воспоминания, тт. 1—3, М., Соцэкгиз, 1940—1941.

Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов, вводная статья Хвостова, «Красный архив» 1931 г., т. 3 (46).

Шувалов П. А., — О Берлинском конгрессе, «Красный архив» 1933 г.

Проект захвата Босфора в 1896 г., вводная статья В. Хвостова, «Красный архив» 1931 г., тт. 4—5 (47—48).

Письмо А. П. Моренгейма о Французской политике на Ближнем Востоке, «Красный архив» 1932 г., т. 3 (52).

Русско-германские отношения, Секретные документы, «Красный архив» 1922 г., т. I.

Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г., «Красный архив» 1926 г., т. 5 (18).

Царское правительство о проблеме пролива в 1898—1911 гг., «Красный архив» 1933 г., т. 6 (61).

Витте С. Ю., — Воспоминания, т. I, изд. 1924 г.

Первая Балканская война, «Красный архив» 1926 г., т. 2 (15).

Международные отношения в эпоху империализма, Документы из архивов царского и Временного правительства, 1878—1917 гг., серия 2, тт. 18—19 (ч. 1—2), 20 (ч. 1—2); серия 3, тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6 (ч. 1—2), 7 (ч. 1—2), 8 (ч. 1—2), 9, 10.

Константинополь и проливы. По секретным документам б. министерства иностранных дел, тт. 1—2, М., НКВД 1925—1926.

Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг., М., 1922.

Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, изд. НКВД, 1926.

Годовой отчет НКВД за 1923 г. II съезду Советов СССР, М., 1924.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, изд. НКВД.

Итоги империалистической войны, Серия Мирных договоров (НКВД), вып. V, Севрский мирный договор.

Конвенция о режиме проливов 24 июля 1923 г. («Международная жизнь» 1924 г., № 1).

Внешняя политика СССР, Сборники документов, тт. 1—4, изд. ВПШ, М., 1944—1946.

Внешняя политика СССР в период Отечественной войны, Документы и материалы, тт. 1—3, ОГИЗ—Политиздат, 1944—47.

О конвенции в Монтре по черноморским проливам, Нота Советского правительства от 7 августа 1946 года («Известия» 13 августа 1946 г.).

О черноморских проливах, Нота Советского правительства от 24 сентября 1946 года («Известия» 28 сентября 1946 года).

Архивное Управление НКВД СССР. Документы министерства иностранных дел Германии, вып. 2, Германская политика в Турции (1941—1943), Госполитиздат, 1946.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Жигарев С. — Русская политика в Восточном вопросе, т. I, М., 1896.

Неклюдов А. — Начало сношений России с Турцией, М., 1883.

Бухаров Д. — Россия и Турция от возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 1871 г., СПб, 1878.

Калнин Э. — Наши задачи на Ближнем Востоке, «Вестник Европы» 1906 г., кн. 10.

Добров — Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове, СПб, 1875.

Попов М. — Донская оборона, «Исторический журнал» 1945 г., № 3.

Проливы (сборник), предисл. Ф. Ротштейна, М., 1923.

Горяинов С. — Босфор и Дарданеллы, СПб, 1907.

Нольде Б. Э. — Босфор и Дарданеллы, в книге «Внешняя политика», ПТБ, 1915.

Гагарин С. — Константинопольские проливы, «Русская мысль» 1915 г., кн. 4—5.

Милюков П. Н. — Константинополь и проливы, «Вестник Европы» 1917 г., кн. 1, 2, 4—6.

Эсперэ Ж. — Босфор и Дарданеллы, «Современный мир» 1915 г., № 8.

Россия, Царьград и проливы — материалы и извлечения, под ред. Р. Стрельцова, ПТГ, 1915.

Циммерман В. — Босфор и Дарданеллы, ПТГ, 1915.

Ульяницкий В. А. — Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в., М., 1881—1883.

Шубинский С. Н. — Мнимое завещание Петра Великого, СПб, 1877.

Авербух Р. А. — Политика европейских держав в 1787—1791 гг., «Историк-марксист» 1939, кн. 3.

Вандаль А. — Наполеон и Александр I, тт. 1—3, СПб, 1910—1913.

Татищев С. — Мировой раздел от Тильзита до Эрфурта, «Русский Вестник» 1890, март—апрель.

Гальберштадт Л. И. — Восточный вопрос, в кн. «Отечественная война и русское общество», т. 2, М., 1911.

Дебидур А. — Восточный вопрос 1817—1847, в кн. «История XIX века», т. 4, М., 1938.

В. Ф. Восточная политика Николая I, «Истор. Вестник» 1891, № 11.

Тарле Е. В. — Крымская война, т. 1—2, М.-Л., 1941—1943.

Татищев С. — Внешняя политика императора Николая Первого, СПб, 1887.

Ульяницкий В. А. — Дипломатия во время восточной войны и Парижский трактат 1856 года.

Покровский М. Н. — Восточный вопрос, От Парижского мира до Берлинского конгресса (1856—1878), в кн. «История России в XIX веке», т. 6, изд. Гранат.

Муратов Х. — Роль Англии в «восточном кризисе», «Историк-марксист», 1940 г., № 7.

Попов А. — От Босфора к Тихому океану, «Историк-марксист» 1934 г., т. 8.

Хвостов В. — Ближневосточный кризис 1895—1897 гг., «Историк-марксист» 1929 г., т. 13.

Хвостов В. — Проблема захвата Босфора в 90-х гг. XIX века, «Историк-марксист» 1930 г., т. 20.

Захер Я. — Русская политика по вопросу о Константинополе

и проливах во время Триполитанской войны, «Изв. Ленинград. пед-ин-та» 1928 г., вып. 1.

Захер Я. — Константинополь и проливы, «Красный архив» 1924 г., т. 6—7.

Могилевич А., Айрапетян М., — 1914—1918 гт. — На путях к мировой войне, М., 1942 г.

Могилевич А. и Айрапетян М. — Европейская дипломатия и Балканские войны (1912—1913 гт.), «Военно-исторический журнал» 1939 г., № 3.

Адамов Е. — «Восточный вопрос» и Советская Россия, «Международная жизнь» 1922 г., № 13.

Чичерин Г. И. — Лозаннская конференция и мировое положение, «Международная жизнь» 1923 г., № 2.

Коротков В. — О проливах, «Международная жизнь» 1923 г., № 1.

Горский Н. — Босфор и Дарданеллы, «Морской сборник» 1923 г., № 9.

Холодковский С. — Конвенция о проливах, «Морской сборник» 1923 г., № 9.

Холодковский С. — Вопрос о проливах и Лозанна, «Морской сборник» 1923 г., № 11.

Вейт Е. — Пятилетие Лозаннской практики в турецких проливах, «Международная жизнь» 1929 г., № 7.

Сабанин А. — Режим проливов в мирное время, «Международная жизнь» 1930 г., № 2.

Иванов Л. — Турция и режим проливов, «Мировое хозяйство и мировая политика» 1936 г., № 6.

Михайлов Г. — Новый режим проливов, «Сов. государство и право» 1936 г., кн. 5.

К вопросу о черноморских проливах. Передовая газеты «Известия» 18 августа 1946 года.

Адамов Е. — Из истории вопроса о черноморских проливах, «Известия» 24 августа 1946 года.

Никольсон Г. — Как делался мир в 1919 году, Госполитиздат, 1945.

Васильев И. — Турецкий бум, «Известия» 27 апреля 1946 г.

Крылов С. В. — Режим черноморских проливов (во время второй мировой войны и в современных послевоенных условиях), «Труды Военно-Юридической Академии», 1947, вып. VI.

Соответствующие списки иностранной специальной литературы можно найти в известных курсах Фошиля, Бустаманте и Оппенгейма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Черноморские проливы до завоевания Константинополя турками	10
Глава II. Черное море — внутреннее море Оттоманской империи (1453—1774)	25
Глава III. Открытие проливов для военных кораблей России (от Кучук-Кайнарджийского договора 1774 года до Унклар-Искелесского договора 1833 года)	54
Глава IV. Закрытие проливов для военных кораблей	95
I Лондонские конвенции 1840—1841 гг.	95
II „Нейтрализация“ Черного моря (Парижский трактат 1856 года)	108
III Отмена ограничительных постановлений Парижского трактата (Лондонский договор 1871 года)	118
Глава V. Международно-правовой режим черноморских проливов в новое время (1871—1918 гг.)	125
Глава VI. СССР и международно-правовой режим черноморских проливов	168

Редактор *Б. В. Федоров*. Техн. редактор *А. Н. Макарова*.

Подписано к печати 4/XII 1943 г. Л77774. Печ. л. 15. Уч.-изд. л. 12,95.
 В печ. л. 36 603 зн. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. Заказ № 8336.
 Тираж 10000 экз. Цена 7 р. 80 к.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова треста
 „Полиграфкнига“ ОГИЗа при Совете Министров СССР.
 Москва, Валовая, 28.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
5	седьмая	8 августа	7 августа	автора
9	2 сверху	8 августа	7 августа	»
130	8 сверху	Тейхштадте	Рейхштадте	кор.
189	1 снизу	капитулиро- вана	капитулиро- вала	тип.
235	7 сверху	четвертое	четверное	тип.

Дранов Б. А.

Цена 7 р. 80 к.

609.